

Источник: Шекспир В. Конец всему делу венец : комедия в 5 действиях / пер. П. И. Вейнберга ; с предисл. Зин. А. Венгеровой // Шекспир В. [Полн. собр. соч. : в 5 т.] / под ред. С. А. Венгеровой. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 2. [2], 578 с. С. 247–314. (Библиотека великих писателей).

247

КОНЕЦЪ ВСЕМУ ДѢЛУ ВѢНЕЦЪ.

Комедія въ 5 дѣйствіяхъ.

Переводъ П. И. Вейнберга.

.....

Съ предисловіемъ Зин. А. Венгеровой.

*Заглавная виньетка извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта
(sir John Gilbert).*

248

Конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

Комедія „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ” (All’s well, that ends well) напечатана была впервые въ in-Folio 1623 года, безъ раздѣленія на акты и списка дѣйствующихъ лицъ (приложеннаго къ изд. Rowe’a 1709 г.). Время появленія на сценѣ съ точностью установить нельзя: никакихъ указаній на современныя событія нѣтъ; въ содержаніи комедіи много общаго съ ранними произведеніями Шекспира, но есть и черты, приближающія ее къ драмамъ зрѣлаго періода. Д-ръ Фармеръ въ своемъ „Essay on the learning of Shakespeare” (1767 г.), отождествилъ „All’s well that ends well” съ упомянутой въ спискѣ Фрэнсиса Мереса (Palladis Tamia) комедіей „Love’s labours won”, представленной съ большимъ успѣхомъ въ 1598 г. Такъ какъ трудно предположить, чтобы извѣстная современникамъ пьеса Шекспира не вошла въ in-Folio, то очевидно нужно искать названную Мересомъ комедію въ какой-нибудь изъ пьесъ, носящихъ другое заглавіе. Предположеніе Hunter’a, что „Love’s labours won” первоначальное заглавіе „Бури” падаетъ само собой, потому что „Буря” одна изъ послѣднихъ драмъ Шекспира, и не могла быть извѣстна въ 1598 г. Заглавіе же „Love’s labours won” (Плодотворныя усилія любви) вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію комедіи „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ”. Первоначальное заглавіе объясняется тѣмъ, что „Love’s labours won” составляла pendant къ одной изъ раннихъ комедій Шекспира „Безплоднымъ усиліямъ любви”. Въ обѣихъ представлена одна и та же придворная среда, и рѣчи придворныхъ кавалеровъ отмѣчены одинаковой манерностью. Но „Безплодныя усилія любви” насквозь проникнуты „эвфуизмомъ”, а „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ” сохранила лишь въ отдѣльныхъ сценахъ слѣды напыщенности. Къ взгляду Фармера о тождествѣ „All’s well that ends well” съ „Love’s labours won” примкнули всѣ толкователи Шекспира, начиная съ Тика и Кольриджа, но мнѣнія

критиковъ раздѣляются по вопросу о томъ, соответствуетъ ли „Love's labours won" окончательной, помѣщенной въ in-Folio редакціи комедіи. Деліусъ полагаетъ, что въ 1598 г. комедія представлена была въ своемъ теперешнемъ окончательномъ видѣ, Найтъ тоже относитъ „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" къ раннимъ произведеніямъ Шекспира, написаннымъ до 1590 г. Но гораздо убѣдительнѣе взгляды Гервинуса и Фризена; они указываютъ на сліяніе въ пьесѣ двухъ разныхъ стилей, изъ чего можно заключить, что пьеса подверглась переработкѣ; первая редакція относится къ раннему періоду, и она упомянута Мересомъ; другая, кореннымъ образомъ передѣланная, къ болѣе позднему времени — по Мэлону къ 1606 году. Два совершенно различныхъ стиля видятъ въ комедіи и Кольриджъ, и Грэндъ - Уайтъ; послѣдній

249

относитъ цѣлую треть стиховъ къ позднѣйшей обработкѣ. Слѣды первой редакціи видны главнымъ образомъ въ риѣмованныхъ стихахъ нѣкоторыхъ сценъ („догреляхъ"), въ выпренности рѣчей придворныхъ кавалеровъ; языкъ избраннаго общества тоже отмѣченъ „эвфуизмомъ", какъ и въ „Бесплодныхъ усиліяхъ любви". Цинизмъ шута и въ особенности Пароля совершенно въ стилѣ раннихъ комедій Шекспира; наиболѣе характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Пароля съ Еленой о дѣвственности (Д. I, сц. 1), одинъ изъ наиболѣе непристойныхъ у Шекспира. Сцена написана прозой, изобилующей грубыми выраженіями, и заканчивается „догрелями" въ монологѣ Елены. Тѣмъ же низменнымъ стилемъ говорятъ главные дѣйствующія лица комедіи — Елена, графиня, Бертрамъ, король въ вводныхъ, не относящихся непосредственно къ дѣйствию разговорахъ съ шуткомъ и Паролемъ — всѣ эти сцены, такъ же какъ и напыщенные рѣчи придворныхъ, перенесены вѣроятно безъ всякихъ измѣненій въ позднѣйшую обработку изъ первоначальной редакціи. Но по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе становится болѣе драматичнымъ, общій тонъ мѣняется и приближается къ благородству зрѣлыхъ произведеній Шекспира: напутственная рѣчь графини сыну, бесѣды графини съ Еленой о любви къ Бертраму, воспоминанія короля объ отцѣ Бертрама написаны выдержаннымъ бѣлымъ стихомъ; проза въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ рассказѣ управителя о чувствахъ Елены къ Бертраму (Д. I, сц. 3) выдѣляется своею простотою и серьезнымъ тономъ на фонѣ грубаго балагурства другихъ дѣйствующихъ лицъ. Отдѣльныя мысли и намеки, такъ же какъ и характеръ нѣкоторыхъ сценъ, даютъ поводъ предположить, что „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" написанъ или непосредственно, или вскорѣ послѣ „Гамлета": такъ напр. наставленія графини отъѣзжающему сыну напоминаютъ прощаніе Полонія съ Лаертомъ, ироническіе рассказы шута о придворной жизни, о холопствѣ царедворцевъ (въ разговорѣ съ графиней, Д. II, сц. 2) — издѣвательства Гамлета надъ Полоніемъ въ бесѣдѣ о видѣ и формѣ облаковъ. Въ комедіи есть выходки противъ пуританъ — шутъ высмѣиваетъ католическихъ и протестантскихъ фанатиковъ; въ этомъ сказывается негодованіе Шекспира противъ показного благочестія, что тоже приурочиваетъ комедію къ эпохѣ „Гамлета".

Сюжетъ комедіи заимствованъ Шекспиромъ изъ новеллы Боккачіо (Декамеронъ, 3-ій день, нов. 9), которая была извѣстна Шекспиру по англійскому переводу William Paynter'a въ его „Palace of Pleasure” (1566 г.). Изъ сравненія комедіи съ новеллой Боккачіо видно, какъ Шекспиръ умѣлъ углублять психологическій смыслъ неправдоподобныхъ, фантастическихъ, а иногда, какъ именно въ данномъ случаѣ, почти оскорбительныхъ для нравственнаго чувства положеній и дѣйствій. Новелла Боккачіо „Джилетта Нарбонская” принадлежитъ къ серіи повѣстей о беззавѣтно и рабски любящихъ женщинахъ, которыя силой смиренія и готовностью ко всякаго рода униженіямъ покоряють сердца своихъ суровыхъ избранниковъ. Такова напр. Гризельда въ послѣдней новеллѣ „Декамерона” — идеальное воплощеніе нѣжности и женственности. Джилетта, въ противоположность Гризельдѣ, предприимчива и неразборчива въ выборѣ средствъ для достиженія своей цѣли; хитрости, къ которымъ она прибѣгаетъ, лишаютъ ее и женственности, и душевной красоты. Джилетта, по новеллѣ, богатая сирота, дочь знаменитаго врача Жирарда Нарбонскаго. Она любитъ сына графа Руссильонскаго, Бельтрамо, своего товарища дѣтства, и отказывается поэтому отъ всѣхъ предлагаемыхъ ей блестящихъ партій. Бельтрамо отправился въ Парижъ, ко двору французскаго короля; узнавъ о неизлѣчимой болѣзни короля (опухоль на груди), Джилетта строитъ на этомъ свои планы. Она является ко двору, предлагаетъ королю излѣчить его — ея отецъ передалъ ей тайны своего искусства — и, когда въ назначенный ею срокъ король дѣйствительно выздоравливаетъ, Джилетта проситъ въ награду, чтобы король выдалъ ее замужъ за Бельтрамо. Несмотря на нескрываемое презрѣніе къ дочери простаго лѣкаря, молодой графъ соглашается на бракъ, исполняя волю короля; но тотчасъ же послѣ вѣнца онъ уѣзжаетъ на войну во Флоренцію, гдѣ становится партизаномъ флорентинцевъ противъ Сіенны. Молодая графиня Руссильонская отправляется одна во владѣнія своего мужа, мудро управляетъ его землями и пріобрѣтаетъ симпатіи подданныхъ. Водворивъ порядокъ въ странѣ, разоренной долгимъ отсутствіемъ владѣльца, она посылаетъ къ своему мужу гонцовъ съ запросомъ о причинахъ его добровольнаго изгнанія — если онъ не возвращается изъ-за нея, то лучше она уѣдетъ. Бельтрамо шлетъ ей грубый и безпощадный отвѣтъ: „Пусть она поступаетъ какъ знаетъ”, передаетъ

250

онъ ей черезъ ея посланныхъ. „Я же только тогда вернусь къ ней, когда у нея на пальцѣ очутится вотъ этотъ перстень (тотъ, который Бельтрамо очень любилъ и никогда не снималъ съ пальца), и когда она будетъ держать на рукахъ своего сына, отцомъ котораго былъ бы я”. Явная невыполнимость этихъ условій не останавливаетъ предприимчивую Джилетту, и она тотчасъ же замышляетъ новые хитрые планы. Она объявляетъ всѣмъ о своемъ намѣреніи навсегда покинуть владѣнія графа и провести остатокъ дней въ странствованіи по святымъ мѣстамъ; затѣмъ, взявъ съ собой только преданную служанку, а также много серебра и драгоценностей, она отправляется въ одеждѣ странницы прямо во Флоренцію. Тамъ, поселившись въ домѣ одной вдовы, она видитъ проѣзжающаго мимо оконъ Бельтрамо и, спрашивая о немъ какъ о незнакомцѣ, узнаетъ о любви

его къ бѣдной дѣвушкѣ, которая отвергаетъ его ухаживанія. Джилетта отправляется къ матери дѣвушки и предлагаетъ ей большую награду, если она согласится помочь покинутой женѣ вернуть себѣ расположеніе мужа. Та соглашается, и Джилетта, назвавъ себя, открываетъ ей свой планъ. Нужно, чтобы дѣвушка потребовала отъ влюбленнаго Бельтрамо его кольцо, а затѣмъ позволила ему тайно пробраться ночью въ ея комнату, гдѣ вмѣсто молодой флорентинки будетъ ждать графа сама Джилетта. Планъ приводится въ исполненіе. Послѣ нѣкотораго времени Джилетта чувствуетъ себя матерью, и щедро вознаграждаетъ мать и дочь, которыя за минованіемъ надобности въ нихъ, уѣзжаютъ изъ Флоренціи. Бельтрамо тоже возвращается въ Руссильонъ, узнавъ объ отъѣздѣ графини. Джилетта остается во Флоренціи, родить тамъ двухъ близнецовъ, очень похожихъ на отца, и черезъ нѣсколько времени возвращается на родину; узнавъ, что въ замкѣ Бельтрамо устраивается пышное празднество въ день Всѣхъ Святыхъ, она является туда въ одеждѣ странницы, съ дѣтьми на рукахъ, падаетъ на колѣни передъ мужемъ и, рыдая, проситъ его признать ее своей женой: она выполнила всѣ поставленныя имъ условія, добыла его кольцо и родила ему двухъ сыновей. Изумленный и растроганный Бельтрамо спрашиваетъ ее о всемъ случившемся, преклоняется передъ силой и постоянствомъ ея любви, и между супругами водворяется любовь и согласіе.

Неправдоподобность сюжета не сглажена въ новеллѣ никакой психологической мотивировкой, всѣ событія управляются случаемъ и характеръ героини съ ея навязчивой любовью менѣе всего привлекателенъ. Въ ея дѣйствіяхъ отсутствуетъ всякая внутренняя правда. Нельзя допустить, чтобы глубоко и нѣжно любящая дѣвушка, каковой по замыслу должна быть Джилетта, насильно женила бы на себѣ человѣка, откровенно ее отвергнувшаго, и тѣмъ болѣе недопустимо, чтобы ея хитрыя затѣи пробудили въ немъ любовь, — напротивъ того, въ томъ видѣ, какъ замыслы Джилетты представлены у Боккачіо, они должны были бы еще болѣе возстановить Бельтрамо противъ назойливой до безстыдства женщины. Для Боккачіо интересъ, конечно, не въ психологической правдѣ, а въ колоритномъ жизнерадостномъ изображеніи пикантнаго любовнаго приключенія.

Шекспиръ извлекъ изъ грубоватаго анекдота богатый психологическій матеріалъ, создалъ изъ грубой неженственной Джилетты одинъ изъ самыхъ трогательныхъ типовъ своей женской галлерей и внесъ столько своего въ неподатливый сюжетъ, что идея его комедіи приближается къ психологическимъ задачамъ, разработаннымъ въ другихъ пьесахъ, почерпнутыхъ изъ совершенно иныхъ источниковъ.

На сюжетъ новеллы Боккачіо написана была до Шекспира пьеса итальянца Бернардо Аккольди, „Виргинія“, представленная въ Сіеннѣ на празднествѣ въ честь бракосочетанія Magnifico Антоніо Спанокки и напечатанная во Флоренціи въ 1513 году (авторъ ея умеръ въ 1534 г.). Клейнъ доказываетъ въ своей „Gesch. des Italien Drama's“ (I), что Шекспиръ зналъ эту пьесу, но гораздо правдоподобнѣе, что онъ пользовался только новеллой Боккачіо въ переводѣ Пэнтера.

Героиня комедіи, Елена, имѣетъ много общаго съ Юліей изъ „Двухъ веронцевъ“, тоже самоотверженно любящей дѣвушкой, которая слѣдуетъ за отвергающимъ ее возлюбленнымъ, съ Віолой въ „Двѣнадцатой ночи“, съ

Порціей въ „Венеціанскомъ купцѣ“. А вся исторія дѣвушки, которая своею сильною и смѣлою любовью покоряетъ сердце строптивого юноши, представляетъ интересный pendant къ „Усмиренію строптивой“, — разница только та, что тамъ активная роль принадлежитъ мужчинѣ, здѣсь женщинѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ вся трудность сюжета: какъ изобразить предприимчивую, воющую за свое

счастье женщину, не лишивъ ея обаянія женственности. Въ итальянской новеллѣ эта задача не разрѣшена; Шекспиръ же, увлеченный трудностью сюжета, блестяще справился съ нею. Вся борьба Елены, завоевывающей свое счастье, перенесена во внутренній міръ, вся сила, дающая ей побѣду, заключается въ глубинѣ и святости ея чувства, а внѣшніе факты, дѣйствія, къ которымъ она прибѣгаетъ, теряютъ свою преднамѣренность, становятся только выразителями душевныхъ переживаній, возникаютъ естественно изъ самыхъ обстоятельствъ, не составляя предначертаннаго заранѣе плана. Шекспиръ достигаетъ этого тѣмъ, что вводитъ въ дѣйствіе тонкія психологическія подробности. Онъ и въ этой комедіи, какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, чрезвычайно бережно относится къ источнику, совершенно вѣрно воспроизводитъ все фактическое, но даетъ фактамъ свое собственное освѣщеніе, и тѣмъ самымъ вкладываетъ въ нихъ новый смыслъ. Къ лицамъ, выведеннымъ у Боккачіо, Шекспиръ прибавляетъ нѣсколько новыхъ; въ его комедіи большую роль играетъ мать Бертрама, старая графиня Руссильонская; она поощряетъ трогательную любовь Елены, становится на ея сторону, настаиваетъ на ея поѣздкѣ въ Парижъ. Этимъ съ Елены снимается упрекъ въ неженственной назойливости и неделикатности. Она только любитъ, только стремится овладѣть любовью Бертрама, и хватается за всѣ средства, которыя даются ей въ руки, именно благодаря силѣ ея побѣднаго желанія. Въ противоположность Джилеттѣ, она не строитъ никакихъ завоевательныхъ плановъ и, напротивъ того, считаетъ свое чувство безнадежнымъ, — активная роль принадлежитъ отчасти старой графинѣ, которая своимъ вмѣшательствомъ охраняетъ чистоту и нѣжность образа Елены. Шекспиръ облагородилъ также и Бертрама, давъ ему въ совѣтчики пошлаго и хвастливаго товарища, Пароля, уже всецѣло созданнаго Шекспиромъ: у Боккачіо ни о какихъ товарищахъ Бельтрамо не упоминается. Пароль — злой геній Бертрама, толкающій его на кутежи и грубость; его вліяніе обуславливаетъ безсердечную надменность юноши по отношенію къ „дочери бѣднаго лѣкаря“; въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія происходитъ борьба за власть надъ душой Бертрама; драматическій интересъ комедіи сводится въ значительной степени къ вопросу о томъ, кто побѣдитъ: Елена съ ея благородной любовью, или Пароль, развращающій Бертрама, т. е. будетъ ли побѣда на сторонѣ добра или зла. Отсюда обычный въ драмахъ Шекспира параллелизмъ двухъ дѣйствій: съ одной стороны, любовной драмы Елены, съ другой — обличенія Пароля; убѣдившись въ его низменности и невѣрности, Бертрамъ тѣмъ самымъ научается цѣнить благородство и любовь Елены.

Создавъ новое дѣйствующее лицо, хвастуна Пароля, расширивъ и углубивъ этимъ сюжетъ, Шекспиръ ввелъ въ него этическій мотивъ и представивъ борьбу между вѣрностью искренно любящей женщины и притворной, корыстной преданностью льстиваго труса, тѣмъ самымъ облагородилъ и придалъ нравственный интересъ герою разыгрывающейся любовной драмы. Бельтрамо въ новеллѣ настолько грубъ и пошлъ въ своей аристократической заносчивости, что любовь Джилетты къ нему совершенно неправдоподобна. Шекспировскій Бертрамъ тоже очень непривлекателенъ и тогда, когда онъ изъ сословныхъ предразсудковъ отказывается жениться на Еленѣ, и въ особенности въ концѣ, когда онъ нагло лжетъ и клеветаетъ на невинную дѣвушку, Діану, предъявляющую справедливыя права на него. Но онъ до нѣкоторой степени оправданъ дурнымъ вліяніемъ Пароля, и побѣда Елены обозначаетъ нравственный переломъ въ немъ. Бертрамъ такъ же исправляется, отказавшись отъ Пароля и признавъ Елену, какъ принцъ Гарри въ „Генрихѣ IV“, отринувъ Фальстафа и прочихъ старыхъ собутыльниковъ. Кромѣ графини и Пароля, Шекспиръ ввелъ въ свою комедію еще стараго лорда Лафэ, который приводитъ доказательства благородства Елены, и управителя графини Руссильонской, тоже свидѣтельствующаго о силѣ и смиренности чувствъ Елены.

При помощи этихъ новыхъ, отсутствующихъ въ первоисточникѣ лицъ, а также осложненныхъ психологическихъ мотивовъ, Шекспиръ создалъ изъ мало привлекательнаго, даже отталкивающаго сюжета интересную, психологически продуманную комедію. Тѣмъ не менѣе „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ“ не относится къ числу лучшихъ произведеній Шекспира. Сюжетъ, все-же, остается грубымъ — Елена все-таки навязываетъ себя мужу, пользуясь своими правами на благодарность короля, а всякое насиліе надъ чувствами нестерпимо для утонченнаго пониманія любви. Кромѣ того, способъ,

252

которымъ она исполняетъ условія, поставленныя мужемъ, не только не правдоподобенъ — это вина не Шекспира, а первоисточника, — но очень грубъ и не совмѣстимъ не только съ чисто женскимъ, но и вообще съ человѣческимъ достоинствомъ. Понятны, поэтому, нападки критиковъ на эту комедію. Нѣмецкіе шекспирологи — Рюмелинъ, Женэ — говорятъ о психологической неправдоподобности дѣйствія, о нестерпимой „неженственности“ Елены; Женэ сомнѣвается въ возможности счастливой семейной жизни Бертрама и Елены, такъ какъ не допускаетъ успѣшности „такихъ усилій любви“. Онъ ставитъ неизмѣримо выше Елены нѣмецкій классическій образецъ дѣвушки, побѣждающей силой любви и смиренія: Kätcheu von Heilbronn Клейста. Среди шекспирологовъ есть, однако, и защитники комедіи, въ особенности характера героини; Гервинусъ очень пространно доказываетъ чистоту ея чувствъ, видитъ въ ней образецъ смиренной и неустрашимой женской любви и превозноситъ тонкую психологическую мотивировку дѣйствій и событій, поражающихъ своей неправдоподобностью въ новеллѣ. Эльце усматриваетъ смыслъ комедіи въ изображеніи истинно-женственнаго существа, сохраняющаго свою женственность и въ столь несвойственномъ для женщины наступательномъ

положеніи. Сидней Ли считает Елену однимъ изъ величайшихъ созданий Шекспира, несмотря на то, что она попираетъ законы дѣвичьей скромности; онъ отмѣчаетъ трогательную нѣжность въ изображеніи страданій отвергнутой любви. Дѣйствительно, при всей грубости сюжета, отразившейся и въ обработкѣ Шекспира, комедія „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ“ проникнута высокимъ идеализмомъ, и анализъ любви сдѣланъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ сложные мотивы человѣческихъ чувствъ.

Въ основѣ шекспировской комедіи лежитъ мысль о силѣ любви, которая своей цѣльностью и напряженностью побѣждаетъ всѣ препятствія. Елена не замышляетъ никакихъ плановъ, она только любить, страдаетъ отъ кажущейся безнадежности своей любви, но при этомъ горда, свободна и смѣла. Только въ этомъ и заключается ея сила. Когда Бертрамъ уѣзжаетъ въ Парижъ, ко двору, она печальна; всѣ приписываютъ ея грусть мыслямъ объ умершемъ отцѣ, она же въ первомъ монологѣ говоритъ объ истинной причинѣ своего горя; свою любовь она считаетъ безнадежной, но не кается въ ней. Слова Елены — кроткія и нѣжныя: она стремится только быть поблизости Бертрама, глядѣть на него, хотя и знаетъ, что это блаженство вмѣстѣ съ тѣмъ и великая мука. Никакія мысли о томъ, чтобы „завоевать“ Бертрама, не возникаютъ у нея. Разнузданныя рѣчи Пароля возбуждаютъ въ ней желаніе отправиться въ Парижъ, — она увидала изъ его словъ, что Бертрама ожидаетъ при дворѣ множество искушеній, и ревность окрыляетъ ее. Въ эту минуту она чувствуетъ силу своей любви, и, не представляя себѣ даже, что она могла бы предпринять, начинаетъ вѣрить въ возможность счастья, заложенного въ подъемѣ ея чувствъ, въ страстности ея желанія. Монологъ, которымъ заканчивается ея бесѣда съ Паролемъ, очень характеренъ: это переходъ отъ пассивнаго, безсознательнаго чувства къ активной силѣ, психологическое объясненіе дальнѣйшихъ дѣйствій, порожденных проснувшейся, сознавшей себя душевной мощью. Передъ нею исчезаютъ преграды дѣвичьей скромности, но душевная чистота и смиренность передъ человѣкомъ, вызвавшимъ восторженное безпредѣльное чувство, остаются неприкосновенными; въ результатѣ является удивительно-поэтическая смѣсь предприимчивости, граничащей съ безстыдствомъ, и нѣжной кротости, готовности претерпѣть всяческія страданія во имя любви. Такова Елена на протяженіи всей пьесы. Она требуетъ отъ короля въ награду за исцѣленіе право избрать себѣ мужа, но робѣетъ, подходя къ Бертраму и говоритъ: „Не смѣю я сказать, что васъ избрала я. — Нѣтъ, въ вашу власть, пока продлится жизнь моя, — себя я отдаю“. Суровость мужа она переноситъ безропотно, нѣжно проситъ у него прощальнаго поцѣлуя, и съ трогательнымъ смиреніемъ принимаетъ его отказъ и приказаніе отправиться одной къ его матери въ Руссильонъ. Она боготворитъ предметъ своей любви, стремится только стать достойной его вниманія; ея любовь — служеніе Богу, котораго она возлюбила всей душой, и этотъ отгѣнокъ религіознаго культа вноситъ паѳосъ во всѣ ея дѣйствія и слова. Когда Бертрамъ, какъ бы насмѣхаясь надъ ней, посылаетъ ей письменно условія, на которыхъ онъ согласенъ вернуться къ ней, она впадаетъ въ отчаяніе и, въ противоположность Боккачьевской Джилеттѣ, вовсе не думаетъ о возможности перехитрить мужа, а предаетъ себя волѣ Божіей. Думая только о мужѣ, она уходитъ изъ дому, чтобы дать

ему возможность вернуться, и распускает слухъ о своей смерти для его успокоенія. Она ѣдетъ во Флоренцію за нимъ безъ опредѣленнаго плана дѣйствій; она хочетъ быть поблизости Бертрама — больше ни о чемъ она не думаетъ; только встрѣча со вдовой и ея дочерью пробуждаетъ ея активность, и она приводитъ въ исполненіе планъ, требующій глубокой вѣры въ силу своего чувства. Боккачѣевская Джилетта побѣждаетъ хитростью, Елена — непосредственностью своей любви, освящающей всѣ ея дѣйствія. Психологическая мотивировка, преобладаніе внутренняго міра надъ внѣшними событіями, постоянная душевная борьба, вѣра въ святость своихъ побужденій, — все это дѣлаетъ образъ Елены трогательнымъ образцомъ истинной любви, на все способной, свободной — и потому торжествующей. Предметъ ея любви, Бертрамъ, мало привлекателенъ, но тѣмъ сильнѣе выступаетъ святость ея чувства, имѣющаго оправданіе только въ своей собственной глубинѣ. И все же, въ сравненіи съ Бельтрамо новеллы, герой шекспировской комедіи болѣе интересенъ, такъ какъ его нравственная испорченность объясняется вліяніемъ Пароля. Если допустить, что наша комедія написана раньше „Генриха IV“, то Пароль интересенъ, какъ подготовительный эскизъ къ Фальстафу; по трусости и хвастовству онъ представляетъ собой развитіе Плавтовскаго „miles gloriosus“, и въ немъ намѣчены многія черты, столь гениально разработанныя Шекспиромъ въ типѣ Фальстафа. Сцена изобличенія лганья и предательства Пароля товарищами Бертрама — живо напоминаетъ сцены съ мнимымъ нападеніемъ разбойниковъ въ „Генрихъ IV“ (см. объ отношеніи Пароля къ Фальстафу статью проф. Стороженко: „Прототипы Фальстафа“ въ книгѣ его „Опыты изученія Шекспира“, 1902).

Въ художественномъ отношеніи, кромѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выясняющихъ основную идею комедіи, интересны второстепенныя, въ особенности король, говорящій мудрыя слова о сословныхъ предразсудкахъ, объ истинномъ благородствѣ (въ похвалахъ умершему отцу Бертрама), о суетности молодежи, которая гонится всегда за внѣшней новизной; въ его уста Шекспиръ вкладываетъ мысли, занимавшія его въ эпоху созиданія „Гамлета“; очень интересенъ также шутъ съ его острымъ, грубымъ и мѣткимъ юморомъ, съ его смѣлыми до цинизма нападками на современные нравы.

Зин. Венгерова.

Дѣйствующія лица.

Король французскій.

Герцогъ флорентинскій.

Бертрамъ — графъ Руссильонскій.

Лафэ — старый вельможа.

Пароль — прихвостень Бертрама.

Французскіе вельможи, участвующіе съ Бертрамомъ во флорентинской войнѣ.

Управляющій графини Руссильонской.

Шутъ \ служащіе у графини Руссильонской.

Пажъ)

Графиня Руссильонская — мать Бертрама.

Елена — ея фаворитка.

Старуха-вдова изъ Флоренціи.

Діана дочь ея.

Виолента \ сосѣдки и подруги вдовы.

Маріана)

Свита короля, офицеры и солдаты французскіе и флорентинскіе.

Дѣйствіе частію во Франціи, частію въ Тосканѣ.

255

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Руссильонъ. Комната во дворцѣ графини.

Входятъ Бертрамъ, графиня, Елена, всѣ въ траурѣ, и Лафэ.

Графиня. Разставаясь съ моимъ сыномъ, я хороню второго супруга.

Бертрамъ. А я, удаляясь отъ васъ, графиня, снова оплакиваю смерть моего отца. Но я долженъ повиноваться приказанію короля, тѣмъ болѣе, что теперь онъ опекунъ мой, и, слѣдовательно, я подчиненъ ему больше, чѣмъ когда либо.

Лафэ. Графиня, вы найдете въ королѣ мужа, а вы, графъ, — отца. Онъ, постоянно и въ отношеніи ко всѣмъ отличающійся добротою, конечно, надѣлитъ и васъ своею благосклонностью. Ваши достоинства вызвали бы ее даже тогда, если бъ въ немъ не было этого качества; тѣмъ скорѣе вы встрѣтите ее тамъ, гдѣ она въ такомъ изобиліи.

Графиня. Какія надежды на выздоровленіе его величества?

Лафэ. Онъ отпустилъ своихъ докторовъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ тратилъ время на надежды, при чемъ выигралъ только то, что съ теченіемъ этого времени потерялъ всякую надежду.

Графиня (*указывая на Елену*). У этой молодой дѣвушки былъ отецъ... О, это слово „былъ”: какую грусть нагоняетъ оно! Его ученость почти равнялась его честности. Но если бы первая совершенно сравнялась съ послѣднею, онъ сдѣлалъ бы человѣческую природу безсмертною, и смерти, за недостаткомъ работы, пришлось бы

256

бездѣльничать. Ради здоровья короля, я очень желала бы, чтобъ онъ былъ теперь живъ. Онъ-бы, кажется, сумѣлъ убить болѣзнь короля.

Лафэ. Какъ звали человѣка, о которомъ вы говорите, графиня?

Графиня. Онъ былъ знаменитъ въ своей профессіи и вполнѣ достоинъ этой извѣстности; его имя — Жераръ Нарбонскій.

Лафэ. Да, дѣйствительно, онъ былъ очень искусный человекъ. Король еще недавно отзывался о немъ съ большими похвалами и сожалѣніемъ. Со своими познаніями онъ могъ бы прожить еще долго, если бъ познанія имѣли силу одолѣвать смерть.

Бертрамъ. Скажите, пожалуйста, чѣмъ боленъ король?

Лафэ. Фистулой.

Бертрамъ. Въ первый разъ слышу о такой болѣзни.

Лафэ. Я бы очень желалъ, чтобы никто о ней никогда ничего не зналъ. Такъ эта дѣвица — дочь Жерара Нарбонскаго?

Графиня. Да, единственное дитя его и завѣщанное моимъ попеченіямъ. Ея воспитаніе заставляетъ меня возлагать на нее много хорошихъ надеждъ. Она получила въ наслѣдство дары, которыя увеличиваютъ прекрасныя качества, усвоенныя воспитаніемъ. Когда хорошія свойства проявляются въ душѣ испорченной, похвалы имъ сопровождаются сожалѣніемъ, потому что эти свойства являются въ этомъ случаѣ достоинствами и въ то же время измѣнниками. Но въ этой дѣвушкѣ прекрасныя качества еще возвышаются ея простотою. Добродѣтельная по природѣ, она еще сама усовершенствовала свою добродѣтель.

Лафэ. Ваши похвалы, графиня, растрогали ее до слезъ.

Графиня. Слезы — лучшее, чѣмъ дѣвушка можетъ приправлять похвалы, расточаемыя ей. Воспоминаніе объ отцѣ никогда не подступаетъ къ ея сердцу безъ того, чтобы сила скорби не уносила съ ея щекъ всѣ признаки жизни. Ну, полно, Елена, полно плакать, а то, пожалуй, подумаютъ, что ты выказываешь больше грусти, чѣмъ на самомъ дѣлѣ чувствуешь.

Елена. Правда, что я кажусь печальной, но эта печаль не только кажущаяся.

Лафэ. Умѣренная скорбь есть право мертвыхъ; скорбь чрезмѣрная — врагъ живыхъ.

Графиня. Когда живой — врагъ скорби, она умираетъ вслѣдствіе своей чрезмѣрности.

Бертрамъ. Графиня, я желаю получить ваше благословеніе.

Лафэ. Какъ понимать намъ это?

Графиня.

Прійми, Бертрамъ, мое благословеніе!

Поступками и внѣшностью будь схожъ

Съ твоимъ отцомъ; пусть правятъ въ равной мѣрѣ

Твоей душой и доблестная кровь,

И качества высокія; пусть будутъ

Твои дѣла достойны твоего

Высокаго рожденія. Всѣхъ на свѣтѣ

Люби, мой сынъ, немногимъ только вѣрь

И никого не обижай; будь страшенъ

Своимъ врагамъ лишь силою своей,

А не ея употребленіемъ; друга,

Какъ жизнь свою, храни; пускай тебя

Въ молчаньѣ упрекають, лишь бы только
 Въ болтливости ты не былъ обвинень.
 Пусть все, что дать тебѣ захочетъ небо
 И что могу добыть я у него
 Молитвами, — струится въ изобильи
 На голову твою! Прощай!

(Къ Лафэ). Мой сынъ —
 Неопытный придворный: будьте добрымъ
 Совѣтникомъ ему.

Лафэ.

Достаточно

Совѣтовъ лучшихъ будетъ у него.

Графиня.

Храни его, Господь! Прощай, Бертрамъ!

(Уходитъ).

Бертрамъ (Еленѣ). Пусть всѣ лучшія желанья, какія только образуются въ
 вашемъ сердцѣ, будутъ вашими слугами! Будьте утѣшеніемъ моей матери,
 вашей госпожи, и берегите ее.

Лафэ. Прощайте, прекрасное дитя! Вы должны поддержать репутацію
 вашего отца.

(Уходитъ съ Бертрамомъ).

Елена.

Ахъ, если бъ ограничилось все этимъ!
 Я объ отцѣ своемъ теперь уже
 Не думаю, и больше сожалѣнье,
 Что слышалось изъ устъ высокихъ здѣсь
 Честь воздаетъ умершему, чѣмъ слезы,
 Что я лила. Каковъ онъ былъ собою —
 Забыла я; фантазія моя
 Рисуетъ мнѣ одно лицо — Бертрама.
 Погибла я: съ Бертрамомъ улетитъ
 Вся жизнь моя. Ахъ, точно то же было бъ,
 Когда бы я влюбилась въ звѣзду,
 Блестящую на небѣ, и мечтала
 О бракѣ съ ней! Да, такъ же высоко

Онъ надо мной стоитъ: сіяньемъ яркимъ
 Его лучей могу издалика
 Я грѣть себя, но въ сферу ихъ проникнуть
 Мнѣ не дано. Итакъ, моя любовь
 Терзается своимъ же честолюбіемъ:
 Когда ко льву пылаетъ страстью лань,
 Исходъ ей смерть. Какъ сладостно и вмѣстѣ
 Мучительно мнѣ было цѣлый день

Быть вмѣстѣ съ нимъ, сидѣть и эти брови
 Высокія, и соколиный взглядъ,
 И шелкъ кудрей чертитъ себѣ на сердцѣ —
 На сердцѣ томъ, что каждую черту
 Прекраснаго лица воспринимало
 Такъ хорошо. Теперь уѣхалъ онъ,
 И слѣдъ его своимъ боготвореньемъ
 Я освящу. Но кто идетъ сюда?

Входитъ Пароль.

Елена (тихо).

Пароль, его спутникъ. Я за это
 Люблю его, а между тѣмъ какъ лгунъ
 Отъявленный онъ мнѣ извѣстенъ; знаю,
 Что онъ глупецъ и подлый человѣкъ,
 Но эти всѣ пороки такъ отлично
 Идутъ къ нему, что есть у нихъ пріютъ,
 И имъ тепло, межъ тѣмъ какъ добродѣтель
 Синѣетъ вся отъ стужи. Сколько разъ
 Мы видимъ умъ, отъ холода дрожащій,
 Прислужникомъ у глупости блестящей.

Пароль. Да сохранить васъ Богъ, прекрасная королева!

Елена. И васъ, монархъ.

Пароль. Я не монархъ.

Елена. И я не королева.

Пароль. О чемъ вы размышляли здѣсь? — о дѣвственности?

Елена. Да. Вы — въ нѣкоторомъ родѣ воинъ; позвольте же мнѣ сдѣлать
 вамъ одинъ вопросъ. Мужчина — врагъ дѣвственности: какимъ способомъ
 можемъ мы защищать ее отъ его нападеній?

Пароль. Не допускайте его къ себѣ.

Елена. Но онъ осаждаетъ насъ, а наша дѣвственность, хотя она
 защищается доблестно, все-таки слаба. Укажите намъ какое-нибудь сильное
 средство къ сопротивленію.

Пароль. Такого средства нѣтъ. Мужчины, осаждающіе васъ, подводятъ
 подъ васъ подкопы и, наконецъ, взрываютъ на воздухъ.

Елена. Да хранить Богъ нашу бѣдную дѣвственность отъ этихъ
 подкоповъ и взрывовъ! Но нѣтъ ли какого-нибудь стратегическаго средства для
 того, чтобы дѣвственницы могли взрывать на воздухъ мужчинъ?

Пароль. Къ чему же это? Въ царствѣ природы не существуетъ
 политическаго правила — сохранить дѣвственность. Потеря ея влечетъ за собой
 пріобрѣтеніе, и еще ни одна дѣвственница не родилась на свѣтъ безъ того, чтобы
 прежде не утратилась дѣвственность другой. То, изъ чего вы состоите, есть
 матеріалъ для образованія дѣвственницъ. Потеряется одна дѣвственность —
 можно найти десять другихъ; кто хочетъ всегда сохранить ее — навѣки ее
 утрачиваетъ. Вообще она слишкомъ холодная подруга: надо отдѣливаться отъ
 нея.

Елена. Нѣтъ, я буду сохранять ее еще нѣсколько времени, хотя бы отъ этого мнѣ пришлось умереть дѣвственницей.

Пароль. Въ пользу этого нельзя сказать почти ничего. Это значить поступать противъ правилъ природы. Та женщина, которая защищаетъ дѣвственность, обвиняетъ этимъ свою мать, то есть совершаетъ полное неповиновеніе. Дѣвственница — то же, что самоубійца, потому что дѣвственность сама себя умерщвляетъ, и ее слѣдовало бы хоронить на большихъ дорогахъ, далеко отъ освященной земли, какъ дерзкаго преступника противъ природы. Дѣвственность порождаетъ червячковъ, какъ сыръ; она сама съѣдаетъ себя до послѣднихъ краевъ и умираетъ, питаясь собственными внутренностями. Кромѣ того, дѣвственность сварлива, надменна, тщеславна, вся создана изъ самолюбія, то есть заражена самымъ запрещеннымъ въ заповѣдяхъ грѣхомъ. Не берегите ея: отъ этого вы останетесь только въ проигрышѣ. Долой ее — и черезъ десять лѣтъ у васъ будетъ десять дѣвственницъ, что составляетъ очень хорошій процентъ, тѣмъ болѣе, что и самый капиталъ не много упадетъ въ цѣнѣ. Бросьте ее.

Елена. Но какъ нужно поступать для того, чтобы потерять ее по своему желанью?

Пароль. А вотъ какъ: надо поступать дурно — любить того, кто не любитъ дѣвственности. Дѣвственность — товаръ, который теряетъ весь блескъ вслѣдствіе лежанья: чѣмъ больше беречь его, тѣмъ меньше онъ стоитъ. Сбывайте его, пока онъ еще можетъ найти покупателя; пользуйтесь, пока на него есть запросъ. Дѣвственность похожа на стараго придворнаго, который носить платье богато вышитое, но вышедшее изъ моды, или на тѣ украшения и зубочистки, которыхъ никто уже не употребляетъ. Ваша дѣвственность, ваша старая дѣвственность то же, что старая французская груша: она и на видъ невзрачна,

258

и вкусомъ суха, словомъ, залежавшаяся груша. Прежде она была хороша, а теперь никуда не годится. Что вы станете съ нею дѣлать?

Елена.

Нѣтъ, дѣвственность моя еще не такова!
 Но при дворѣ найдетъ вашъ господинъ навѣрно
 И тысячу возлюбленныхъ, и мать,
 И феникса, и вѣрную подругу,
 Монархиню, начальника, врага,
 Совѣтницу, измѣнницу, богиню,
 Надменное смиреніе свое
 И честолюбье скромное, согласье,
 Лишенное гармоніи, раздоръ,
 Исполненный созвучія, и вѣрность,
 И сладостную скорбь, и цѣлый міръ
 Малютокъ страстныхъ, нѣжныхъ и прелестныхъ,
 Лелѣемыхъ Амуромъ. И тогда
 Онъ будетъ... Я не знаю, чѣмъ онъ будетъ.
 Пошли ему Господь всѣхъ благъ на свѣтѣ!

Дворъ — мѣсто для ученья, а Бертрамъ...

Пароль. Что же онъ?

Елена. Человѣкъ, которому я желаю добра. Очень прискорбно...

Пароль. Что прискорбно?

Елена.

Что не дано желаньямъ добрымъ тѣла,

Которое мы осязать могли бѣ;

Тогда и намъ, рожденнымъ въ бѣдной долѣ —

Намъ, низшими звѣздами на однихъ

Желанья осужденнымъ, можно было бѣ

Передавать осуществленіе ихъ

Своимъ друзьямъ и раскрывать предъ милымъ

То, что теперь мы лишь въ умѣ таимъ

Безъ всякаго признательнаго слова.

Входитъ пажъ.

Пажъ. Мосье Пароль, графъ проситъ васъ къ себѣ. (*Уходитъ*).

Пароль. Прощай, миленькая Елена. Если мнѣ можно будетъ не забыть тебя, я вспомню о тебѣ при дворѣ.

Елена. Вы родились подъ милосердной звѣздой.

Пароль. Я родился подъ звѣздою Марса.

Елена. Да, именно, *подъ* Марсомъ.

Пароль. Отчего же именно *подъ*?

Елена. Оттого, что войны столько разъ *подрѣзывали* васъ, что вы не могли родиться иначе, какъ *подъ* Марсомъ.

Пароль. Когда онъ стоялъ на переднемъ планѣ.

Елена. Нѣтъ, я полагаю, скорѣе, когда онъ стоялъ на заднемъ.

Пароль. Отчего же вы такъ думаете?

Елена. Оттого, что въ битвахъ вы всегда отступаете назадъ.

Пароль. Это дѣлается, чтобы обезпечить успѣхъ.

Елена. Да, по этой же причинѣ обращаются въ бѣгство, когда страхъ совѣтуетъ искать безопасности. Но эта смѣсь храбрости и страха, которою вы отличаетесь — быстрокрылая добродѣтель, и полетъ ея очень нравится мнѣ.

Пароль. У меня теперь столько дѣла, что я не въ состояніи отвѣчать тебѣ остроумно. Я вернусь сюда придворнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и тогда мои познанья помогутъ мнѣ пріобщить тебя къ придворнымъ понятіямъ, сдѣлаютъ тебя способной принимать совѣты придворнаго и понимать все, что онъ будетъ разъяснять тебѣ; иначе ты умрешь въ твоей неблагодарности, и твое невѣжество погубитъ тебя. Прощай. Въ свободные часы читай свои молитвы, а если не будетъ у тебя этихъ свободныхъ часовъ, вспоминай о твоихъ друзьяхъ. Найди себѣ хорошаго мужа и обращай съ нимъ такъ, какъ онъ будетъ обращаться съ тобой. Затѣмъ — до свиданія. (*Уходитъ*).

Елена.

Мы часто небесамъ приписываемъ то,

Что, кромѣ насъ самихъ, не создаетъ никто,

Намъ волю полную судьба предоставляетъ

И наши замыслы тогда лишь разрушаетъ,

Когда лѣниво мы ведемъ свои дѣла.
 Какая сила такъ высоко вознесла
 Мою любовь, глазамъ моимъ тотъ ликъ рисуя,
 Которымъ жадный взглядъ насытить не могу я?
 Предметы, что совсѣмъ разлучены судьбой,
 Природа часто вдругъ сливается межъ собой,
 Какъ части равныя, сплетая ихъ объятья,
 Какъ созданныхъ на свѣтъ родными. Предпріятія
 Необычайныя являются для тѣхъ
 Неисполнимыми, кто трудный ихъ успѣхъ
 Берется взвѣшивать и полагаетъ ложно,
 Что безпримѣрному случиться невозможно.
 Какая женщина, пуская сильно въ ходъ
 Достоинства свои, уронъ въ любви несетъ?
 Болѣзнью короля... Мои предположенья
 Пускай ошибочны, но я тверда въ рѣшеніи.
 (Уходитъ).

.....

259

СЦЕНА II.

Парижъ. Дворецъ короля.

Трубы. Входятъ король, съ письмами въ рукахъ, и свита.

Король.

Флоренція и Съенна въ рукопашный
 Вступили бой. Покамѣстъ съ равнымъ счастьемъ
 Они дрались, и съ прежнимъ жаромъ тамъ
 Идетъ война.

1-й вельможа.

Да, государь, такъ слышно.

Король.

И этому вполнѣ я вѣрю. Вотъ
 Отъ нашего австрійскаго кузена
 Письмо, гдѣ онъ все это подтверждаетъ,
 И говоритъ, что флорентинцы къ намъ
 За помощью поспѣшной обратятся.
 Нашъ добрый другъ предупреждаетъ насъ
 Объ этомъ ихъ намѣреніи и хочетъ,
 Какъ, кажется, чтобъ было имъ у насъ
 Отказано.

1-й вельможа.

Онъ столько разъ уже
 Доказывалъ и опытность, и дружбу
 Къ вамъ, государь, что вѣрить можемъ мы

Ему вполнѣ.

Король.

Да, нашъ отвѣтъ нашли мы
Въ его словахъ. Флоренціи отказъ
Рѣшенъ уже до полученья просьбы.
Но тѣхъ дворянъ французскихъ, что хотятъ
Итти служить Тосканѣ, не стѣсняемъ
Нимало мы: они вольны сражаться
И здѣсь, и тамъ.

2-й вельможа.

Да, это можетъ быть
Для нашего дворянства славной школой;
А, вѣдь, оно хвораетъ отъ тоски
По подвигамъ воинственнымъ.

Король.

Кто это

Идетъ сюда?

Входятъ Бертрамъ, Лафэ и Пароль.

1-й вельможа.

Бертрамъ, графъ Руссильонскій.

Король.

Лицо отца ты, юноша, несешь
Въ своихъ чертахъ. Радушная природа
Старательно, нисколько не стѣша,
Создала твой прекрасный образъ. Будь же
И нравственными свойствами похожъ
На твоего отца. Тебя въ Парижѣ
Привѣтствую.

Бертрамъ.

Примите, государь,
И преданность мою и благодарность.

Король.

Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть теперь
Здоровымъ такъ, какъ въ дни, когда впервые
Съ твоимъ отцомъ друзьями вышли мы
На поле ратное. Въ военномъ дѣлѣ
Онъ былъ весьма искусенъ, изучивъ
Его вполнѣ у первыхъ полководцевъ.
И долго онъ держался; но пришла
Къ обоимъ намъ сѣдая вѣдьма — старость,
И унесла изъ круга нашихъ дѣйствій.
О доблестномъ отцѣ твоємъ всегда
Мнѣ говорить отрадно. Въ молодые
Свои года имѣлъ онъ острый умъ,
Который я теперь встрѣчаю также
И въ молодыхъ вельможахъ нашихъ; но

Они острятъ, пока не обратятся
 На нихъ самихъ насмѣшки злыя ихъ,
 Когда еще прикрыть они не могутъ
 Заслугами всю пустоту свою.
 Онъ былъ вполнѣ придворный: въ остроумьи
 И гордости его не замѣчалъ
 Я никогда презрѣнія и злобы,
 И чувства тѣ одинъ лишь равный могъ
 Въ немъ вызывать. Его характеръ честный
 Служилъ ему часами — и по нимъ
 Онъ узнавалъ минуту и секунду,
 Когда прервать молчаніе; языкъ же
 Движенью ихъ всегда повиновался.
 На низшихъ онъ смотрѣлъ, какъ на людей,
 Поставленныхъ въ другое положенье,
 И къ низкимъ ихъ рядамъ склонялъ свое
 Величіе; онъ поселялъ въ нихъ гордость
 Смирениемъ своимъ, а похвалами
 Ихъ жалкими уничижалъ себя
 Вотъ человѣкъ, котораго должна бы
 За образецъ взять наша молодежь.
 Будь это такъ, ей сдѣлалось бы ясно,
 Что все назадъ идетъ она.

Бертрамъ.
 Монархъ,

Хвала ему пышнѣ въ вашихъ мысляхъ,
 Чѣмъ на его гробницѣ. Жизнь его
 Прославила не такъ высоко надпись
 Надгробная, какъ царственная рѣчь.

Король.

Ахъ, если бы теперь мы были вмѣстѣ!

260

Онъ говорилъ... Мнѣ кажется, его
 Я слышу. Словъ своихъ, значенія полныхъ,
 Онъ не кидалъ безслѣдно, но въ ушахъ
 Ихъ насаждалъ глубоко, чтобъ пускали
 Они ростки и приносили плодъ.
 Онъ говорилъ: „я умереть желаю!“ —
 Въ такихъ словахъ грусть тихая его
 Высказываться часто начинала,
 Когда мы съ нимъ прощались, проведя
 Веселый часъ: „я умереть желаю,
 Когда въ огнѣ моемъ не станетъ масла,
 Чтобъ не служить для молодыхъ умовъ

Насмѣшкою; вѣдь, въ гордомъ легкомыслии
Они на все ненормальное глядятъ
Съ презрѣніемъ; всѣ мысли ихъ къ тому
Направлены, чтобъ сочинять наряды,
А твердость ихъ быстрѣ всякихъ модъ
Мѣняется". Такія онъ желанья
Высказывалъ и, вслѣдъ за нимъ идя,
Того же я желаю. Въ домъ свой больше
Ни воску я, ни меду приносить
Ужъ не могу — такъ слѣдуетъ изъ улья
Мнѣ уходить, чтобъ мѣсто дать скорѣй
Работникамъ.

2-й вельможа.

Вы, государь, любимы;
И даже тотъ, кто меньше всѣхъ другихъ
Привязанъ къ вамъ, скорѣй, чѣмъ всѣ другіе,
Почувствуетъ разлуку съ вами.

Король.

Нѣтъ,

Я вижу самъ, что мѣсто занимаю —
Не болѣе. Скажите, графъ, давно-ль
Врачъ вашего родителя скончался?
Онъ славился повсюду

Бертрамъ.

Государь,

Шесть мѣсяцевъ прошло съ его кончины.

Король.

Будь онъ въ живыхъ, его бы на себѣ
Я испыталъ теперь. На вашу руку
Мнѣ дайте опереться. А другіе
Мои врачи ослабили меня
Различными лѣченьями. Пускай же
Между собой природа и болѣзнь
Рѣшаютъ споръ, какъ будетъ имъ угодно.
Привѣтствую васъ снова отъ души,
Графъ Руссильонъ! Вы дороги мнѣ такъ же,
Какъ сынъ родной.

Бертрамъ.

Благодарю, монархъ.

(Всѣ уходятъ при звукахъ трубъ).

.....

СЦЕНА III.

Руссильонъ. Дворецъ графа.

Входятъ графиня, управитель и шутъ.

Графиня. Теперь я готова слушать васъ: что вы имѣете сказать мнѣ объ этой дѣвицѣ?

Управитель. Графиня, я желалъ бы, чтобъ въ календарь, въ который записаны мои прошедшія заслуги, была внесена та заботливость, съ которой я всегда старался угождать вамъ, потому что человѣкъ, самъ прославляющій свою дѣятельность, ранитъ свою скромность и пятнаетъ чистоту своего усердія.

Графиня (*указывая на шута*). Онъ зачѣмъ здѣсь? Ступай вонъ! Я не вѣрю всѣмъ жалобамъ на тебя, доходившимъ ко мнѣ; но это только потому, что мнѣ не хочется заниматься ими. А я хорошо знаю, что ты достаточно взбалмошенъ, чтобъ задумать всякую гнусность, и настолько ловокъ, чтобъ исполнить ее.

Шутъ. Вамъ не безызвѣстно, графиня, что я бѣднякъ.

Графиня. Ну, хорошо, хорошо.

Шутъ. Нѣтъ, ваше сіятельство, совсѣмъ не хорошо, что я бѣденъ — несмотря на то, что большая часть богачей идетъ въ адъ. Но если бы ваше сіятельство были такъ добры и позволили мнѣ отправиться по свѣту — Изабелла и я устроились бы, какъ слѣдуетъ.

Графиня. Такъ ты непременно хочешь нищенствовать?

Шутъ. Я прошу только вашего позволенія въ этомъ дѣлѣ.

Графиня. Въ какомъ дѣлѣ?

Шутъ. Въ дѣлѣ, касающемся меня и Изабеллы. Находиться въ услуженіи — не то, что получить наслѣдство, и я полагаю, что Богъ не благословитъ меня до тѣхъ поръ, пока я не произведу на свѣтъ потомства: вѣдь, говорятъ, что дѣти — благословеніе Божіе.

Графиня. Скажи мнѣ, почему ты хочешь жениться?

Шутъ. Мое бѣдное тѣло требуетъ этого, графиня. Тѣло побуждаетъ меня, а того, что побуждается дьяволомъ ничѣмъ не удержишь.

Графиня. И это вся причина?

Шутъ. Нѣтъ; признаться, ваше сіятельство, есть у меня и другія причины, да еще святые.

Графиня. Позволено ли намъ узнать ихъ?

Шутъ. Изволите видѣть, графиня, я, как и вы, и какъ все, что создано изъ плоти и крови, былъ до сихъ поръ грѣшникомъ. Вотъ для того-то я и женюсь, чтобъ раскаяться.

Графиня. Скорѣе въ твоей женитьбѣ, чѣмъ въ грѣхахъ.

Шутъ. У меня нѣтъ ни одного друга, графиня, а черезъ жену я надѣюсь себѣ добыть друзей.

Графиня. Дуракъ, да вѣдь, такіе друзья — враги.

Шутъ. Извините, графиня, такіе друзья — большіе друзья, потому-что эти плуты дѣлаютъ за насъ то, что намъ надоѣло дѣлать. Кто пашетъ мою землю, тотъ берегаетъ мою упряжь и отдаетъ въ мое пользованіе жатву; если я по его винѣ рогоносецъ, то онъ зато слуга. Кто утѣшаетъ мою жену — благотворитъ моей плоти и крови; кто благотворитъ моей плоти и крови — любить, значитъ, мою плоть и кровь; кто же любитъ, мою плоть и кровь — мой другъ; *ergo*, кто

цѣлуешь мою жену, тотъ мой другъ. Если бѣ люди довольствовались своею долею, въ бракѣ не было бы ничего страшнаго, потому что молодой пуританинъ Чарбонъ и старый папистъ Пойзамъ, какъ ни разнятся ихъ чувства въ вопросѣ о религіи, головами все-таки сходятся между собою и могутъ сшибиться рогами, какъ олени въ стадѣ.

Графиня. Ты, должно быть, всегда будешь злоязычнымъ и гадкимъ сплетникомъ.

Шутъ. Я пророкъ, графиня, и говорю правду безъ всякихъ обиняковъ.

Спою я вамъ пѣсенку старую тутъ:

Ее справедливою люди найдутъ.

Судьба совершаетъ всѣ браки людей;

Кукушка поетъ по натурѣ своей.

Графиня. Ну, ступай отсюда: я съ тобой поговорю послѣ.

262

Управитель. Не прикажете-ли ему, ваше сіятельство, послать сюда Елену — потому что я намѣренъ говорить вамъ о ней.

Графиня. Поди, скажи барышнѣ, что я зову ее — барышнѣ, то есть Еленѣ.

Шутъ (*поетъ*).

„Такъ это лицо миловидное”,

Она спросила: „виною,

Что греки разрушили Трою?

О, дѣло безумно-постыдное!

Такъ это-то самое зло

Пріама въ восторгъ привело?”

При этомъ глубоко, глубоко вздохнула,

При этомъ глубоко, глубоко вздохнула,

И вотъ что разумно сказала она:

«Коль на девять скверныхъ одна недурная,

Коль на девять скверныхъ одна недурная,

То на десять тоже одна!»

Графиня. Какъ, одна на десять? Ты перевираешь пѣсню.

Шутъ. Нѣтъ, графиня: говоря, что на десять женщинъ приходится одна хорошая, я только улучшаю пѣсню. О, если бѣ Богу было угодно снабжать міръ въ такой пропорціи каждый годъ, отъ меня — будь я пасторомъ — никто не услышалъ бы жалобы на мою женскую десятину. Одна на десять! шутка! Да если бѣ у насъ рождалось по хорошей женщинѣ хоть передъ появленіемъ каждой новой кометы или передъ каждымъ землетрясеніемъ — какъ бы поправилась брачная лотерея! А, вѣдь, теперь въ ней мужчина скорѣе выдернетъ себѣ сердце, чѣмъ вытянетъ удачный нумеръ.

Графиня. Ступай, ступай, бездѣльникъ, и сдѣлай, что я тебѣ приказала.

Шутъ. Желалъ бы я видѣть, какъ мужчина можетъ исполнить приказаніе женщины безъ того, чтобы изъ этого не вышло что нибудь скверное. Но хотя честность не пуританка, на этотъ разъ она не сдѣлаетъ ничего дурного: она

согласится надѣтъ стихарь смиренія на черную рясу своего гордаго сердца....
Иду, иду.... помню, что вы мнѣ приказали послать сюда Елену.

(Уходитъ).

Графиня. Теперь вы можете говорить.

Управитель. Я знаю, графиня, что вы искренно любите вашу воспитанницу.

Графиня. Да, я люблю ее. Ея отецъ завѣщалъ ее мнѣ, да и она сама, помимо всякихъ другихъ отношеній, пріобрѣла всѣ права на ту любовь, которую встрѣчаетъ во мнѣ. Я ей должна больше, чѣмъ плачу, и заплачу больше, чѣмъ она потребуешь.

Управитель. Графиня, еще очень недавно мнѣ случилось быть подлѣ нея ближе, чѣмъ бы она желала, какъ мнѣ кажется. Она была одна и передавала свои собственныя слова своимъ собственнымъ ушамъ; я могу поклясться за нее, что она не думала, чтобы эти слова могли быть услышаны кѣмъ-нибудь постороннимъ. Темой ея разговора съ самой собою была ея любовь къ вашему сыну. „Фортуна“, говоритъ она: „не богиня, если она поставила насъ въ такія различныя положенія; Амуръ не богъ, если онъ показываетъ власть свою только тамъ, гдѣ существуетъ полное равенство; Діана не царица дѣвственницъ, если допускаетъ нападеніе на свою бѣдную амазонку и потомъ не выкупаетъ ее изъ плѣна“. Такъ говорила она съ глубочайшею горестью, какую я когда-нибудь встрѣчалъ въ словахъ дѣвушки — и я счелъ долгомъ поскорѣе довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, сообразивъ, что, на случай какого-нибудь несчастья, вамъ не мѣшаетъ знать это дѣло заранее.

Графиня. Вы исполнили долгъ честнаго человѣка; но держите ваше открытіе въ тайнѣ. Судя по многимъ признакамъ, я уже прежде догадывалась объ этомъ; но догадки эти были такъ смутны, что я не могла ни вѣрить, ни отрицать. Оставьте меня теперь и скройте эту тайну въ вашей груди. Благодарю васъ за честное усердіе, а подробнѣе поговоримъ объ этомъ послѣ.

(Управитель уходитъ).

Графиня.

Ахъ, это все, что я встрѣчаю въ ней,
Мной пережито въ молодые годы!
Безъ тѣхъ шиповъ нѣтъ розы юныхъ дней:
Они въ крови, они законъ природы.
Печать правдивости на той душѣ лежитъ,
Что страстью пылкою въ дни юности горитъ.
Ахъ, точно такъ же мы въ то время согрѣшали,
Но этого грѣхомъ нисколько не считали.

Входитъ Елена.

Графиня.

Ея недугъ читаю ясно я
Въ ея глазахъ.

Елена.

Графиня, что угодно

Вамъ приказать?

Графиня.

Елена, знаешь ты,

Что для тебя я мать?

263

Елена.

Вы дорогая

Владычица моя.

Графиня.

Нѣтъ, мать твоя.

Да отчего жъ не мать? Когда сказала
Я слово „мать“, ты будто бы змѣю
Увидѣла. Что можетъ въ этомъ словѣ
Тебя пугать такъ страшно? Повторяю —
Я мать тебѣ, и заносу тебя
Я въ списокъ тѣхъ, что выношены мною.
Случается нерѣдко, что ведетъ
Съ природою борьбу усыновленье
И сѣмена чужія намъ даютъ
Родную вѣтвь. Хоть материнской муки
Ты никогда не причиняла мнѣ,
Но я тебя всегда, какъ мать, любила.
Помилуй Богъ, дитя! Ужели кровь
Кипитъ въ тебѣ, когда произношу я:
„Я мать тебѣ“? И почему, скажи,
Твои глаза окружены печальной
Предвѣстницею слезъ, Ирисой пестрой?
Ужель всему причиною одно —
Что ты мнѣ дочь?

Елена.

Нѣтъ, то, что я не дочь вамъ.

Графиня.

Ты слышала слова мои, что мать
Я для тебя.

Елена.

Простите мнѣ, графиня,
Графъ Руссильонъ не можетъ быть мнѣ братомъ:
Мой родъ простой, въ немъ доблестная кровь;
Моихъ родныхъ никто не знаетъ въ мірѣ,
Его же родъ повсюду славенъ. Онъ
Мой господинъ, мой повелитель милый,
А я его рабыня до могилы.
Онъ братомъ мнѣ не долженъ быть.

Графиня.

И я

Не мать тебѣ?

Елена.

Вы мать моя, графиня, —

Но лишь бы онъ, мой господинъ, вашъ сынъ,
Не называлъ меня сестрою. Правда,
Вы мать моя; но ежели вы мать
Обоимъ намъ, то въ рай войти желаю
Я меньше, чѣмъ не быть его сестрой.
Ужели мнѣ васъ матерью родною
Нельзя назвать, графиня, безъ того,
Чтобъ не имѣть въ немъ брата своего?

Графиня.

Нѣтъ, можно бы, когда бъ моей невѣсткой
Ты сдѣлалась. Отъ этой мысли Богъ
Спаси тебя! Опять ты поблѣднѣла?
Какъ кровь твою волнуетъ разговоръ
О матери и дочери! Открыла
Моя боязнь твою любовь; теперь
Таинственная страсть къ уединенью
Понятна мнѣ; теперь открыла я
Источникъ горькихъ слезъ твоихъ. Все ясно
Теперь, какъ день: мой сынъ любимъ тобой.
Опровергать такое проявленье
Твоей любви не могъ бы безъ стыда
Хитрѣйшій нравъ, и потому всю правду
Ты мнѣ скажи, но только словъ моихъ
Не отрицай — вѣдь, въ этомъ сознается
Одна твоя щека щекѣ другой;
Твои глаза такъ ясно это видятъ
Во всѣхъ твоихъ поступкахъ, что тотчасъ
По своему рассказываютъ свѣту,
И лишь языкъ твой, скованный грѣхомъ
И дьявольскимъ упорствомъ, позволяетъ
Догадываться только. Отвѣчай —
Права ли я? и если *да* — смотала
Ты для себя порядочный клубокъ;
А если *нѣтъ*, то поклянись мнѣ въ этомъ;
Но да иль нѣтъ — я, именемъ того,
Что небо мнѣ внушить тебѣ на благо,
Прощу тебя всю правду мнѣ сказать.

Елена.

Простите мнѣ!

Графиня.

Ты любишь Руссильона?

Елена.

Простите мнѣ!

Графиня.

Ты любишь?

Елена.

Развѣ вы

Не любите его?

Графиня.

Оставь увертки!

Моей любви источникъ не закрыть
Ни для кого. Ну, полно же, Елена,
Открой мнѣ все, что есть въ душѣ твоей:
Вѣдь, страсть твоя изобличила громко
Сама себя.

Елена

(падая предъ нею на колѣни).

Ну, да — я сознаюсь

Предъ Господомъ и вами на колѣняхъ,

264

Что я его люблю сильнѣй, чѣмъ васъ,
И столько же, какъ Бога. Родъ мой бѣденъ,
Но честенъ былъ — и такова теперь
Моя любовь.

(Вставая). Графиня, не сердитесь!

Вѣдь, этою любовью я вреда
Не приношу тому, кого люблю я.
Ни разу онъ не видѣлъ отъ меня
Искательства и притязаній дерзкихъ:
Его женой хотѣла бы я стать
Не ранѣе, какъ заслуживши это,
А какъ могу я это заслужить —
Рѣшительно не знаю. Знаю только,
Что я люблю бесплодно, что борюсь
Съ надеждою напрасно — и однако
Все лью и лью я въ это рѣшето
Дырявое обильнѣйшія рѣки
Моей любви, не истощая ихъ.

Подобная фанатику индійцу,

Боготворю я солнце, а оно

На своего поклонника взираетъ,

Но ничего не вѣдаетъ о немъ.

О, добрая графиня, не встрѣчайте

Мою любовь враждой изъ-за того,

Что обѣ мы одно и то же любимъ!

И если вы — о, госпожа моя —

Вы, старость чья почтенная вѣщаетъ

О юности безгрѣшной — если вы

Когда-нибудь огнемъ любви горѣли,
 Такой любви прекраснѣйшей, такихъ
 Желаній чистыхъ, что Діана ваша
 Могла въ одно и то же время быть
 Діаной и любовію — то сжальтесь
 Надъ той, которая ссужать принуждена
 Лишь тамъ, въ потерѣ гдѣ увѣрена она,
 И ищетъ не того, что сердце жадно просить,
 Но, какъ загадка, то, что ей же смерть приноситъ!

Графиня.

Сбиралась ли недавно ты поѣхать
 Въ Парижъ? скажи мнѣ правду?

Елена.

Да, графиня,

Я думала поѣхать.

Графиня.

Для чего?

Открой мнѣ все.

Елена.

Души моей спасеньемъ

Я вамъ клянусь, что не солгу ни въ чемъ.
 Вы знаете, что мой отецъ оставилъ
 Мнѣ нѣсколько рецептовъ; сила ихъ
 Чудесная испытана на дѣлѣ;
 Лѣкарства тѣ составилъ онъ своей
 Ученостью и опытностью славной
 И отдалъ мнѣ въ наслѣдство, завѣщавъ
 Лишь въ крайности ихъ тратить, какъ снадобья,
 Которыя, по внутреннимъ своимъ
 Достоинствамъ, стоятъ гораздо выше,
 Чѣмъ кажутся по виду. Въ ихъ числѣ
 Лѣкарство есть съ испытанною силой
 И противъ той отчаянной болѣзни,
 Которая, какъ говорятъ, должна
 Жизнь короля покончить.

Графиня.

И за этимъ

Сбиралась въ Парижъ ты? Отвѣчай.

Елена.

На эту мысль навелъ меня, графиня,
 Вашъ сынъ; не будь его, повѣрьте мнѣ,
 Парижъ, король, лѣкарство не пришли бы
 Мнѣ въ голову.

Графиня.

Но развѣ твердо такъ,

Елена, ты убѣждена, что приметъ

Король твое пособіе? Вѣдь, онъ
 И доктора его теперь согласны
 Въ одномъ и томъ-же: онъ, что не помогутъ
 Они ему, они — что излѣчить
 Его нельзя. Такъ кто жъ повѣритъ бѣдной,
 Несвѣдущей дѣвицѣ, если мужи
 Ученые, всѣ знанья истощивъ,
 Самой себѣ рѣшились предоставить
 Его болѣзнь?

Елена.

Мнѣ что-то говорить,
 Чему я больше вѣрю, чѣмъ искусству
 Покойнаго отца, а онъ, вѣдь, былъ
 Искуснѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ братьевъ,
 Что средство, мнѣ завѣщанное имъ,
 Благословятъ счастливейшія звѣзды.
 И если вы попытку сдѣлать мнѣ
 Позволите, то я ручаюсь жизнью,
 Что короля въ такой-то день и часъ
 Я вылѣчу.

Графиня.

Увѣрена ль ты въ этомъ?

Елена.

Увѣрена, графиня, — и вполнѣ.

Графиня.

Ну, если такъ, Елена, позволеніе
 Тебѣ даю съ любовью; отъ меня
 Получишь деньги ты и провожатыхъ,
 И письма теплыя къ моимъ друзьямъ,
 Что при дворѣ. А я останусь дома
 Молить Творца, чтобъ Онъ благословилъ
 Твой добрый планъ. Такъ отправляйся завтра
 И вѣрь, что всѣмъ, чѣмъ только я могу
 Тебѣ помочь, — отъ сердца помогу!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Парижъ. Королевскій дворецъ.

Трубы. Входятъ король, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ дворянъ, отправляющихся на флорентинскую войну, Бертрамъ и Пароль.

Король (одному изъ дворянъ).

Прощайте же вы, юные вельможи!
Пускай всегда живетъ въ васъ этотъ духъ
Воинственный.

(Другому). И вы прощайте тоже!

Я васъ прошу совѣтъ мой раздѣлить
Между собой, а ежели вы оба
Его вполнѣ присвоите, то онъ,
Вѣдь даръ такой, который принимаетъ
Все большіе и большіе размѣры,
По мѣрѣ полученья — и его
На васъ обоихъ хватить.

1-й дворянинъ.

Мы въ надеждѣ,

Что, ратную науку изучивъ
И возвратясь на родину, увидимъ
Васъ, государь, вполнѣ здоровымъ.

Король.

Нѣтъ,

Нѣтъ, это быть не можетъ — и однако
До этихъ поръ все сердцу моему
Не хочется сознаться, что проникла
Въ него болѣзнь, которая гнететъ
Всю жизнь мою. Прощайте, молодые
Воители! Умру ли я, иль нѣтъ,
Останьтесь вы сынами славныхъ франковъ.
Пусть верхняя Италія — страна,
Которая отъ древнихъ римлянъ только
Паденіе наслѣдовала — пусть
Она теперь увидить, что пришли вы
За славою не для того, чтобъ съ ней
Любезничать, но чтобъ на ней жениться.
И даже тамъ, гдѣ вашъ храбрѣйшій врагъ
Узнаетъ страхъ, вы находить умѣйте,
Что ищете, чтобъ слава громко васъ
Превознесла! Прощайте же!

2-й дворянинъ.

Да служить

Вамъ, государь, здоровье!

Король.

Вотъ еще

О дѣвушкахъ Италіи хочу я
Напомнить вамъ. О, берегитесь ихъ!

Вѣдь, говорятъ, что у французовъ нашихъ
Нѣтъ языка, чтобъ выразить отказъ
На просьбы ихъ. Смотрите, чтобы прежде,
Чѣмъ службою заняться, вы ужъ въ плѣнъ
Не отдались.

Оба дворянина.

Совѣты ваши въ сердцѣ

Мы сохранимъ.

Король.

Прощайте.

(Къ свитѣ). Отдохнуть

Меня теперь сведите. (Его уводятъ).

1-й дворянинъ.

Графъ мой милый,

Ахъ, отчего вы остаетесь здѣсь?

Пароль.

Ужъ въ этомъ-то не виновать нисколько

Нашъ молодецъ.

2-й дворянинъ.

А славная война!

Пароль.

Славнѣйшая! Такія войны видѣть

Случалось мнѣ.

Бертрамъ.

Меня все держать здѣсь

И все поютъ: „еще ты слишкомъ молодъ;

Вотъ потерпи — на слѣдующій годъ”.

Пароль.

Да ежели, любезнѣйшій, такъ сильно

Стремишься ты душою, то — бѣги:

Что трусить тутъ.

Бертрамъ.

Я долженъ оставаться

Безъ всякаго здѣсь дѣла, долженъ я

По гладкому паркету башмаками

Скользить, пока вся слава будетъ тамъ

Распродана, и мечъ носить лишь въ танцахъ!

Нѣтъ, чортъ возьми, я убѣгу!

1-й дворянинъ.

Почетъ

Доставитъ вамъ такое бѣгство.

Пароль.

Право,

Бѣгите, графъ.

2-й дворянинъ.

Я радъ вамъ помогать.

Подумайте, а между тѣмъ — прощайте!

Бертрамъ. Я такъ сросся съ вами, что наша разлука то же, что пытка для тѣла.

1-й дворянинъ. Прощайте, капитанъ.

2-й дворянинъ. Прощайте, любезнѣйшій Пароль.

Пароль. Благородные герои, мой мечъ и ваши — родные. Послушайте, храбрые и блестящіе молодцы; еще одно слово, милые воины!... Въ Спиніевскомъ полку найдете вы нѣкоего капитана Спуріо, съ рубцомъ — эмблемою войны — на лѣвой щекѣ; этотъ рубецъ вырѣзанъ вотъ этимъ самымъ мечомъ. Скажите ему, что я еще живу, и обратите вниманіе на то, что онъ поразкажетъ вамъ обо мнѣ.

1-й дворянинъ. Хорошо, благородный капитанъ.

Пароль. Да хранить васъ Марсъ, какъ своихъ послушниковъ. *(Дворяне уходятъ)*. На что вы рѣшаетесь?

Бертрамъ. Остаться... вотъ король.

(Король показывается въ глубинѣ сцены).

Пароль. Вамъ бы слѣдовало поторжественнѣе и почувствительнѣе обойтись съ этими благородными вельможами: вы замкнули себя въ рамку слишкомъ холоднаго прощанья. Будьте съ ними попривѣтливѣе: вѣдь, они стоятъ во главѣ вѣка, они — вѣрные указатели того, какъ слѣдуетъ ходить, ѣсть, говорить. Они движутся подъ вліяніемъ самаго важнаго созвѣздія, и хотя-бы самъ чортъ вель танецъ, а слѣдовать, все-таки, надо за этими господами. Догоните ихъ и проститесь позадушевнѣе.

Бертрамъ. Да, я это сдѣлаю.

Пароль. Славные они люди — и, судя по всему, изъ нихъ выйдутъ отличнѣйшіе рубаки. *(Уходитъ съ Бертрамомъ)*.

Входитъ Лафэ.

Лафэ

(преклоня колѣни передъ королемъ, который въ это время вышелъ на авансцену).

Прощенье, государь — и мнѣ, и вѣсти,

Съ которою являюсь я.

Король.

Его

Получишь ты, поднявшись.

268

Лафэ (вставая).

Значитъ, ваше

Величество, предъ вами человѣкъ,

Уже свое прощенье искупившій.

Хотѣлъ бы я, чтобъ также у меня

Просили вы прощенья на колѣняхъ
И съ нихъ могли подняться такъ, какъ я,
По моему приказу.

Король.

Я и самъ бы
Желалъ того. Тогда тебѣ разбилъ бы
Я голову и въ этомъ попросилъ
Прощенія.

Лафэ.

Отлично! Но пока,
Мой государь, вотъ дѣло въ чемъ: угодно ль
Разстаться вамъ съ болѣзною вашей?

Король.

Нѣтъ.

Лафэ.

Какъ, царственной лисицѣ не угодно
Ѣсть виноградъ? Но отъ моихъ гроздей
Прекраснѣйшихъ ужель вы, государь,
Откажетесь, коль царственной лисицѣ
Онѣ вполнѣ доступны? У меня
Есть врачъ одинъ. Способенъ онъ въ движенъе
Привести скалу и въ камень жизнь вдохнуть,
И сдѣлать такъ, что быстро и изящно
Пропляшете вы канарію намъ.
Одно его прикосновенье можетъ
Умершаго Пипина воскресить,
Вложить перо способно въ руку Карла
Великаго и силу дать ему
Къ ней написать любовное посланье.

Король.

Что значить *къ ней*?

Лафэ.

А то, что врачъ — *она*.

Да, государь, къ вамъ врачъ такой пріѣхалъ.
Угодно ль вамъ принять ее? Клянусь
Я честью вамъ — и говоря серьезно,
Оставивши всѣ шутки — съ нею я
Бесѣдовалъ и, при своихъ лѣтахъ
И полѣ, такъ глубоко изумила
Она меня и мудростью своей,
И твердостью, что въ этомъ изумленьи
Я не могу винить свой слабый умъ.
Угодно ль вамъ принять ее — васъ просить
Она о томъ — и выслушать, зачѣмъ
Она сюда пріѣхала, а послѣ
Ужъ надо мной посмѣйтесь.

Король.

Хорошо,

Введи, Лафэ мой добрый, это диво,
Чтобъ раздѣлить съ тобою изумленье
И мы могли, иль чтобъ его въ тебѣ
Поколебать немного, изумившись,
Что сильно такъ ты изумиться могъ.

Лафэ.

А вотъ сейчасъ увидите; немного
Мнѣ убѣждать придется васъ.

(Уходитъ).

Король.

Таковъ

Всегда прологъ его къ полнѣйшимъ вздорамъ.

Лафэ возвращается съ Еленой.

Лафэ.

Войдите же.

Король.

Поспѣшность у него

Крылатая, какъ видно.

Лафэ.

Подойдите.

Вотъ нашъ король; откройте передъ нимъ
Намѣренье свое. У васъ во взглядѣ
Предательскаго много, но такихъ
Предателей монархъ нашъ не боится.
Какъ дядюшка Крессиды, я вдвоемъ
Рѣшаюсь васъ оставить. До свиданья.

(Уходитъ).

Король.

Итакъ, моя красавица, у васъ
Есть дѣло къ намъ?

Елена.

Да, государь мой добрый.

Отецъ мой былъ Жераръ Нарбонскій — тотъ,
Что славился вездѣ своимъ искусствомъ.

Король.

Я зналъ его.

Елена.

Тѣмъ болѣе могу

Я отъ похвалъ ему повоздержаться:
Узнать его довольно было. Онъ
Предъ смертью далъ мнѣ множество рецептовъ,
И въ ихъ числѣ одинъ былъ — лучший плодъ

Его трудовъ, единственный любимецъ
 Его работъ въ теченье долгихъ лѣтъ.
 Онъ мнѣ велѣлъ хранить лѣкарство это,
 Какъ третій глазъ, дороже двухъ моихъ
 Считать его. Такъ я и поступала
 До этихъ поръ. Но слухъ дошелъ ко мнѣ,
 Что именно той самою болѣзною
 Вы страждете, великій государь,
 Лѣченіе которой славу средства,
 Что завѣщаль мнѣ милый мой отецъ,
 Особенно усиливало. Съ нимъ-то
 Являюсь я почтительнѣйше къ вамъ,
 Мой государь, — и помощь предлагаю.

Король.

Благодарю, дитя, но не могу
 Я такъ легко повѣрить въ исцѣленье,
 Когда врачи ученѣйшіе насъ
 Оставили, когда и въ факультетѣ
 Ужъ рѣшено, что бесполезны всѣ
 Усилія науки къ избавленью
 Отъ страшнаго недуга. Не должны
 Мы до того безчестить нашъ разсудокъ
 И до того надежду обольщать,
 Чтобъ отдавать на поруганье зельямъ
 Лѣкарственнымъ смертельный нашъ недугъ.
 Достоинство монарха запрещаетъ
 Къ безумной помощи имѣть довѣрье тамъ,
 Гдѣ помощь кажется немыслимою намъ.

Елена.

Итакъ, мое усердіе послужить
 Наградой мнѣ за трудъ. Я не хочу
 Къ вамъ приставать съ услугами моими,
 И потому смиреннѣйше прошу
 Мнѣ удѣлить мѣстечко въ вашихъ мысляхъ,
 О, государь, и отпустить меня.

Король.

Ужъ меньшаго я и не могъ бы сдѣлать,
 Чтобъ не прослыть неблагодарнымъ. Ты
 Хотѣла мнѣ помочь — тебя благодарю я,
 Какъ умирающій спѣшитъ благодарить
 Желающихъ ему подолѣе пожить.
 Но тайна для тебя все то, что мнѣ такъ ясно:
 Я вижу смерть — меня лѣчила бъ ты напрасно.

Елена.

Безвредною была бъ моя попытка тамъ,

Гдѣ кажется болѣзнь неизлѣчимой вамъ.
 Нерѣдко видимъ мы — Виновникъ дѣлъ славнѣйшихъ
 Орудіемъ для нихъ беретъ людей слабѣйшихъ;
 Такъ часто въ Библии мы мудрецовъ-дѣтей
 Встрѣчаемъ посреди ребяческихъ судей.
 Межъ тѣмъ, какъ шли, смѣясь надъ всѣми чудесами,
 Сильнѣйшіе умы, огромными рѣками
 Рѣченки дѣлались, и дно большихъ морей
 Пересыхало вдругъ. Какъ часто у людей
 Навѣкъ вѣрнѣйшія надежды разрушались,
 И тутъ же между тѣмъ блистательно сбывались
 Тѣ ожиданія, гдѣ безпредѣльный страхъ
 И гнетъ отчаянья надежды рушилъ въ прахъ.

Король.

Нѣтъ, слушать не могу я эти увѣщанья.
 Прощай, мое дитя, и пусть твои старанья,
 Отвергнутыя мной, найдутъ въ себѣ самихъ
 Награду должную. Удѣлъ услугъ такихъ —
 Непринимаемыхъ — слова благодаренья.

Елена.

Такъ отвергаются небесныя внушенья
 Однимъ движеніемъ устъ. Мы, смертные, не то,
 Что Онъ, отъ Коего не скроется ничто.
 На внѣшнихъ признакахъ свой судъ, обыкновенно,
 Основываемъ мы и дѣйствуемъ надменно,
 Когда считаемъ то за дѣло рукъ людскихъ,
 Что небомъ послано. О, государь, моихъ
 Услугъ не отвергай! Возьми на испытанье
 Могущество небесъ, а не мое познанье!
 Я не обманщица; въ душѣ я не таю
 Сомнѣнья въ томъ, что здѣсь за правду выдаю.
 Нѣтъ, знайте, государь, что я не лицемерю,
 И вѣрьте, какъ и я глубоко, твердо вѣрю,
 Что сила прежняя въ моемъ лѣкарствѣ есть,
 Что тяжкій вашъ недугъ оно должно унести.

Король.

Ужели такъ въ тебѣ глубоко убѣжденье?
 Черезъ сколько жъ времени окончишь ты лѣчение?

Елена.

Коль божья благодать пребудетъ здѣсь со мной,
 То прежде, чѣмъ свершить два раза бѣгъ дневной
 На быстрыхъ лошадяхъ богъ солнца воспаленный
 И влажный Гесперъ свой свѣтильникъ утомленный
 Въ туманы вечера два раза погрузить —
 И кормчему его песочникъ объяснить
 Дважды двѣнадцать разъ, какъ время воровское

Бѣжитъ минутами — все, государь, больное
Изъ тѣла вашего уйдетъ, и съ этихъ поръ
Болѣзнь умершая здоровью дастъ просторъ.

Король.

Но что жъ въ залогъ того, что это убѣжденье
Не ложно, ты даешь?

Елена.

Даю я позволенье

Меня развратницей нахальной огласить,
Въ стихахъ ругательныхъ позоръ мой разносить
И дѣвственность мою отдать на поруганье,
И кончить пыткой мое существованье.

Король.

Мнѣ чудится, въ тебѣ какой-то духъ благой
Вѣщаетъ; слышу я — могучій голосъ свой
Онъ въ слабыя уста вложилъ, и тамъ, гдѣ прежде
Не смѣлъ простой мой смыслъ и думать о надеждѣ,
Тамъ высшій умъ теперь возможность признаетъ.
Жизнь дорога тебѣ: все то, что придаетъ
Ей цѣну высшую, природа съединила
Въ тебѣ, дитя: и умъ, и молодость, и сила,
И красота — все, все, что свѣтлая весна
Даетъ блаженного — ты всѣмъ надѣлена.
Сокровищемъ такимъ рискнетъ лишь тотъ, конечно,
Кто знаетъ, что его искусство безконечно,
Иль кто отчаяньемъ чудовищнымъ томимъ.
Любезный докторъ мой, съ лѣченіемъ твоимъ
Я опытъ сдѣлаю; но знай, что ты отнынѣ
Свой смертный приговоръ найдешь въ моей кончинѣ.

Елена.

Коль срокъ я пропущу, не сдѣлавши для васъ
Обѣщаннаго мной, безжалостно тотчасъ
Казните вы меня — я это заслужила:
За спасенье мнѣ отплатою — могила;
Но если я спасу, чѣмъ трудъ мой наградить
Вы обѣщаете?

Король.

Скажи, что получить

Желаешь ты?

Елена.

И я увижу исполненье?

Король.

Мой скиптръ и вся моя надежда на спасенье —

Порукой въ томъ тебѣ.

Елена.

Такъ царственной рукой

Ты дашь въ супруги мнѣ того, кто будетъ мной
 Назначень, государь. Не думай, что гнѣздится
 Надменное во мнѣ желанье породниться
 Съ священной кровію французскихъ королей
 И славнымъ отпрыскомъ фамиліи твоей
 Мой низкій родъ продлить навѣки. Нѣтъ, избрала
 Супругомъ будущимъ я твоего вассала,
 И знаю, что его я вправѣ попросить,
 А ты, мой государь, со мной соединишь.

Король.

Такъ вотъ моя рука: сдержи лишь обѣщанье,
 И въ точности твое исполню я желанье.
 Назначь сама твой часъ: я, твой больной, вполнѣ
 Довѣрился тебѣ. Еще о многомъ мнѣ
 Хотѣлось бы тебя поразспросить, хотя
 Не увеличишь ты ничѣмъ во мнѣ, дитя,
 Довѣрія къ тебѣ. Я разузнать желаю,
 Откуда ты пришла и съ кѣмъ. Но оставляю
 Вопросы всякіе. Сомнѣніе гоня,
 Я радъ тебѣ душой.

(Свѣтъ). Эй! поддержать меня!

(Елена).

Исполни дѣломъ то, что сказано словами —
 И будетъ подвигъ твой вполнѣ оплаченъ нами.

(Всѣ уходятъ. Трубы).

СЦЕНА II.

Руссильонъ. Замокъ графини.

Входятъ графиня и шутъ.

Графиня. Поди-ка сюда; мнѣ хочется испытать — хорошо ли ты воспитанъ?

Шутъ. Вы изволите увидѣть, что я отлично упитанъ и совершеннѣйшимъ образомъ воспитанъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мое дѣло — быть при дворѣ.

Графиня. При дворѣ? Какому же мѣсту ты придаешь значеніе, если такъ презрительно отзываешься о дворѣ? Каково — при дворѣ!

Шутъ. Ну, да; согласитесь, ваше сіятельство, что кого Богъ надѣлилъ какими-нибудь хорошими качествами, тотъ при дворѣ можетъ отложить ихъ въ сторону. Кто не умѣетъ шаркнуть ножкой, снять шляпу, поцѣловать свою руку и сказать хоть какой-нибудь вздоръ — у того нѣтъ ни ногъ, ни рукъ, ни губъ, ни

шляпы и, говоря точнѣе, такой молодець для двора не годится. Но что касается до меня, то я имѣю въ запасѣ отвѣтъ, пригодный для всѣхъ.

Графиня. Значить, очень выгодный отвѣтъ, если онъ идетъ ко всякому вопросу.

Шутъ. Онъ то же, что стулъ цирюльника, который годится для всякаго зада: и костляваго, и мясистаго, и круглaго: для какого угодно зада.

Графиня. И твой отвѣтъ идетъ ко всякому вопросу?

Шутъ. Такъ идетъ, какъ десять грошей — къ рукѣ стряпчаго, какъ французская корона — къ дѣвкѣ въ шелковомъ платьѣ, какъ тростниковое кольцо Тибби — указательному пальцу Тома, какъ блины — масляничному вторнику, какъ мавританская пляска — первому мая, какъ гвоздь — сдѣланной имъ же дырѣ, какъ рогоносець — своимъ рогамъ, какъ сварливая баба — забіякѣ-парню, какъ губы монахини — губамъ монаха, наконецъ, какъ внутренность колбасы — своей кожѣ.

Графиня. Я тебя спрашиваю — годится ли твой отвѣтъ для всѣхъ вопросовъ?

Шутъ. Для всѣхъ рѣшительно, начиная отъ вопросовъ герцога до послѣдняго констэбля.

Графиня. Такой отвѣтъ, годный для всякаго вопроса, долженъ быть самаго чудовищнаго размѣра.

Шутъ. Нѣтъ, сказать правду, онъ — бездѣлица, если ученые обсудятъ его, какъ слѣдуетъ. Онъ у меня въ головѣ со всѣми своими принадлежностями. Спросите у меня — придворный ли я? Вамъ не мѣшало бы выучиться...

Графиня. Искусству снова помолодѣть, если бы это было возможно? Буду задавать глупые вопросы, въ надеждѣ поумнѣть отъ твоего отвѣта. Итакъ, скажите, сэръ, вы придворный?

Шутъ. О, Господи, сэръ!... Вотъ вы и отдѣлались отъ вопроса. Задавайте, задавайте еще вопросы — хоть цѣлую сотню.

Графиня. Сэръ, вѣдь, я бѣдный другъ вашъ, любящій васъ?

Шутъ. О, Господи, сэръ! Еще, еще! Не жалѣйте меня.

Графиня. Я думаю, сэръ, что вы не можете ѣсть это грубое блюдо?

Шутъ. О, Господи, сэръ! Извольте продолжать — и ручаюсь, что не стану втупикъ.

Графиня. Сколько мнѣ кажется, сэръ, васъ недавно высѣкли?

Шутъ. О, Господи, сэръ! Дальше, не щадите меня.

Графиня. Вы и подъ розгами кричите: „О, Господи, сэръ!“ и „не щадите меня“. Дѣйствительно, ваше „о, Господи, сэръ!“ очень идетъ къ вашему сѣченью. На каждый ударъ розги вы отвѣчали бы весьма кстати, если бы дѣло дошло до этого.

Шутъ. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось такъ плохо, какъ теперь, съ моимъ „о, Господи, сэръ!“ Я вижу, что вещи могутъ служить долго, но не вѣчно.

Графиня. Я слишкомъ расточительно хозяйничаю съ временемъ, тратя его на пустыя шутки съ шутомъ.

Шутъ. О, Господи, сэръ! Вотъ опять отвѣтъ пригодился.

Графиня.

Довольно, шутъ. Пора за дѣло. Это

Ты отвези къ Еленѣ и скажи,
 Что я прошу отвѣта поскорѣе.
 Моимъ роднымъ и сыну мой поклонъ
 Ты передашь. Совсѣмъ пустое дѣло.

Шутъ.

Поклонъ-то вашъ?

Графиня.
 Пустое дѣло я

Даю тебѣ. Меня ты понялъ?

Шутъ.
 Съ пользой

Огромнѣйшей. Я прежде ногъ своихъ
 Приду туда.

Графиня.
 Скорѣе возвращайся.
(Уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА III.

Парижъ. Королевскій дворецъ.

Входятъ Бертрамъ, Лафэ и Пароль.

Лафэ. Говорятъ, что чудесь больше нѣтъ на свѣтѣ. У насъ даже завелись философы, которые превращаютъ явленія

272

сверхъестественныя и не имѣющія видимой причины въ простыя и легко объяснимыя. Вслѣдствіе этого мы издѣваемся надъ ужасами и загораживаемся мнимымъ знаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ слѣдуетъ подчиниться неисповѣдимому страху.

Пароль. Да, это удивительнѣйшее доказательство существованія чудесь, какое только представлялось въ наше время.

Бертрамъ. Совершенно справедливо.

Лафэ. Оставленный всѣми знатоками...

Пароль. И я то же самое говорю.

Лафэ. И Галеномъ, и Парацельсомъ...

Пароль. То же самое и я говорю.

Лафэ. Всѣми учеными и благонадежными лицами...

Пароль. Именно; то же и я говорю.

Лафэ. Которые признали его неизлѣчимымъ...

Пароль. Такъ, такъ; рѣшительно то же самое говорю и я.

Лафэ. Совершенно безнадежнымъ...

Пароль. Это такъ. Человѣкомъ, который можетъ быть увѣренъ...

Лафэ. Въ непрочности своей жизни и въ неизбѣжности смерти.

Пароль. Отлично сказано; это же самое я хотѣлъ сказать.

Лафэ. Нѣтъ сомнѣнія, что для свѣта это новость.

Пароль. Непремѣнно новость. Если хотите представить это себѣ наглядно, прочтите... какъ, бишь, это называется?

Лафэ. „Проявленіе небесной силы въ земномъ существѣ“.

Пароль. Ну, да; ну, да! Точь въ точь то же, что я хотѣлъ сказать.

Лафэ. Онъ теперь игривъ, что твой дельфинъ.

Пароль. Странное, чрезвычайно странное дѣло! — въ этомъ то вся штука и загадка. Надо имѣть самый развращенный умъ, чтобы не признавать тутъ...

Лафэ. Руки Бога.

Пароль. Совершенно то же, что я говорю.

Лафэ. Въ самомъ слабомъ и тлѣнномъ орудіи проявляется великая сила, великое могущество, которое не должно ограничиться излѣченіемъ короля, но можетъ еще сдѣлать насъ благодарными.

Пароль. Я только-что хотѣлъ сказать это. Очень хорошо сказано. Но вотъ и король.

Входятъ король, Елена и свита. Лафэ и Пароль отходятъ въ сторону.

Лафэ. Lustick! какъ говорятъ голландцы. Теперь, пока у меня останется хоть одинъ зубъ, я буду любить дѣвушекъ еще больше, чѣмъ прежде. Поглядите, онъ способенъ протанцовать съ нею курантъ.

Пароль. Mort du vinaigre! Да это Елена?

Лафэ. Убей меня Богъ — она.

Король.

Позвать ко мнѣ сейчасъ же всѣхъ придворныхъ.

(Еленѣ). Садись, моя спасительница, рядомъ

Съ твоимъ больнымъ. Вотъ этою рукой,

Въ которую ты снова возвратила

Чувствительность утраченную, я

Вторично подтверждаю исполненіе

Обѣщаннаго мной — и только жду,

Чтобъ ты его по имени назвала,

(Входятъ нѣсколько придворныхъ).

Король.

Вотъ, милое дитя мое, взгляни

Вокругъ себя: всѣ эти молодые

И доблестные люди у меня

Въ покорности; располагаю ими

Я, какъ монархъ и какъ отецъ. Изъ нихъ

Ты избирай любого. Право выбрать

Имѣешь ты, но права отказать

Имъ не дано.

Елена.

Когда любви угодно,

Пускай она дастъ каждому изъ васъ

Прекрасную и вѣрную подругу;

Да, каждому, но... кромѣ одного.

Лафэ.

Я отдалъ бы свою гнѣдую лошадь

Со сбрую, чтобъ только былъ мой ротъ
 Съ такими же зубами, какъ у этихъ
 Молодчиковъ, и борода моя —
 Въ такихъ же волосенкахъ.

Король.

Осмотри ихъ

Внимательно. Здѣсь нѣтъ ни одного,
 Который бы имѣлъ незнатныхъ предковъ.

Елена.

Почтенные вельможи, короля
 Богъ исцѣлилъ черезъ мое посредство.

Всѣ.

Да, знаемъ мы, и Господа за васъ
 Благодаримъ.

Елена.

Я дѣвушка простая,

273

И главное мое богатство въ томъ,
 Что дѣвушкою просто я себя
 Могу назвать. Я, государь, свой выборъ
 Ужъ сдѣлала. Румянецъ щекъ моихъ
 Мнѣ шепчетъ такъ: „я оттого пылаю,
 Что къ выбору ты хочешь приступить;
 Но если ты отказъ услышишь — блѣдность
 Смертельная пристанетъ навсегда
 Къ твоимъ щекамъ, и я на нихъ вовѣки
 Не возвращусь”.

Король.

Свободно выбирай —

И знай, что тотъ изъ нихъ, кто пренебречь рѣшится
 Твоей любовію, моей любви лишится.

Елена.

Итакъ, Діана, я бросаю твой алтарь
 И вздохи всѣ мои къ тебѣ, Любовь, о, царь
 Безсмертныхъ всѣхъ боговъ, теперь я направляю!
(Одному изъ вельможъ).

Угодно ль вамъ узнать, о чемъ просить желаю?

1-й вельможа.

Да — и исполнить все.

Елена.

Мессеръ, благодарю —

И больше ничего я вамъ не говорю.

Лафэ. Быть в числѣ предметовъ ея выбора для меня было бы пріятнѣе,
 чѣмъ всю жизнь проигрывать въ кости.

Елена (*другому придворному*).

Тотъ пламень гордости, мессеръ, которымъ глазъ
Прекрасный вашъ горитъ, заранѣе отказъ

274

Вѣщаетъ грозно мнѣ. Пусть счастье, что пошлетъ
Любовью въ вашу жизнь, въ сто разъ превознесетъ
Надъ тѣмъ, что скромною любовію своей
Я вамъ бы принесла.

2-й вельможа.

Но счастья сильнѣй

Я не хочу!

Елена.

Молю, чтобы мои желанья
Всесильный богъ любви исполнилъ. До свиданья.

Лафэ (*стоя въ отдаленіи и думая, что придворные отказываются отъ Елены*).
Неужели они всѣ чуждаются ея? Будь они мои сыновья, я бы ихъ отодралъ или
отослалъ къ туркамъ, чтобы тѣ сдѣлали изъ нихъ евнуховъ.

Елена (*третьему придворному*).

Откиньте всякій страхъ, что вашею рукой
Я завладѣть хочу: печали никакой
Не причиню я вамъ. Благослови, о, Боже,
Желанья ваши всѣ, и пусть на вашемъ ложѣ,
Коль доживете вы до свадебнаго дня,
Возляжетъ женщина прекраснѣе меня!

Лафэ. Да они, видно, изъ льда сдѣланы: ни одинъ не хочетъ ея. Нѣтъ
сомнѣнія, что всѣ они — незаконнорожденные дѣти англичанъ, такъ какъ
французы не могли произвести на свѣтъ такихъ сыновей.

Елена (*четвертому придворному*).

Вы слишкомъ счастливы и юны — вотъ причина,
Что отъ меня имѣть не захотите сына.

Четвертый придворный. Я не такого мнѣнья, прекрасная дѣва.

Лафэ. Вотъ и еще виноградная кисть! Я увѣренъ, что твой отецъ пивалъ
вино; но если ты не осель, то я четырнадцатилѣтній мальчишка. Тебя я давно
знаю.

Елена (*Бертраму*).

Не смѣю я сказать, что васъ избрала я —
Нѣтъ, въ вашу власть, пока продлится жизнь моя,
Себя я отдаю. Вотъ мой избранникъ!

Король.

Что жъ, молодой Бертрамъ, возьми ее:
Она твоя жена.

Бертрамъ.

Какъ вы сказали —

Моя жена? Я умоляю ваше

Величество въ подобномъ дѣлѣ мнѣ
 Позволить взять въ помощники и судьи
 Свои глаза.

Король.

Но развѣ ты, Бертрамъ,
 Не знаешь, чѣмъ я ей обязанъ?

Бертрамъ.

Знаю,

Но никогда надѣюсь не узнать,
 Мой государь, изъ-за чего я долженъ
 Съ ней въ бракъ вступить.

Король.

Извѣстно, вѣдь, тебѣ,

Что ея я съ одра болѣзни поднялъ.

Бертрамъ.

Но изъ того, что подняла она
 Васъ, государь, не слѣдуетъ, что должно
 Меня свалить: не такъ-ли? Кто она —
 Мнѣ хорошо извѣстно: воспиталась
 Она въ дому у моего отца.
 Дочь бѣднаго врача — моя супруга!
 Нѣтъ, пусть скорѣй убьетъ меня позоръ!

Король.

Когда ты въ ней лишь званье презираешь —
 Его могу поднять я. Странно мнѣ,
 Что кровь людей различныхъ — если вмѣстѣ
 Ее смѣшать — одна передъ другой
 Не разнится ни теплотой, ни вѣсомъ,
 Ни краскою, а между тѣмъ она
 Огромнѣйшихъ исполнена отличій.
 Коль дѣвушкѣ, стоящей здѣсь, даны
 Всѣ лучшія достоинства и ея
 Ты брезгаешь затѣмъ лишь, что она
 Дочь бѣднаго врача, то ради званья
 Ты брезгаешь прекраснѣйшей душой.
 Но этого, Бертрамъ, не надо дѣлать.
 Когда изъ темнаго источника идутъ
 Прекрасныя дѣла, то и ему даютъ
 Они собою блескъ; когда жъ величьемъ рода
 Раздуты мы, но въ насъ черства и зла природа —
 Водяной одержимъ нашъ внѣшній блескъ тогда.
 Что истинно добро — безъ имени всегда
 Останется добромъ; что зло, то остается
 Зломъ и безъ имени; цѣна вещамъ дается
 Не ихъ названіемъ, а сущностью. Она

(Указывая на Елену).

Годами молода, прекрасна и умна;
 Природа ей дала всѣ эти превосходства
 Въ наслѣдство — и они источникъ благородства.
 Кто хвалится, что онъ сынъ чести и на мать

275

Нисколько не похожъ — тотъ можетъ лишь пятнать
 Позоромъ эту честь; та знатность, что исходитъ
 Изъ нашихъ подвиговъ, далеко превосходитъ
 Преуспѣяньемъ ту, что намъ передаетъ
 Нашъ предокъ. Слово — рабъ, что такъ позорно лжетъ
 На камняхъ гробовыхъ; надъ каждымъ мавзолеемъ
 Оно является обманщикомъ-трофеемъ,
 И тамъ безмолвно, гдѣ на доблестныхъ костяхъ
 Лежатъ проклятое забвеніе и прахъ.
 Что мнѣ сказать еще? Когда ее душою
 Ты можешь полюбить, какъ дѣвушку, устрою
 Я остальное все. Приданое у ней —
 Она сама съ душой прекрасною своей.
 То собственность ея; а я къ нему въ придачу
 Богатства и почетъ, и громкій санъ назначу.

Бертрамъ.

Но, государь, я не люблю ея
 И не хочу стараться сдѣлать это.

Король.

Упорствомъ ты приносишь вредъ себѣ.

Елена.

Исцѣлены вы, государь, — и этимъ
 Я счастлива. Объ остальномъ прошу
 Не хлопотать.

Король.

Здѣсь честь моя въ залогъ;

Чтобъ выручить ее, я власть мою
 Употребить обязанъ. Эту руку
 Бери сейчасъ, мальчишка гордый, злой,
 Столь чуднаго подарка недостойный!
 Мою пріязнь и качества ея
 Ты съ гнусною надменностью отвергнулъ;
 Но ты забылъ, что помѣстивъ свое
 Величіе въ ея убогой чашѣ,
 Тебя поднять мы можемъ къ самой стрѣлкѣ;
 Не хочешь знать, что въ нашей полной волѣ
 Пересадить въ то мѣсто честь твою,
 Гдѣ мы хотимъ ея произрастанья.
 Смири свое презрѣнье; сдѣлай такъ,

Какъ мы велимъ — мы, о твоёмъ же благѣ
 Радѣющіе здѣсь; не довѣряй
 Надменности своей; повиновеньемъ,
 Котораго желаетъ наша власть,
 Которымъ ты, какъ подданный, обязанъ,
 Самъ счастье свое составь, — иначе я
 Изъ глубины любви моей исторгну
 Тебя навѣкъ и брошу въ страшный вихрь
 Невѣдѣнья и вѣтренности юной,
 И, именемъ закона, на тебя
 Я месть свою и ненависть обрушу
 Безжалостно. Что жъ мнѣ отвѣтишь ты?

Бертрамъ.

Простите мнѣ, мой государь великій!
 Мой личный вкусъ рѣшенью вашихъ глазъ
 Я подчиню. Сообразивъ, какъ много
 И творчества высокаго, и чести
 Стекаются туда, гдѣ ихъ вмѣстить
 Угодно вамъ, — я нахожу, что это
 Созданіе, недавно низко такъ
 Стоявшее въ моихъ надменныхъ мысляхъ,
 Прославлено монаршей похвалой
 И въ ней себѣ такое благородство
 Приобрѣло, какое придаетъ
 Рожденіе.

Король.

Такъ протяни жъ ей руку

И назови ее своей; а я
 Установлю межъ вами равновѣсье,
 И сдѣлаю, быть можетъ, даже такъ,
 Что перевѣсъ она возьметъ.

Бертрамъ.

Я руку

Ей протянулъ.

Король.

Да будетъ вашъ союзъ

Привѣтствуемъ улыбкою и счастьемъ,
 И милостью монаршею! Обрядъ,
 Которымъ мы должны новорожденный
 Союзъ скрѣпить, свершится нынче въ ночь;
 А празднество торжественное можно
 И отложить на время: подождемъ
 Своихъ друзей отсутствующихъ. Если
 Ты преданъ ей, Бертрамъ, то преданъ также мнѣ —
 Иначе я въ тебѣ увѣренъ не вполнѣ.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Лафэ и Пароля).

Лафэ. Послушайте, monsieur, — на одно слово.

Пароль. Что прикажете?

Лафэ. Вашъ господинъ и владыка хорошо сдѣлалъ, что согласился.

Пароль. Согласился? — мой господинъ? мой владыка?

Лафэ. Ну, да. Развѣ я говорю не на языкѣ?

Пароль. На языкѣ-то на языкѣ, но такомъ жесткомъ, что нельзя понять безъ кроваваго объясненія. Мой господинъ?

Лафэ. Да вы товарищъ графа Руссильона, что-ли?

Пароль. Я товарищъ всякаго графа, всѣхъ графовъ, всякаго, кто человѣкъ...

Лафэ. Кто человѣкъ графа, пожалуй; но

276

господинъ графа — дѣло совсѣмъ другого рода.

Пароль. Вы слишкомъ стары, сударь, — и довольно съ васъ этого; вы слишкомъ стары.

Лафэ. Я долженъ сказать тебѣ, почтеннѣйшій, что мое имя —человѣкъ; до этого имени ты не доживешь никогда.

Пароль. Я не рѣшаюсь дѣлать то, что могъ бы очень легко рѣшиться сдѣлать.

Лафэ. Въ теченіе двухъ обѣдовъ я считалъ тебя человѣкомъ съ нѣкоторымъ здравымъ смысломъ. Правда, ты и въ это время порядочно пускалъ пыль въ глаза разсказами о своихъ странствованіяхъ, но это бы еще ничего. Когда же я увидѣлъ шарфы и бантики, которыми ты покрываешь себя, то положительно убѣдился, что ты корабль съ большимъ грузомъ. Теперь я тебя нашелъ; но если снова потеряю, то не стану объ этомъ печалиться: такую находку и подымать не стоитъ.

Пароль. Если бъ только ты не пользовался привилегією старости...

Лафэ. Не погружайся слишкомъ глубоко въ гнѣвъ, иначе ты только ускоришь испытаніе надъ собою, а тогда — умилосердись Господи надъ этой мокрой курицей! Прощай, однако, мое доброе рѣшетчатое окно: мнѣ не нужно растворять твои ставни, потому что и безъ того я вижу тебя насквозь. Дай мнѣ руку.

Пароль. Мессеръ, вы причиняете мнѣ самое утонченное оскорбленіе.

Лафэ. Да, и дѣлаю это отъ всего сердца; ты стоишь его.

Пароль. Я не заслужилъ такого обращенія.

Лафэ. Совершенно напротивъ — заслужилъ всякую драхму, и я не обсчитаю тебя ни на одинъ скрупуль.

Пароль. Хорошо, я постараюсь быть умнѣе.

Лафэ. И сдѣлай это, какъ можно скорѣе, потому что тебя такъ и тянетъ въ противную сторону. Если тебя когда-нибудь свяжутъ твоимъ собственнымъ шарфомъ и отколотятъ, ты узнаешь, что значить гордиться своимъ рабствомъ. Мнѣ бы хотѣлось продолжать знакомство съ тобою, или, лучше сказать, мое изученіе твоего характера, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть возможность сказать: „это человѣкъ, котораго я знаю“.

Пароль. Милостивый государь, ваше приставање крайне невыносимо для меня.

Лафэ. Ради твоего блага, я желалъ бы, чтобъ оно было адскимъ мученіемъ и чтобъ эти муки я могъ создавать тебѣ вѣчно; но время созиданія для меня прошло, и я ухожу на столько скоро, на сколько это позволяетъ моя старость. *(Уходитъ)*.

Пароль. Хорошо, хорошо — у тебя есть сынъ, и онъ заплатитъ мнѣ за это оскорбленіе, скверный, грязный, паршивый старичишка! Нечего дѣлать, надо терпѣть: сильнаго не остановишь. Но, клянусь жизнью, я исколочу его, если только мнѣ представится удобная встрѣча съ нимъ — исколочу, будь онъ хоть вчетверо знатнѣе. Я такъ же мало сжалюсь надъ его старостью, какъ и надъ... Да, пусть онъ только еще разъ попадется мнѣ, я исколочу его.

Лафэ возвращается.

Лафэ. Другъ любезный, твой господинъ и владыка женатъ, — вотъ тебѣ новость. Теперь у тебя новая госпожа.

Пароль. Съ полнѣйшею откровенностью умоляю васъ, мессеръ, умѣрить немного ваши оскорбленія. Графъ мой добрый господинъ, но владыка мой — Тотъ, кому я служу и который тамъ, наверху.

Лафэ. Кто же это? Богъ?

Пароль. Да.

Лафэ. Дьяволъ твой владыка. Къ чему это ты перевязалъ такъ свои руки? Ужъ не хочешь ли превратить свои рукава въ штаны? Развѣ другіе слуги одѣваются такъ? Ты бы еще лучше сдѣлалъ, если бы перемѣстилъ свои нижнія части туда, гдѣ помѣщается твой носъ. Клянусь честью, будь я моложе хоть двумя часами, я бы поколотилъ тебя! Мнѣ кажется, что ты — насмѣшка надъ всѣми людьми и что всякій долженъ тебя бить. Ты какъ будто для того и созданъ, чтобы люди могли дѣлать на твоей спинѣ моціонъ.

Пароль. Вы жестоки и несправедливы ко мнѣ.

Лафэ. Разсказывай! Вѣдь, тебя отколотили въ Италіи за покражу зернышка изъ гранатоваго яблока. Ты не честный путешественникъ, а бродяга. Ты обращаешься съ дворянами и почтенными людьми гораздо нахальнѣе, чѣмъ имѣешь право по рожденію и достоинствамъ. Ты не стоишь, чтобы ко всему сказанному я прибавилъ хоть одно слово; иначе я еще назвалъ бы тебя негодяемъ. Прощай. *(Уходитъ)*.

Пароль. Хорошо, очень хорошо. Такъ вотъ какъ! Хорошо, очень хорошо. До поры до времени сохранимъ это въ тайнѣ.

277

Входитъ Бертрамъ.

Бертрамъ.

Погибло все! На вѣчныя заботы
Я осужденъ.

Пароль.

Что, миленькій, съ тобой?

Бертрамъ.

Предъ алтаремъ торжественную клятву
Я произнесъ, но ложе раздѣлить
Съ ней не хочу.

Пароль.
Да что же приключилось,

Мой миленькій, скажи?

Бертрамъ.
О, мой Пароль,

Они меня женили! Но уѣду
Я на войну въ Тоскану; никогда
Не допущу ее къ себѣ на ложе.

Пароль.

Да, Франція — собачья конура;
Ея земля не стоитъ, чтобъ ходила
По ней нога героевъ. На войну!

Бертрамъ. Вотъ письмо отъ моей матушки; но что она пишетъ въ
немъ — я еще не знаю.

Пароль.
Узнается. Въ походъ, въ походъ, мой милый!
Какъ въ ящикѣ, сокрыта честь того,
Кто у себя въ дому съ своей красоткой
Цѣлуется и тратитъ у нея
Въ объятіяхъ то мужество, которымъ
Онъ долженъ бы поддерживать скачки
И быстроту въ конѣ горячемъ Марса.
Бѣжимъ отсель! Нашъ край — конюшня, мы —
Живущіе въ конюшнѣ этой — клячи,
И потому — въ походъ!

Бертрамъ.
Да, рѣшено:

Ее домой отправлю я; тогда же
Я матушку о ненависти къ ней
Увѣдомлю и о причинѣ бѣгства;
А королю я напишу все то,
Чего не смѣлъ сказать ему. Послѣднимъ
Подаркомъ онъ далъ средства мнѣ прожить
Въ Италіи, гдѣ столько храбрыхъ быются.
Кому судьба дала противную жену
И мрачный домъ — идетъ съ отрадой на войну.

Пароль.
Ты убѣжденъ, что эта прихоть будетъ
Сильна въ тебѣ?

Бертрамъ.
Пойдемъ ко мнѣ домой:
Совѣтомъ ты поможешь мнѣ. Сейчасъ же
Я отошлю ее; а завтра — на войну,

Оставивши ее съ своей тоской одну.

Пароль.

Ухъ, скачуть пули какъ, и шумъ какой проклятый!

Тотъ юноша погибъ, кто челоуѣкъ женатый!

Въ походъ же! Брось ее! Ты королемъ своимъ

Обижень, оскорблень. Но лучше помолчимъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Другая комната въ томъ же дворцѣ.

Входятъ Елена и шутъ.

Елена. Моя матушка посылаетъ мнѣ сердечный привѣтъ. Какъ она поживаетъ?

Шутъ. Не хорошо, но она здорова; она

278

очень весела, но поживаетъ не хорошо. Слава Богу, она очень здорова и ни въ чемъ рѣшительно не нуждается, но поживаетъ все-таки не хорошо.

Елена. Но если она очень здорова, то вслѣдствіе какого страданья ей не хорошо?

Шутъ. Да ей дѣйствительно было бы хорошо, еслибъ не двѣ вещи.

Елена. Какія двѣ вещи?

Шутъ. Во первыхъ, то, что она до сихъ поръ не на небѣ, куда да возьметъ ее Господь поскорѣе; во-вторыхъ — что она до сихъ поръ на землѣ, откуда да возьметъ ее Господь поскорѣе!

Входитъ Пароль.

Пароль. Благослови васъ Господи, моя счастливая дама!

Елена. Надѣюсь, что вы согласны на мое счастье.

Пароль. Я молилъ, чтобъ оно пришло къ вамъ, и молюсь, чтобы оно всегда оставалось при васъ. — А, любезнѣйшій плутъ! какъ поживаетъ наша старая барыня?

Шутъ. Еслибъ у васъ были ея морщины, а у меня ея деньги, я желалъ бы, чтобы она поживала такъ, какъ вы говорите.

Пароль. Но, вѣдь, я ничего не сказалъ.

Шутъ. Тѣмъ умнѣе вы поступили, потому что часто языкъ слуги наговариваетъ гибель его господину. Ничего не говорить, ничего не дѣлать, ничего не знать и ничего не имѣть — это ваши главные достоинства, которыя почти то же, что ничто.

Пароль. Убирайся прочь; ты негодяй.

Шутъ. Вамъ бы слѣдовало сказать: „ты негодяй передъ негодяемъ“, то есть — передъ вами. Это было бы совершенно справедливо.

Пароль. Ты, братъ, остроумный дуракъ; я открылъ это.

Шутъ. Вы открыли меня въ самомъ себѣ? Или кто-нибудь выучилъ васъ открывать меня? Поиски ваши принесли вамъ пользу; въпрочемъ, вы могли бы открыть въ себѣ много дураковъ на удовольствіе и большую потѣху свѣту.

Пароль.

Отличный шутъ, ей-ей, да и отлично
Откормленный. Графиня, нынче въ ночь
Мой господинъ уѣдетъ: отзываютъ
Его дѣла важнѣйшія. Вполнѣ
Онъ признаетъ любви святое право,
Которое, какъ долгъ, онъ заплатитъ
Обязанъ вамъ; но это исполненіе
Нужда велитъ отсрочить. Впрочемъ, васъ
Нѣжнѣйшіе восторги промедленья
Вознаграждать; ихъ перерывъ
Насильственный сладчайшимъ наслажденьемъ
Грядущія минуты наводнитъ
И радостей всю чашу переполнитъ.

Елена.

Чего еще желаетъ онъ?

Пароль.

Чтобъ вы

Сейчасъ же распростились съ государемъ
И вашъ отъѣздъ поспѣшный объяснили,
Какъ собственную волю, подкрѣпивъ
Свои слова какимъ-нибудь предлогомъ,
Который бы заставилъ вѣрить имъ.

Елена.

Чего еще онъ требуетъ?

Пароль.

Простившись,

Дальнѣйшихъ приказаній отъ него
Вы ждать должны и ихъ тотчасъ исполнить.

Елена.

Исполню все, чего желаетъ онъ.

Пароль.

Я такъ ему и доложу объ этомъ.

Елена.

Пожалуйста. (*Шуту*). Идемъ со мною, шутъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая комната тамъ же.

Входятъ Лафэ и Бертрамъ.

Лафэ. Но я надѣюсь, графъ, что вы не смотрите на него, какъ на воина.

Бертрамъ. Смотрю какъ на воина и, притомъ, доказавшаго большую храбрость.

Лафэ. Вы это слышали отъ него самого?

Бертрамъ. Отъ него и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Лафэ. Ну, значитъ, мои часы идутъ невѣрно, и этого жаворонка я принялъ за воробья.

Бертрамъ. Увѣряю васъ, мессеръ, что онъ человѣкъ съ большими знаніями и съ такою же храбростью.

Лафэ. Значитъ, я грѣшенъ противъ его опытности и былъ несправедливъ къ его мужеству — и въ этомъ отношеніи мое

280

положеніе опасно тѣмъ, что я и теперь не могу найти въ моемъ сердцѣ раскаянія. — Вотъ онъ идетъ; пожалуйста, помирите насъ; я хочу пріобрѣсть его дружбу.

Входитъ Пароль.

Пароль (*Бертраму*). Все это будетъ исполнено, графъ.

Лафэ (*Паролю*). Позвольте узнать, мессеръ, кто вашъ портной?

Пароль. Мессеръ?

Лафэ. О, я его хорошо знаю, мессеръ; онъ хорошій рабочій, мессеръ, онъ очень хорошій портной.

Бертрамъ (*тихо Паролю*). Она пошла къ королю?

Пароль. Пошла.

Бертрамъ. И уѣдетъ сегодня ночью?

Пароль. Да, какъ вы приказали.

Бертрамъ.

Написаны мои всѣ письма, деньги

Уложены въ шкатулку, лошадей

Я приказалъ готовить — и сегодня

Въ тотъ часъ, когда женою завладѣть

Мнѣ надо бы, окончу, не начавши.

Лафэ. Хорошій путешественникъ имѣетъ кое-какое значеніе въ концѣ обѣда; но тотъ, кто вретъ на три трети и пользуется одною извѣстною правдой, чтобы вмѣстѣ съ ней спустить тысячу небылицъ, заслуживаетъ, чтобъ его разъ выслушали, а три раза отколотили. (*Паролю*). Спаси васъ Господи, капитанъ!

Бертрамъ (*Паролю*). Скажи, ты имѣлъ какія нибудь непріятности съ этимъ вельможей?

Пароль. Я не знаю, чѣмъ заслужилъ ихъ немилость.

Лафэ. Вы съумѣли сами попасть въ нее по шею, съ сапогами и шпорами — какъ тотъ, который вскакиваетъ въ пирогъ, а выльзете изъ нея скорѣе, чѣмъ будете въ состояніи отвѣтить, по какой причинѣ вы забрались туда.

Бертрамъ. Можетъ быть, вы не такъ понимаете его.

Лафэ. Я буду всегда понимать его такъ, даже если застану когда нибудъ за молитвой. Прощайте, графъ, и вѣрьте мнѣ, что этотъ орѣхъ — совершенная пустышка; душа этого человѣка — его платье. Не довѣряйте ему ни въ какомъ

важномъ дѣлѣ; сквозь мои руки проходили такіе господа, и я знаю ихъ натуру. Прощайте, monsieur; я отзывался о васъ лучше, чѣмъ вы заслуживаете и впередъ заслужите; но мы должны платить за зло добромъ. (*Уходитъ*).

Пароль. Пустой человѣкъ, честное слово.

Бертрамъ. Я того же мнѣнія.

Пароль. Да развѣ вы не знаете его?

Бертрамъ.

Нѣтъ, хорошо его я знаю; но

Онъ въ мнѣнїи всѣхъ достойнымъ человѣкомъ

Считается. Вотъ сѣтъ моя идетъ.

(*Входитъ Елена*).

Елена.

Графъ, вашему желанью повинуюсь,

Я къ королю ходила — и король

Позволилъ мнѣ немедленно уѣхать.

Но прежде онъ желаетъ видѣть васъ

Наединѣ.

Бертрамъ.

Исполню приказанье.

Елена, васъ не долженъ удивлять

Поступокъ мой, хоть съ нашимъ положеньемъ

Въ разладѣ онъ и новую мою

Обязанность такъ рѣзко нарушаетъ.

Я не былъ подготовленъ къ этой всей

Исторіи; вотъ почему такъ сильно

Она меня разстроила, и я

Поэтому прошу васъ отправляться

Домой и лучше поразмыслить тамъ,

Чѣмъ спрашивать причину этой просьбы.

Повѣрьте мнѣ, что доводы мои

Почтеннѣе, чѣмъ кажутся, и дѣло,

Зовущее меня, важнѣй, чѣмъ вамъ,

Не знающей его, казаться можетъ

На первый взглядъ.

(*Отдаетъ ей письмо*).

Вотъ къ матушкѣ письмо.

Черезъ два дня я снова свижусь съ вами

И вашему благоразумью васъ

Покаместъ поручаю.

Елена.

Графъ, я только

Могу сказать, что я всегда слуга

Покорнѣйшая ваша.

Бертрамъ.

Полно, полно!

Что говорить объ этомъ!

Елена.

И всегда

Искоренять въ себѣ усердно буду
То, чѣмъ моя несчастная звѣзда

281

Мѣшаетъ мнѣ съ такимъ высокимъ счастьемъ
Стать въ уровень

Бертрамъ.

Оставимъ это; я

Весьма спѣшу. Прощайте. Отправляйтесь
Сейчасъ домой.

Елена.

Графъ... извините.... я...

Бертрамъ.

Ну, что еще? скажите.

Елена.

Я не стою

Сокровища, доставшагося мнѣ,
И хоть оно мое, назвать не смѣю
Его моимъ; но, какъ пугливый воръ,
Душевно бы желала то похитить,
Что далъ законъ мнѣ въ собственность.

282

Бертрамъ.

Чего жъ

Хотите вы?

Елена.

Пустого — даже меньше,
Чѣмъ кое-что, — почти что ничего.
Графъ, право, я сказать вамъ не хотѣла-бъ,
Чего бы мнѣ хотѣлось. Впрочемъ, пусть:
Чужіе и враги безъ поцѣлуя
Прощаются.

Бертрамъ.

Прошу васъ не терять

Здѣсь времени. На лошадей скорѣе!

Елена.

Исполню все, мой добрый господинъ.

Бертрамъ (*Пароллю*).

Готовы ли мои другіе слуги?

(*Елень*). Прощайте же. (*Елена уходитъ*).

Ступай въ мой домъ, а я

Не возвращусь въ него, пока владѣть мечемъ
И слушать барабанъ мнѣ будетъ нипочемъ.
Бѣжимъ скорѣй!

Пароль.
Брависсимо! соaggio!
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Флоренція. Дворецъ герцога.

*Трубы. Входятъ герцогъ флорентинскій со свитой, два французскіе
дворянина и солдаты.*

Герцогъ.

Итакъ, теперь подробно вы узнали
Причины всѣ главнѣйшія войны,
Которая, въ виду великой цѣли,
Ужъ пролила такъ много крови здѣсь
И жажды все еще не утолила.

1-й дворянинъ.

Въ раздорѣ этомъ, герцогъ, ваша роль
Мнѣ кажется святою; роль же вашихъ
Противниковъ я гнусной нахожу.

Герцогъ.

Вотъ почему дивимся мы не мало,
Что въ дѣлѣ столь правдивомъ нашъ кузень,
Французскій государь, молениямъ нашимъ
Не растворилъ души своей.

2-й дворянинъ.

О видахъ

Французскаго правительства могу
Я разсуждать, какъ посторонній, только
Какъ человѣкъ, живущій внѣ двора
И собственной фантазьею создающій
Сановниковъ великія дѣла.
Вотъ почему, мой герцогъ, я не смѣю
Вамъ высказать сужденіе мое
О видахъ тѣхъ, тѣмъ болѣе, что знаю
По опыту, что каждый разъ мои
Непрочныя предположенія были
Ошибочны.

Герцогъ.

Пусть поступаетъ онъ,

Какъ хочется ему.

1-й дворянинъ.

Но я увѣренъ,
 Что молодежь французская, пресытятся
 Бездѣйствіемъ, все больше съ каждымъ днемъ
 Сюда начнетъ стекаться за лѣкарствомъ.

Герцогъ.

Мы встрѣтимъ ихъ съ привѣтомъ, и на нихъ
 Посыпятся всѣ почести, какія
 Мы можемъ дать. Вашъ постъ извѣстенъ вамъ;
 Но если высшіе падутъ — то ихъ паденье,
 Мессеры, вамъ доставитъ возвышенье.
 На завтра бой! (*Уходятъ. Трубы*).

СЦЕНА II.

Руссильонъ. Комната въ замкѣ графини.

Входятъ Графиня и шутъ.

Графиня. Все такъ и случилось, какъ я желала; жаль только, что онъ не
 пріѣхалъ съ ней.

Шутъ. Сказать правду, я нахожу, что

283

мой молодой господинъ большой меланхоликъ.

Графиня. Почему же ты такъ думаешь?

Шутъ. Потому что когда онъ смотритъ на свои сапоги, то поетъ,
 поправляетъ манишку — поетъ, спрашиваетъ о чемъ нибудь — поетъ, ковыряетъ
 въ зубахъ — поетъ. Я зналъ одного человѣка съ такими же меланхолическими
 наклонностями: такъ тотъ продалъ хорошую мызу за пѣсню.

Графиня (*раскрывая письмо*). Посмотримъ, что онъ пишетъ и когда думаетъ
 возвратиться.

Шутъ. Не нравится мнѣ Изабелла съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ при дворѣ.
 Наша старая треска и наши деревенскія Изабеллы ничто въ сравненіи съ
 придворною старой треской и придворными Изабеллами. Моему Купидону
 расшибли голову, и я начинаю любить, какъ старикъ любить деньги — безъ
 аппетита.

Графиня. Что я вижу?

Шутъ. Именно то, что видите. (*Уходитъ*).

Графиня (*читаетъ*). „Посылаю вамъ невѣстку; она вылѣчила короля и
 убила меня. Я женился на ней, но не ввелъ ее въ свою спальню и поклялся, что
 никогда не сдѣлаю этого. Вы услышите, что я бѣжалъ; узнайте же объ этомъ
 прежде, чѣмъ другіе вамъ расскажутъ. Если міръ достаточно широкъ, я всегда
 буду на большомъ разстояніи отъ нея. Съ должнымъ почтеніемъ остаюсь вашъ
 несчастный сынъ Бертрамъ”.

Не хорошо, мальчишка непокорный

И вѣтренный — не хорошо бѣжать

Отъ милостей столь добраго монарха

И навлекать на голову свою
 Гнѣвъ короля пренебреженьемъ къ дѣвѣ,
 Которою, за чистоту ея,
 Не пренебрегъ бы даже императоръ!

(Шутъ возвращается).

Шутъ. Ахъ графиня, тамъ два солдата привезли грустныя вѣсти моей молодой госпожѣ.

Графиня. Въ чемъ же дѣло?

Шутъ. Но есть и утѣшительное въ этихъ новостяхъ, есть и утѣшительное: вашего сына не убьютъ такъ скоро, какъ я предполагалъ.

Графиня. Да отчего же ему надо быть убитымъ?

284

Шутъ. Это и я говорю, графиня, если правда, что онъ бѣжалъ. Вотъ вмѣстѣ оставаться опасно, потому что это сожительство — гибель для мужей, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и начало жизни дѣтей. Вотъ они сами; отъ нихъ вы услышите больше. А я только и слышалъ, что вашъ сынъ бѣжалъ. *(Уходитъ).*

Входятъ Елена и два дворянина.

1-й дворянинъ. Богъ вамъ въ помощь, добрая графиня.

Елена. Графиня, мой супругъ уѣхалъ — уѣхалъ навсегда.

2-й дворянинъ. Не говорите этого.

Графиня.

Вооружись терпѣньемъ. Господа,
 Я столько ужъ ударовъ испытала —
 И радости, и горя — что меня
 Внезапною они не поражаютъ,
 Хотя я и женщина. Итакъ прошу —
 Скажите мнѣ: гдѣ сынъ мой?

2-й дворянинъ.

Онъ, графиня,

Отправился на службу ко двору
 Флоренціи. Мы только-что оттуда
 И встрѣтили его въ пути. Отдавъ
 Здѣсь при дворѣ депеши, возвратимся
 Опять туда.

Елена.

Графиня, вотъ что онъ

Мнѣ написалъ: вотъ паспортъ мой отъ мужа.

(Читаетъ).

„Когда ты добудешь кольцо съ моего пальца, которое я никогда не сниму, и когда покажешь мнѣ дитя, рожденное тобою и отъ меня — тогда назовешь меня своимъ мужемъ; но подъ этимъ *тогда* я понимаю *никогда*“. — Страшный приговоръ!

Графиня.

Мессеры, вы доставили ей это

Посланье?

1-й дворянинъ.

Да, графиня, и, узнавъ,

Что пишетъ графъ, жалѣемъ, что трудились.

Графиня.

Прошу тебя, дитя, не унывай.

Присвоивши всѣ эти огорченья,

Ты у меня, вѣдь, половину ихъ

Похитила. Онъ былъ мой сынъ, но имя

Его навѣкъ изглаживаю я

Изъ сердца моего, и — знай — отнынѣ

Мое дитя единственное — ты.

Такъ онъ на службу къ герцогу въ Тоскану

Отправился?

2-й дворянинъ.

Такъ точно.

Графиня.

И солдатомъ

Тамъ хочетъ быть?

2-й дворянинъ.

Да; благородный планъ

Его таковъ; но, безъ сомнѣнья, герцогъ

Воздастъ ему всѣ почести, какихъ

Достоинъ онъ.

Графиня.

Намѣрены вы ѣхать

Опять туда?

1-й дворянинъ.

На крыльяхъ полетимъ.

Елена (*читаетъ*). „Пока у меня будетъ жена, я ничего не буду имѣть во Франціи“. Это горько!

Графиня.

И это все онъ пишетъ?

Елена.

Да, графиня.

1-й дворянинъ. Можетъ быть, это только дерзкій поступокъ его руки, на который сердце не давало согласія.

Графиня.

„Нѣтъ ничего во Франціи, пока

Тамъ есть жена!“ Да, ничего такого

Здѣсь нѣтъ, чего бы не былъ онъ достоинъ,

За исключеньемъ лишь его жены.

Клянусь, она заслуживаетъ мужа,

Которому служило бъ сто такихъ

Безпутнѣйшихъ мальчишекъ, называя

Ее всегда своею госпожей.

Кто ѣхалъ съ нимъ?

1-й дворянинъ.

Всего одинъ служитель

Да дворянинъ, котораго знавалъ

Когда-то я.

Графиня.

Пароль, навѣрно?

1-й дворянинъ.

Онъ.

Графиня.

Негодный лжецъ! Я знаю, сынъ мой губить

285

Достоинства природныя свои

Совѣтами его.

1-й дворянинъ.

Да, это правда.

У этого Пароля слишкомъ много

Такого есть, чего ему имѣть

Не нужно бы.

Графиня.

Я рада вамъ, мессеры.

Когда опять вы сына моего

Увидите, пожалуйста, скажите,

Что никогда не возвратить мечемъ

Онъ чести той, которую утратилъ.

И, сверхъ того, я буду васъ просить

Свезти ему письмо.

2-й дворянинъ.

Графиня, рады

Мы вамъ служить и въ этомъ, и во всѣхъ

Другихъ дѣлахъ важнѣйшихъ.

Графиня.

Нѣтъ, служенья

Я не хочу: мы сдѣлаемъ обмѣнъ

Любезности. Пожалуйста за мною.

(Уходитъ съ двумя дворянами).

Елена.

„Нѣтъ ничего во Франціи, пока

Тамъ есть жена“. Пока жену имѣеть,

Во Франціи все для него — ничто.

Ее имѣть ты, Руссильонъ, не будешь

Во Франціи и, значитъ, у тебя

Все будетъ вновь. Несчастный графъ, ужели

Я выгнала изъ родины тебя

И нѣжные твои подвергла члены
 Случайностямъ безжалостной войны?
 Ужели я тебѣ велѣла кинуть
 Веселый дворъ, гдѣ ты сносилъ стрѣльбу
 Прекрасныхъ глазъ, чтобъ сдѣлаться мишенью
 Дымящихся мушкетовъ? О, молю
 Васъ, вѣстники свинцовые, на крыльяхъ
 Убийственныхъ летящіе въ огнѣ —
 Не трогайте его! Пронзайте воздухъ,
 Что съ пѣсенкой встрѣчаетъ вашъ ударъ,
 Но моего владыки не касайтесь!

286

Кто выстрѣлитъ въ него — того рукой
 Я правила; кто налетитъ съ ударомъ
 На грудь его геройскую — того
 Я, гнусная, на это подстрекнула!
 Не отъ моей руки онъ упадетъ,
 Но буду я причиной этой смерти.
 О, лучше бы сойтись мнѣ съ хищнымъ львомъ,
 Когда реветъ онъ, голодомъ томимый!
 О, лучше бы упали на меня
 Всѣ бѣдствія, какія есть въ природѣ!
 Нѣтъ, Русильонъ, вернись домой изъ мѣстъ,
 Гдѣ мужество находитъ только раны
 Въ опасности и очень часто въ ней
 Теряетъ все: я удалюсь. Не хочешь
 Вернуться ты лишь потому, что здѣсь
 Меня найдешь: ужели захочу я
 Мѣшать тебѣ? Нѣтъ, нѣтъ, хотя бы здѣсь,
 Въ твоёмъ дому, и вѣялъ воздухъ рая,
 А ангелы служили мнѣ — уйду
 Я для того, чтобъ полная участья
 Молва о томъ утѣшила твой слухъ.
 Кончайся, день! ночь, наступи скорѣй!
 Какъ робкій воръ, я скроюсь въ мглѣ твоей!
 (Уходитъ).

СЦЕНА III.

Флоренція. Передъ дворцомъ герцога.

Трубы. Входятъ герцогъ, Бертрамъ, Пароль, солдаты и музыканты.
 Герцогъ.

Начальникомъ надъ конницей тебя

Мы дѣлаемъ и, сильные надеждой,
 Съ довѣріемъ и дружбою себя
 Твоей звѣздѣ счастливой поручаемъ.

Бертрамъ.

Для бремени такого, герцогъ мой,
 Я слишкомъ слабъ; но приложу всѣ силы,
 Чтобъ, изъ любви и преданности къ вамъ,
 Его нести до крайняго предѣла
 Случайности.

Герцогъ.

Такъ отправляйся жъ въ путь!

Пусть счастье, какъ добрая подруга,
 Ласкаетъ твой побѣдоносный шлемъ.

Бертрамъ.

Великій Марсъ, сегодня я вступаю
 Въ твои ряды! Содѣлай лишь меня
 Такимъ, каковъ я въ мысляхъ — и на дѣлѣ
 Я докажу тогда, что у меня въ крови
 Любовь къ твоей трубѣ и ненависть къ любви!
 (Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Руссильонъ. Замокъ графини.

Входятъ графиня и управитель.

Графиня.

Ахъ, Боже мой, и для чего ты взялъ
 У ней письмо? Ты могъ, вѣдь, быть увѣренъ,
 Что, отославъ его ко мнѣ, она
 Такъ сдѣлаетъ, какъ сдѣлала. Прочти-ка.

Управитель (*читаетъ*).

„Иду я въ странствіе къ Іакову святому.
 Честолюбивою любовью я грѣшна,
 И, чтобъ прощеніе принести грѣху такому,
 По ледяной землѣ, босая и одна,
 Ушла святой обѣтъ свершить. О, напишите,
 Чтобъ вашъ любезный сынъ, властитель милый мой,
 Бѣжалъ кровавыхъ сценъ войны. Благословите
 Жизнь мирную его подъ кровлею родной,
 Межъ тѣмъ какъ вдалекѣ, полна благоговѣнья,
 О немъ съ горячностью молиться буду я.
 Просите, чтобы онъ простилъ мнѣ огорченья,
 Мною причиненныя. Вѣдь, въ чуждые края,
 Гдѣ ходятъ по пятамъ воителей отборныхъ
 Опасности и смерть, я — сдѣлавшись его

Юноной пагубной — отъ всѣхъ друзей придворныхъ
Заставила бѣжать владыку моего.
Для смерти и меня онъ слишкомъ благородень —
И къ смерти я иду, чтобъ онъ лишь былъ свободень”.

Графиня.

Ахъ, сколько острыхъ иглъ и въ самыхъ кроткихъ
Ея словахъ! Ринальдо, никогда
Не дѣйствовалъ ты такъ неосторожно,
Какъ поступилъ, дозволивъ ей уйти.
Поговори я съ ней — ея рѣшенье
Я измѣнить успѣла бѣ: но меня
Она предупредила.

Управитель.

Да, простите,

Графиня, мнѣ. Когда бы вамъ письмо
Я ночью далъ, мы, можетъ быть, успѣли-бъ
Ее догнать, хотя въ письмѣ она
И говоритъ, что были бѣ бесполезны
Всѣ поиски.

Графиня.

Какой же ангелъ дастъ

Теперь ему, нестоющему мужу,

Свое благословенье? Никогда
Не обрѣтеть онъ счастья, если только
Молитвы той, которой небеса
Съ любовію и милостью внимають,
Не отвратятъ гнѣвъ высшаго судьи.
Пиши, пиши скорѣй, Ринальдо, къ мужу,
Своей жены нестоющему. Пусть
Твои слова всѣ будутъ полны качествъ
Ея души, которымъ онъ придалъ
Ничтожный вѣсь; изобрази порѣзче
Мою печаль великую, хоть онъ
Не очень къ ней чувствителенъ. Съ посланьемъ
Отправь къ нему вѣрнѣйшаго гонца.
Быть можетъ, онъ, узнавъ, что удалилась
Она отъ насъ, — вернется; также я
Надѣюсь, что, узнавъ о возвращеніи
Его домой, Елена ускоритъ
И свой возвратъ, влекомая любовью
Чистѣйшею. Ахъ, кто изъ нихъ двоихъ
Дороже мнѣ — я и сама не въ силахъ
Сообразить. Сыщи скорѣй гонца.

Душа моя болитъ, года одолѣвають;
Грусть хочеть слезъ, заботы словъ желаютъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Передъ стѣнами Флоренціи.

Вдали военная музыка. Входятъ старая вдова, Діана, Віолента, Маріана и другіе граждане.

Вдова. Идите же: вѣдь, если они подойдутъ къ городу — мы ничего не увидимъ.

Діана. Говорятъ, что французскій графъ оказалъ Флоренціи большія услуги.

Вдова. Я слышала, что онъ взялъ въ плѣнъ главнаго начальника непріятелей и собственной рукой убилъ брата герцога. (*Вдали музыка*). Наши труды пропали даромъ — они пошли другой дорогой. Слышите: объ этомъ можно догадаться по звуку ихъ трубъ.

Маріана. Ну, такъ вернемся и будемъ довольствоваться разсказами. А вы, Діана, берегитесь этого французскаго графа. Вѣдь, вся слава дѣвушки въ ея чести — и эта честь дороже всякаго наслѣдства.

Вдова. Я разсказала моей сосѣдкѣ, какъ васъ преслѣдовалъ одинъ изъ товарищей графа.

Маріана. Я знаю этого негодяя, чтобъ ему повѣситься! Это Пароль, гнусный человѣкъ, который служитъ молодому графу въ подобныхъ дѣлахъ. Берегитесь этихъ людей, Діана; ихъ обѣщанія, обольщенія, клятвы, подарки и всѣ эти орудія соблазна — совсѣмъ не то, за что они выдаются. Не одна дѣвушка была обольщена ими; но, къ несчастію, такіе ужасные примѣры гибели дѣвственности не образумливаютъ невинности — и другія дѣвушки, все таки, попадаютъ въ ту же самую западню. Надѣюсь, что мнѣ незачѣмъ еще больше предостерегать васъ, потому что, по моему соображенію, ваша собственная добродѣтель сохранитъ васъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ вы теперь находитесь, хотя бы вамъ и угрожала только одна опасность — потеря добраго имени.

Діана. Не бойтесь за меня.

Вдова. Я и сама такъ думаю.

Входитъ Елена въ одежду пилигримки.

Вдова. Смотрите, сюда идетъ пилигримка. Я знаю, что она захочетъ остановиться въ моемъ домѣ, потому что эти странницы посылаютъ ко мнѣ одна другую. Я заговорю съ ней. Богъ въ помощь, пилигримка! Куда вы идете?

Елена.

Къ Іакову святому. Гдѣ живутъ,

Пожалуйста, скажите, пилигримы?

Вдова.

Здѣсь у воротъ, вотъ гдѣ святой Францискъ.

Елена.

По той ли я иду дорогъ?

Вдова.

Прямо

По ней. (*Вдали музыка*).

Но, чу! они идутъ сюда.

Угодно вамъ, святая пилигримка,
Пообождать, пока пройдутъ войска?
Тогда сама сведу васъ въ домъ, гдѣ будетъ
Квартира вамъ, тѣмъ болѣе, что я,
Какъ кажется, хозяйку вашу знаю,
Какъ самое себя.

Елена.

Такъ это вы?

Вдова.

Да, если вамъ угодно, пилигримка.

Елена.

Благодарю и буду ждать, пока
Вы скажете.

Вдова.

Изъ Франціи, какъ видно,

Идете вы?

288

Елена.

Такъ точно.

Вдова.

Здѣсь съ однимъ

Изъ земляковъ вы встрѣтитесь, который
Большія намъ услуги оказалъ.

Елена.

А какъ его зовутъ?

Діана.

Графъ Руссильонскій,

Знакомъ онъ вамъ?

Елена.

По слухамъ. Онъ у всѣхъ

Въ большой чести; въ лицо жъ его не знаю.

Діана.

Каковъ бы ни былъ онъ, но здѣсь его
Всѣ доблестнымъ считаютъ. Онъ — какъ слышно —
Изъ Франціи уѣхалъ оттого,
Что государь женилъ его насильно.
Не знаете-ли, правда это?

Елена.

Да,

Все это такъ, дѣйствительно. Я знаю
Его жену.

Діана.

Здѣсь офицеръ одинъ
При графѣ есть; о ней онъ очень дурно
Всѣмъ говоритъ.

Елена.

А какъ его зовутъ?

Діана.

Monsieur Пароль.

Елена.

О, да, я съ нимъ согласна:

Заслугами и свойствами она
Такъ далека отъ доблестнаго графа,
Что вмѣстѣ съ нимъ ее и называть
Не слѣдуетъ. Она однимъ владѣетъ
Достоинствомъ — смиренной чистотой,
Которую еще никто сомнѣнью
Не подвергалъ, насколько знаю я.

Діана.

Ахъ, бѣдная! Тяжелая неволя —
Быть замужемъ, коль ненавидитъ мужъ.

Вдова.

Конечно, такъ; я думаю, бѣдняжка,
Гдѣ бъ ни была, а на сердцѣ у ней
Большая грусть. Когда-бъ хотѣла эта
Красавица, она бы ей могла
Понасолить.

Елена.

Что вы сказать хотите?

Ужели графъ, влюбившись въ нее,
Къ поступку незаконному желаетъ
Ее склонить?

Вдова.

Да, это правда: онъ
Пускаетъ въ ходъ все то, чѣмъ только можно
Въ такихъ дѣлахъ честь дѣвичью убить;
Ну, да она вооружилась крѣпко
И самая честнѣйшая борьба —
Охрана ей.

Маріана.

И отъ иной развязки
Спаси ее Господь!

Вдова.

Вотъ они

Идутъ сюда.

Входятъ Бертрамъ, Пароль и войско, со знаменами и барабаннымъ боемъ.

Вдова.

Вотъ герцога наслѣдникъ,
Антоніо; за нимъ Эскаль.

Елена.

Но гдѣ жъ

Французскій графъ?

Діана.

А вонъ, съ перомъ на шляпѣ!

Какъ онъ хорошъ! Желала бъ я, чтобъ онъ
Любилъ жену; будь онъ честнѣй, онъ былъ бы
Еще милѣй. Не правда ли, что онъ
Весьма красивъ?

Елена.

Да, нравится мнѣ очень

Его лицо.

Діана.

Жаль, что не честенъ онъ.

Вотъ негодяй, который подбиваетъ
Его на все дурное. Будь женой
Я графа, дала бы, право, яду
Я этому мерзавцу.

Елена.

Гдѣ же онъ?

Діана. Да вотъ этотъ франтъ въ шутовскихъ перевязяхъ. Отчего онъ такъ
задумчивъ?

289

Елена. Можетъ быть, онъ раненъ въ сраженіи.

Пароль. Потерять барабанъ! О!

Маріана. Онъ чѣмъ-то очень разстроенъ. Смотрите, онъ замѣтилъ насъ.

Вдова. Чтобъ ему повѣситься!

Маріана. Чортъ бы побралъ его любезности и передаваніе колець!

(Бертрамъ, Пароль и войско уходятъ).

Вдова.

Войска прошли. Пойдемъ же, пилигримка:

Я васъ сведу въ то мѣсто, гдѣ стоятъ

Вы будете. Тамъ у меня найдете

Вы странниковъ. Четыре или пять

Ихъ собралось — идутъ на поклоненье

Къ Іакову святому.

Елена.

Отъ души

Благодарю. Когда бъ моя хозяйка

И милая дѣвица эта мнѣ

Пужинать со мной не отказали,

Я бы взяла издержки на себя

И, сверхъ того, чтобъ доказать яснѣе
Признательность мою, дала бы вамъ,
Красавица, полезные совѣты.

290

Вдова и Діана.

Принять вашъ зовъ весьма пріятно намъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Лагерь передъ Флоренціей.

Входятъ Бертрамъ и два французскіе дворянина.

2-й дворянинъ. Право, любезный графъ, испытайте его; пусть онъ поступитъ, какъ хочетъ.

1-й дворянинъ. И если вы не убѣдитесь, что онъ подлець — перестаньте уважать меня.

2-й дворянинъ. Клянусь вамъ честью, графъ, онъ мыльный пузырь.

Бертрамъ. Значитъ, вы думаете, что я такъ сильно ошибся въ немъ?

2-й дворянинъ. Вѣрьте мнѣ, я говорю потому, что самъ хорошо знаю это, говорю безъ всякой злобы, какъ бы отзывался о своемъ родственникѣ: онъ отъявленный трусъ, безконечный и безпредѣльный лгунъ, ежечасно нарушающій свое слово, не имѣющій ни одного достоинства, которое давало бы ему право на вашу благосклонность.

1-й дворянинъ. Вамъ бы слѣдовало узнать его; иначе, слишкомъ полагаясь на его доблести, которыхъ у него нѣтъ, вы когда-нибудь увидите, что онъ измѣнитъ вамъ въ какомъ-нибудь важномъ и секретномъ дѣлѣ, въ самомъ разгарѣ опасности.

Бертрамъ. Мнѣ хотѣлось бы найти какое-нибудь хорошее средство, чтобъ испытать его.

1-й дворянинъ. Лучше всего — предоставьте ему возвратить его барабанъ; вы слышали, какъ самоувѣренно онъ брался сдѣлать это.

2-й дворянинъ. А я, съ отрядомъ флорентинцевъ, внезапно нападу на него; для этого я найду людей, которыхъ, я увѣренъ, онъ не отличить отъ непріятеля. Мы его свяжемъ и завяжемъ ему глаза — и онъ непремѣнно вообразитъ, что его притащили въ непріятельскій лагерь, между тѣмъ какъ мы приведемъ его на наши же биваки. Только вы, графъ, должны присутствовать при его допросѣ, и если, за обѣщаніе пощады и подъ вліяніемъ гнуснаго страха, онъ не вызовется измѣнить вамъ, не скажетъ все, что онъ можетъ объявить во вредъ вамъ, и не поклянется спасеніемъ своей души въ правдивости своихъ словъ — вы можете, графъ, впередъ ни въ чемъ не вѣрить мнѣ.

1-й дворянинъ. Хотя ради смѣха, графъ, позвольте ему отправиться за барабаномъ. Онъ говоритъ, что придумалъ для этого особенную хитрость. А если и затѣмъ, графъ, увидавъ, какъ успѣшно онъ кончитъ это дѣло и въ какой металлъ превратится этотъ слитокъ фальшивой руды, вы не угостите его, какъ

Джона Друма — значить, вашего расположенія къ нему нельзя поколебать ничѣмъ. Но вотъ и онъ.

Входитъ Пароль.

2-й дворянинъ (*тихо Бертраму*). Пожалуйста, графъ, ради смѣха не удерживайте его отъ его доблестнаго предпріятія. Пусть онъ непременно отправится за своимъ барабаномъ.

Бертрамъ. Ну, что, monsieur? Этотъ барабанъ рѣшительно не даетъ тебѣ покоя.

1-й дворянинъ. Э, чортъ съ нимъ! Вѣдь, это только барабанъ — и ничего больше.

Пароль. Только барабанъ! Нѣтъ, не только барабанъ: тутъ барабанъ, потерянный такимъ образомъ... Нечего сказать, славное распоряженіе: пустить конницу на свое же собственное крыло и смять своихъ же солдатъ.

1-й дворянинъ. Въ этомъ надо винить не распоряженіе: это одно изъ тѣхъ несчастій войны, которыхъ самъ Цезарь не могъ бы предотвратить, если бы онъ предводительствовалъ нами.

Бертрамъ. Однако мы не можемъ пожаловаться на большую неудачу. Правда, потеря барабана немного обезчестила насъ, но что жъ дѣлать — воротить его невозможно.

Пароль. Было бы возможно.

Бертрамъ. Было бы возможно прежде, но невозможно теперь.

Пароль. Возможно и теперь. Если бы слава подвига не такъ рѣдко приписывалась именно тому, кто совершилъ его, я возвратилъ бы или этотъ барабанъ, или другой, или *hic jacet*!

Бертрамъ. Но если ты имѣешь желаніе сдѣлать это, если ты полагаешь, что какая-нибудь изъ твоихъ стратегическихъ тонкостей поможетъ тебѣ возвратить этотъ почетный инструментъ чести подъ его родимый кровь, то рѣшись великодушно на это предпріятіе и отправляйся въ путь. Я вознагражу твою попытку, какъ славный подвигъ. Если ты съ успѣхомъ совершишь ее, герцогъ будетъ говорить о ней и заплатить за нее

291

сообразно своему сану и до послѣдней іоты ея стоимости.

Пароль. Клянусь солдатскою рукою, я возьмусь за это дѣло.

Бертрамъ. Но ты не долженъ откладывать его въ долгій ящикъ.

Пароль. Я займусь имъ сегодня вечеромъ. Сейчас же напишу свои соображенія, укрѣплюсь въ несомнѣнности моихъ предположеній, сдѣлаю всѣ смертоносныя приготовленія, а въ полночь вы навѣрно услышите обо мнѣ.

Бертрамъ. А могу я увѣдомить герцога о твоёмъ предпріятіи?

Пароль. Я не знаю, каковъ будетъ успѣхъ, но что я попытаюсь, въ этомъ клянусь.

Бертрамъ. Я знаю, что ты храбръ, и готовъ поручиться за твою воинственность. Прощай.

Пароль. Я не люблю тратить словъ.

(Уходитъ).

2-й дворянинъ. Да, точно такъ же, какъ рыба не любитъ воды. Что, графъ, не странный ли это человѣкъ, берущійся повидимому съ такою увѣренностью за дѣло, въ неисполнимости котораго онъ убѣжденъ — клянущійся, что сдѣлаетъ, и готовый лучше быть проклятымъ, чѣмъ сдѣлать?

1-й дворянинъ. Вы, графъ, не знаете его такъ, какъ мы. Несомнѣнно, что онъ можетъ втереться въ расположеніе кого бы то ни было и въ теченіе недѣли его трудно будетъ уличить; но, узнавъ его разъ, будешь знать всегда.

Бертрамъ. Такъ вы полагаете, что онъ ничего не сдѣлаетъ изъ того, что такъ серьезно обязался исполнить?

2-й дворянинъ. Рѣшительно ничего; но онъ вернется съ новой выдумкой и пуститъ въ васъ двѣ или три правдоподобныя небылицы. Впрочемъ, мы уже почти затравили его, и сегодня ночью онъ повалится. Право, онъ рѣшительно не стоитъ вашего уваженія.

1-й дворянинъ. Мы еще позабавимъ васъ этою лисицей, прежде чѣмъ сдеремъ съ нея шкуру. Старикъ Лафэ первый раскусилъ его; когда съ него снимутъ маску, вы расскажете мнѣ, что это за птица; а узнаете вы это не позже, какъ сегодня ночью.

2-й дворянинъ. Я долженъ пойти поставить мою западню; онъ попадетъ въ нее.

Бертрамъ. А вашъ братъ отправится со мною.

2-й дворянинъ. Какъ вамъ будетъ угодно. Прощайте. (*Уходитъ*).

Бертрамъ.

Теперь я васъ сведу въ тотъ домъ и тамъ
Вамъ покажу красотку, о которой
Я говорилъ.

1-й дворянинъ.

Но какъ изъ вашихъ словъ
Я заключилъ — она строжайшихъ правилъ.

Бертрамъ.

Вотъ въ этомъ-то и весь ея порокъ.
Я только разъ съ ней говорилъ и крайне
Холодною нашель ее. Съ шуткомъ,
Котораго мы гнать хотимъ на травлю,
Я письма къ ней, подарки посылалъ,
Но ихъ она вернула мнѣ обратно.
Вотъ все, чего добился я. Она —
Прелестное созданіе. Хотите
Пойти взглянуть?

1-й дворянинъ.

Весьма охотно, графъ.

(*Уходятъ*.).

СЦЕНА VII.

Флоренція. Комната въ домѣ вдовы.

Входятъ Елена и вдова.

Елена.

Не знаю, чѣмъ еще увѣрить васъ,
Что я — жена его; осталось средство
Васъ убѣдить — но съ нимъ разрушу я
Основы всѣ обдуманнаго плана.

Вдова.

Хотя теперь и обѣднѣла я,
Но изъ семьи происхожу хорошей.
Подобныхъ дѣлъ не знаю я совсѣмъ
И не хочу себѣ запачкать имя
Безсовѣстнымъ поступкомъ.

Елена.

Да и я

Васъ этому подвергнуть не желаю.
Повѣрьте лишь, что графъ мой мужъ, что все,
Чѣмъ съ вами я секретно подѣлилась,
Отъ слова и до слова правда: вы
Увидите изъ этого, что, помощь
Мнѣ оказавъ, которой я прошу,
Дурного вы не сдѣлаете.

Вдова.

Надо

Повѣрить вамъ ужъ потому, что вы,
Мнѣ предложивъ такъ много, доказали
Огромное богатство.

292

Елена.

Вотъ пока

Вамъ кошелекъ съ червонцами; позвольте
Мнѣ этою цѣною помощь дружбы
У васъ купить; а убѣдившись въ ней,
Я заплачу еще гораздо больше.
Графъ въ вашу дочь влюбился, красотѣ
Ея грозитъ осадой сладострастной
И одолѣть ее рѣшился. Пусть
Она теперь какъ-будто согласится,
А мы ее научимъ, какъ потомъ
Вести себя. Сгорая пылкой страстью,
Тогда ни въ чемъ онъ не откажетъ ей.
Есть у него кольцо: въ семействѣ графа
Оно идетъ изъ рода въ родъ. Уже
Смѣнилось семь иль восемь поколѣній
Съ тѣхъ поръ, какъ въ домъ оно попало. Графъ
Имъ дорожить чрезмѣрно; но въ безумной

Горячности, чтобъ цѣль свою купить,
Онъ и его отдастъ безъ сожалѣнья,
Хотя потомъ раскается.

Вдова.
Теперь

Я поняла вашъ планъ.

Елена.
Его законность

Вы видите. Хочу я одного —
Чтобъ ваша дочь, предъ тѣмъ какъ притвориться
Согласною, спросила у него
Кольцо; потомъ пускай ему назначить
Свиданіе и, въ дѣвственномъ своемъ
Отсутствіи, мнѣ предоставитъ мѣсто
Ея занять. За это, сверхъ того,
Что мной уже обѣщано, прибавлю
Три тысячи червонцевъ для нея
Въ приданое.

Вдова.

Извольте. Научите

Вы дочь мою, какъ ей устроить такъ,
Чтобъ выборомъ и времени, и мѣста
Невинному обману пособить.
Ночь каждую онъ всякихъ музыкантовъ
Приводитъ къ намъ и распѣваетъ здѣсь
Въ честь красоты ея ничтожной пѣсни.
Напрасно мы отъ оконъ гнать его
Стараемся — упорствуетъ онъ: точно
Отъ этого зависитъ жизнь его.

Елена.

Такъ мы начнемъ нашъ планъ сегодня-жъ ночью
Разыгрывать; осуществится онъ —
Коварный замыселъ цѣль честную добудетъ,
И честный замыселъ въ поступкѣ честномъ будетъ,
Не согрѣшитъ ни та, ни эта сторона,
Но мысль грѣховная все жъ будетъ свершена.
Однако, намъ пора заняться дѣломъ!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Окрестности флорентинскаго лагеря.

Входитъ первый дворянинъ съ нѣсколькими солдатами.

1-й дворянинъ. Онъ непременно пройдетъ мимо этого плетня — другой дороги нѣтъ. Когда нападете на него, говорите на самомъ странномъ языкѣ, какой только придумаете. Хотя и вы сами не поймете своихъ словъ — это все равно: намъ надо только показать этому господину, что, за исключеніемъ одного изъ насъ, котораго мы выдадимъ за переводчика, никто не понимаетъ его языка.

1-й солдатъ. Капитанъ, позвольте мнѣ быть переводчикомъ.

1-й дворянинъ. А ты не знакомъ съ нимъ? онъ не знаетъ твоего голоса?

1-й солдатъ. Ручаюсь вамъ, что нѣтъ.

1-й дворянинъ. На какомъ же тарабарскомъ языкѣ ты будешь разговаривать съ нами?

1-й солдатъ. На томъ же самомъ, на которомъ и вы со мной.

1-й дворянинъ. Надо, чтобъ онъ принялъ насъ за шайку чужеземцевъ, служащихъ въ непріятельскомъ войскѣ. Онъ кое-какъ болтаетъ на всѣхъ сосѣднихъ языкахъ; поэтому, каждый изъ насъ долженъ сочинять свои слова такъ, чтобы одинъ не

293

понималъ другого и только показывалъ видъ, что понимаетъ. Мы должны только помнить нашъ планъ. Будетъ ли нашъ разговоръ воронье карканье или бессмысленная болтовня — все равно. А ты, переводчикъ, смотри, дѣйствуй, какъ можно политичнѣй. Но — тише! по мѣстамъ! Вотъ онъ идетъ, чтобы часа два проспять, а потомъ, вернувшись съ какою-нибудь сочиненной небылицей, клясться, что это правда. (*Солдаты прячутся*).

Входитъ Пароль.

Пароль. Десять часовъ; черезъ три часа можно будетъ смѣло вернуться домой. Что жъ я отвѣчу, когда меня спросятъ — что я сдѣлалъ? Надо придумать что-нибудь очень правдоподобное. Они начинаютъ уже раскусывать меня, и въ послѣднее время немилости слишкомъ часто постукивали въ мою дверь. Я нахожу, что мой языкъ ужъ черезчуръ смѣлъ, тогда-какъ сердце постоянно боится Марса и его слугителей и не отваживается поддержать розсказни языка.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Вотъ первая правда, въ которой первый разъ въ жизни провинился твой языкъ.

Пароль. Какой дьяволъ подбилъ меня взяться за возвращеніе барабана, когда мнѣ было извѣстно, что это невозможно и что я совсѣмъ не имѣлъ этого намѣренія? Надо будетъ нанести себѣ нѣсколько ранъ и сказать, что я получилъ ихъ въ битвѣ. Но, вѣдь, легкія раны меня не выручатъ; они скажутъ: „какъ это вы отдѣлались такъ легко?“ а ранить себя сильно я не рѣшусь. Что жъ дѣлать? О, языкъ мой, если твоя болтовня вовлекаетъ меня въ такія опасности — я буду принужденъ вложить тебя въ ротъ торговки масломъ, а себѣ купить другой у Баязетова мула.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Это невѣроятно: онъ знаетъ, кто онъ, и остается такимъ же!

Пароль. Не убѣдятся ли они, если изрѣжу свое платье или сломаю мой испанскій мечъ? Вотъ было бы хорошо!

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Нѣтъ, этого съ насъ недостаточно.

Пароль. Или если я сбръю бороду и скажу, что это была военная хитрость?

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Тоже не годится.

Пароль. Или же если утоплю свое платье и объявлю, что меня ограбили?

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Едва ли это поможетъ.

Пароль. Ужъ не поклясться ли, что я выпрыгнулъ изъ окна крѣпости?

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Съ какой высоты?

Пароль. Съ высоты въ тридцать сажень.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Давай хоть три крупныя клятвы — едва ли кто-нибудь повѣритъ.

Пароль. Хотъ бы мнѣ найти какой-нибудь непріятельскій барабанъ! Тогда бы я поклялся, что возвратилъ свой.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Ты сейчасъ услышишь его. (*За сценой барабанный бой и шумъ*).

Пароль. Что это? Непріятельскій барабанъ!

1-й дворянинъ (*бросаясь на него съ солдатами*). Трока мовозусъ, карго, карго, карго!

Солдаты. Карго, карго, карго, вилліанда паркорбо каръ! (*Солдаты схватываютъ его и завязываютъ глаза*).

Пароль. О, пощадите, пощадите! Не завязывайте мнѣ глазъ!

1-й солдатъ. Боскость тромульдо боскость!

Пароль.

Я знаю — вы изъ Мускоса полка

И оттого паду, что неизвѣстенъ

Мнѣ вашъ языкъ. Коль между вами есть

Какой-нибудь голландецъ, итальянецъ,

Иль датчанинъ, иль нѣмецъ, иль французъ —

Пусть онъ со мной заговоритъ: открою

Тогда ему я много кой-чего,

Чѣмъ погубить возможно флорентинцевъ.

1-й солдатъ. Боскость вувадо — я понимаю тебя и могу говорить на твоёмъ языкѣ. Керелибонто, подумай о спасеніи души твоей, потому что семьдесятъ кинжаловъ приставлены къ твоей груди.

Пароль. Ай!

1-й солдатъ. О, молись, молись, молись! Манка реваніа дулке!

1-й дворянинъ. Оскорбідулкость воливорко!

1-й солдатъ.

Нашъ генералъ согласенъ жизнь твою

Помиловать пока и, не снимая

Повязки съ глазъ, велитъ тебя вести

Къ допросу; тамъ ты, можетъ быть, откроешь

Такое намъ, что можетъ и совсѣмъ

Спаси тебя.

Пароль.

О, пощадите только
 Вы жизнь мою — и я разоблачу
 Всѣ лагерныя тайны, наши планы,
 Число солдатъ; открою вамъ такія
 Дѣла, что вы придете въ изумленье.

1-й солдатъ.

И не наврешь?

Пароль.
 Пусть буду проклять я,

Коли солгать рѣшусь!

1-й солдатъ.

Акордо линта!
 Ну, маршъ! Тебѣ дозволено итти.
(Уходитъ съ Паролемъ и нѣсколькими солдатами).

1-й дворянинъ
(одному изъ оставшихся солдатъ).

Ступай сейчасъ — и графу Руссильону
 И брату моему скажи, что дроздъ
 У насъ въ рукахъ и что его мы будемъ
 Держать въ сѣтяхъ, покамѣстъ не придетъ
 Къ намъ вѣсть отъ нихъ.

2-й солдатъ.

Исполню приказанье.

1-й дворянинъ.

Увѣдомъ ихъ, что намъ же выдать насъ
 Рѣшился онъ.

2-й солдатъ.

Все передамъ.

2-й дворянинъ.

Что будетъ

Онъ до тѣхъ поръ въ потемкахъ, подъ ключомъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Флоренція. Домъ вдовы.

Входятъ Бертрамъ и Діана.

Бертрамъ.

Сказали мнѣ, что звать васъ Фонтибель.

Діана.

Нѣтъ, графъ, меня зовутъ Діаной.

Бертрамъ.
 Имя

Вы носите богини, но достойны
 И болѣе прекраснаго. Ужель,
 Прелестное созданье, въ вашемъ тѣлѣ
 Прекраснѣйшемъ нѣтъ мѣста для любви?
 О, если вамъ не согрѣваетъ сердца
 Живительное пламя юныхъ лѣтъ —
 Статуя вы, не дѣвушка. По смерти
 Вы будете такою жъ, какъ теперь,
 Затѣмъ что вы теперь и неподвижны,
 И холодны; а надо бы вамъ быть
 Такою же, какой была, мой ангелъ,
 Въ часъ вашего зачатья ваша мать.

Діана.

Она была честна въ то время.

Бертрамъ.

Честной

И вы могли бѣ остаться тоже.

Діана.

Нѣтъ:

Вѣдь, мать моя лишь долгъ свой исполняла,
 Тотъ самый долгъ, которымъ, графъ, и вы
 Своей женѣ обязаны.

Бертрамъ.

Ни слова

Объ этомъ. Я прошу васъ не итти
 Противъ того, что я поклялся сдѣлать.
 Съ ней связанъ я насильственно; тебя жъ
 Я полюбилъ по сладкому насилью
 Одной любви и вѣчно буду всѣмъ
 Тебѣ служить.

Діана.

Да, вы обыкновенно

Намъ служите, пока мы служимъ вамъ;
 Но только вы сорвете наши розы,
 Какъ намъ шипы оставите; о нихъ
 Мы колемся, а вы еще смѣтесъ
 Надъ нашею печальной наготой.

Бертрамъ.

Но сколько разъ я клялся...

Діана.

Признакъ правды —

Не много клятвъ, а лишь одинъ обѣтъ,
 Обѣтъ простой, но вышедшій изъ сердца.
 Вѣдь, только тѣмъ, что свято на землѣ
 Клянемся мы, и Бога призываемъ
 Въ свидѣтели. Но если бы я вамъ

Величіємъ Всевышняго поклалась,
 Что нѣжно васъ люблю — скажите, графъ,
 Ужели бы вы этимъ страстнымъ клятвамъ
 Повѣрили, когда бъ коварно васъ
 Любила я? Безмысленна та клятва,
 Которая дается лишь затѣмъ,
 Чтобъ повредить тому, кому клянешься.
 Вотъ почему всѣ ваши клятвы, графъ,
 Одни слова, пустыя увѣщанья,
 Безъ всякаго скрѣпленія. Таковъ
 На это все мой взглядъ, по крайней мѣрѣ.
 Бертрамъ.

Перемѣни, перемѣни его!
 Не будь такой жестокою, святою!
 Любовь свята; я никогда не зналъ
 Тѣхъ хитростей, въ которыхъ обвиняешь
 Ты всѣхъ мужчинъ. Не убѣгай меня,
 Отдайся мнѣ — и страсть моя больная
 Воскреснетъ вновь. Скажи, что ты моя —
 И какъ теперь тебя я обожаю,
 Такъ обожать и вѣчно обѣщаю.
 Діана.

Я вижу, графъ, что въ этакихъ дѣлахъ
 Мужчины насъ раскачивать умѣютъ
 Надъ бездною. Прошу васъ это вотъ
 Кольцо мнѣ дать.
 Бертрамъ.
 На время дамъ, мой ангелъ,
 Но подарить его не вправѣ я.

Діана.
 Отдать его вы не хотите?
 Бертрамъ.
 Это

Кольцо у насъ изъ рода въ родъ идетъ,
 Служа всегда залогомъ чести дому.
 Утратою его, повѣрь, себя
 Покрылъ бы я позоромъ величайшимъ.
 Діана.

И честь моя — такое же кольцо.
 Сокровищемъ семейнымъ непорочность
 Считаемъ мы; изъ рода въ родъ идетъ
 Она у насъ; утратою его
 И я себя позоромъ величайшимъ
 Покрыла бы. Такъ ваша мудрость, графъ,
 Призвала честь, чтобъ мнѣ она защитой
 Могла служить отъ вашихъ нападеній

Бесплоднѣйшихъ.

Бертрамъ.

Вотъ, вотъ мое кольцо!

Мой домъ и честь, и даже жизнь пусть будетъ

Все, все твоимъ, а я — твой вѣчный рабъ!

Діана.

Въ полночный часъ придите постучаться

Въ мое окно. Я такъ распоряжусь,

296

Чтобъ матушка не слышала. Теперь же

Вы истиной должны поклясться мнѣ,

Что, завладѣвъ моимъ дѣвичьимъ ложемъ,

Вы только часъ останетесь со мной

И будете безмолвны. Есть причины

Важнѣйшія на это у меня;

Вы послѣ ихъ узнаете, когда я

Вамъ возвращу кольцо; а ночью вамъ

На палецъ я свое кольцо надѣну,

Чтобъ въ будущемъ могло для насъ служить оно

Свидѣтелемъ того, что прежде свершено.

Пока прощайте. Вы во мнѣ жену добыли,

Хоть быть женой мою надежду сокрушили.

Бертрамъ.

Въ твоей любви обрѣлъ я рай земной!

(Уходитъ).

Діана.

И дай вамъ Богъ жить долго, чтобы Небо,

Да и меня благодарить. А тѣмъ

Окончится, пожалуй... Слово въ слово

Мнѣ матушка сказала напередъ,

Что будетъ онъ мнѣ говорить, какъ-будто

Въ его душѣ она была. Отъ ней

Узнала я, что очень схожи клятвы

У всѣхъ мужчинъ. Онъ клялся, что, по смерти

Своей жены, онъ женится на мнѣ;

Поэтому я раздѣлю съ нимъ ложе,

Когда улягусь въ гробъ. О, если всѣхъ проводятъ,

Французы такъ, какъ онъ, то замужъ пусть выходятъ

Кто хочетъ, а ужъ я умру, какъ и живу —

Дѣвицей, и грѣхомъ совсѣмъ не назову

Того, что обмануть рѣшилась я мужчину,

Который, чтобъ прельстить, надѣлъ и самъ личину.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Флорентинскій лагерь.

Входятъ два французскіе дворянина и нѣсколько солдатъ.

1-й дворянинъ. Вы еще не отдали ему письма отъ матери?

2-й дворянинъ. Отдалъ съ часъ назадъ. Въ этомъ письмѣ есть что-то, очень задѣвающее его, потому что, читая его, онъ сдѣлался какъ-будто другимъ человѣкомъ.

1-й дворянинъ. Онъ навлекъ на себя справедливое негодованіе многихъ тѣмъ, что отвергнулъ такую добрую жену, такую милую женщину.

2-й дворянинъ. Особенно сильно и навсегда разгнѣвался на него король, который только что настроилъ свою благосклонность такъ, чтобы она напѣвала ему счастье. Я сообщу вамъ еще кое-что, но вы должны не разглашать эту новость.

1-й дворянинъ. Когда вы скажете ее — она умретъ, и я буду ея могилой.

2-й дворянинъ. Онъ обольстилъ здѣсь, во Флоренціи, молодую дѣвушку, извѣстную своимъ цѣломудріемъ — и сегодня ночью насытитъ свою страсть похищеніемъ ея чести. Онъ отдалъ ей свое родовое кольцо и очень счастливъ тѣмъ, что устроилъ эту безнравственную сдѣлку.

1-й дворянинъ. Сохрани насъ, Господи, отъ грѣха! И во что мы превращаемся, когда отдаемся ему во власть?

2-й дворянинъ. Превращаемся въ измѣнниковъ самимъ себѣ. И какъ случается со всѣми измѣнами, что онѣ сами обличаютъ себя, прежде чѣмъ достигаютъ своей отвратительной цѣли — такъ и онъ, этимъ поступкомъ вступающій въ заговоръ противъ собственнаго благородства, самъ выводитъ изъ береговъ взбаламученный имъ потокъ.

1-й дворянинъ. Какъ преступно мы поступаемъ, когда сами становимся герольдами нашихъ противозаконныхъ замысловъ? Значитъ, сегодня ночью мы не увидимъ его?

2-й дворянинъ. Если увидимъ, то только послѣ полуночи, потому что ожидающее его угощеніе назначено въ полночь.

1-й дворянинъ. Этотъ часъ приближается. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ присутствовалъ при разоблаченіи своего товарища и убѣдился, на сколько справедливо его сужденіе, на основаніи котораго онъ такъ странно переоцѣнилъ эту фальшивую монету.

2-й дворянинъ. Мы не займемся этимъ дѣломъ до его прихода, потому что его присутствіе должно послужить бичомъ для этого франта.

1-й дворянинъ. А покамѣстъ скажите, не слыхали ли вы чего-нибудь новаго о нашей войнѣ?

2-й дворянинъ. Я слышалъ, что приступлено къ мирнымъ переговорамъ.

1-й дворянинъ. А я даже могу увѣрить васъ, что миръ заключенъ.

2-й дворянинъ. Что жъ теперь будетъ дѣлать графъ Руссильонъ? Отправится ли онъ странствовать дальше, или вернется во Францію?

1-й дворянинъ. Изъ этого вопроса я заключаю, что вы не изъ числа его приближенныхъ.

2-й дворянинъ. Боже меня упаси отъ этого — иначе мнѣ пришлось бы принимать дѣятельное участіе въ его продѣлкахъ.

1-й дворянинъ. Его жена, мѣсяца два тому назадъ, бѣжала изъ дому подъ предлогомъ желанья отправиться на богомолье къ святому Іакову. Этотъ святой обѣтъ она выполнила съ самымъ строгимъ благоговѣніемъ; но въ то время, когда она жила тамъ, нѣжность ея натуры сдѣлалась добычею ея горя; наконецъ, она испустила послѣднее дыханіе и теперь поетъ на небѣ.

2-й дворянинъ. Чѣмъ подтверждена достовѣрность этого извѣстія?

1-й дворянинъ. Самая важная часть его — ея собственными письмами, которыя свидѣлствуютъ о справедливости этого разсказа до самой минуты ея смерти. А смерть ея, о которой она сама не могла засвидѣтельствовать письменно, подтверждена мѣстнымъ священникомъ.

2-й дворянинъ. Знаетъ ли обо всемъ этомъ графъ?

1-й дворянинъ. Знаетъ во всѣхъ подробностяхъ, отъ слова до слова — знаетъ всѣ мелочи, вполнѣ подтверждающія истину этого извѣстія.

2-й дворянинъ. Мнѣ очень прискорбно, что это можетъ радовать его.

1-й дворянинъ. Какое сильное утѣшеніе находимъ мы иногда въ своихъ потеряхъ!

2-й дворянинъ. И съ другой стороны, въ какихъ горькихъ слезахъ мы топимъ иногда свои пріобрѣтенія! Громкая слава, которую онъ добылъ здѣсь своею храбростью, будетъ встрѣчена на родинѣ такимъ же громкимъ позоромъ.

1-й дворянинъ. Ткань нашей жизни сдѣлана изъ смѣшанной пряжи — дурной и хорошей. Наши добродѣтели гордились бы собою, еслибъ ихъ не бичевали наши пороки, а пороки наши приходили бы въ отчаяніе, еслибъ ихъ не лелѣяли наши добродѣтели.

Входитъ слуга.

1-й дворянинъ. Ну, что? Гдѣ твой господинъ?

Слуга. Онъ встрѣтилъ герцога на улицѣ

298

и торжественно простился съ нимъ: его сіятельство уѣзжаетъ во Францію завтра утромъ. Герцогъ вызвался дать ему рекомендательныя письма къ королю.

2-й дворянинъ. Они ему крайне необходимы, даже если бы герцогъ хвалилъ въ нихъ его больше, чѣмъ это возможно.

1-й дворянинъ. Король такъ сердитъ, что эти похвалы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть слишкомъ щедрыми. Вотъ и его сіятельство.

Входитъ Бертрамъ.

1-й дворянинъ. Ну, что, графъ, полночь уже прошла?

Бертрамъ. Нынѣшнюю ночь я успѣшно окончилъ шестнадцать дѣлъ, изъ которыхъ cadaго хватило бы другому на мѣсяць. Я откланялся герцогу, простился съ его приближенными, схоронилъ свою жену, сносилъ по ней трауръ, написалъ моей матери, что ѣду домой, приготовилъ все къ отъѣзду, и

рядомъ съ этими главными дѣлами покончилъ нѣсколько другихъ, болѣе щекотливыхъ. Послѣднее изъ нихъ было самое важное, но оно еще не кончено.

2-й дворянинъ. Если оно затруднительно, а вы собираетесь утромъ ѣхать, то вамъ надо поторопиться.

Бертрамъ. Я говорю, что это дѣло не кончено, въ томъ соображеніи, что боюсь услышать о немъ въ послѣдствіи. Что жъ, будемъ мы свидѣтелями разговора между этимъ шуткомъ и солдатомъ? Ну, выводите этотъ фальшивый образецъ всевозможныхъ совершенствъ. Онъ надулъ меня, какъ двусмысленный предсказатель.

2-й дворянинъ. Ведите его сюда. (*Солдаты уходятъ*). Бѣдный храбрецъ просидѣлъ всю ночь въ колодкѣ.

Бертрамъ. Это ничего. Его пятки заслужили такое обращеніе: онъ такъ долго и незаконно носили шпоры. А какъ онъ себя держитъ?

2-й дворянинъ. Я уже объяснилъ вашему сіятельству, что его колодка держитъ. Но, чтобы отвѣтить вамъ въ томъ смыслѣ, который вы придали вашему вопросу — скажу, что онъ реветъ, какъ баба, пролившая свое молоко. Принявъ Моргана за монаха, онъ исповѣдался ему во всемъ, что сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, до злополучной минуты, когда его посадили въ колодку. И какъ вы полагаете, что заключалось въ этой исповѣди?

Бертрамъ. Полагаю, что ничего, касающагося меня.

2-й дворянинъ. Эта исповѣдь записана и будетъ прочитана въ его присутствіи. Если, какъ я думаю, въ ней упоминается и о васъ — вамъ надо будетъ терпѣливо выслушать.

Входитъ Пароль подъ стражею, съ завязанными глазами.

Бертрамъ. Чтобъ онъ издохъ! Экъ его укутали! Онъ ничего не можетъ сказать обо мнѣ. Тише, тише!

1-й дворянинъ. Игра въ жмурки начинается! Порто тартароза.

1-й солдатъ (*Паролю*). Это онъ велитъ принести орудія пытки. Что вы скажете безъ ихъ содѣйствія?

Пароль. Я безъ всякаго принужденія объявляю все, что знаю, а затѣмъ не найду сказать ничего, хоть бы вы меня изрубили, какъ начинку для пирога.

1-й солдатъ. Боско кимурко.

1-й дворянинъ. Боблибиндо кикурмурко.

1-й солдатъ. Вы очень снисходительны, генераль. (*Паролю*). Нашъ генераль приказываетъ, чтобъ вы отвѣчали мнѣ на все, о чемъ я буду спрашивать васъ по этой запискѣ.

Пароль. И я отвѣчу такъ же искренно, какъ желаю остаться въ живыхъ.

1-й солдатъ (*читаетъ*). „Во-первыхъ, спросить его, какъ велика кавалерія герцога“. Что вы отвѣтите на это?

Пароль. Пять или шесть тысячъ лошадей, но весьма слабыхъ и негодныхъ для службы. Отряды всѣ разсѣяны, а начальники ихъ — ничтожные людишки. Клянусь въ этомъ моимъ добрымъ именемъ и надеждою на спасеніе жизни.

1-й солдатъ. Такъ и записать вашъ отвѣтъ?

Пароль. Такъ и запишите. Я готовъ присягнуть въ этомъ, гдѣ и какъ вамъ угодно.

Бертрамъ. Ему и это все равно. Какой отпѣтый негодяй!

1-й дворянинъ. Вы ошибаетесь, графъ! это monsieur Пароль, тотъ самый храбрый воинъ — говоря его собственными словами — у котораго въ узлѣ шарфа вся теорія, а въ ножнахъ меча вся практика войны.

2-й дворянинъ. Теперь ужъ я никогда не буду вѣрить человѣку только ради того, что онъ держитъ въ блестящей чистотѣ свой мечъ, и не буду думать, что въ немъ соединены всѣ достоинства только потому, что онъ щегольски носитъ свое платье.

299

1-й солдатъ. Я записалъ.

Пароль. Я сказалъ: „пять или шесть тысячъ“. Не хочу лгать — напишите: „или около того“. Я хочу говорить одну правду.

1-й дворянинъ. Въ этомъ случаѣ онъ очень близокъ къ ней.

Бертрамъ. Но я не могу благодарить его за манеру высказыванья этой правды.

Пароль. Да, ничтожные людишки! Такъ, пожалуйста, и запишите.

1-й солдатъ. Записалъ.

Пароль. Чувствительнѣйше благодарю васъ. Что правда, то правда — людишки самые ничтожные.

1-й солдатъ (*читаетъ*). „Спросить его, какъ велика герцогская пѣхота“. Что вы отвѣтите на это?

Пароль. Клянусь вамъ честью — хотя бы мнѣ оставалось только часъ прожить на свѣтѣ — я скажу правду. Позвольте сообразить. У Спуріо сто пятьдесятъ, у Себастіана столько же, у Корамбуса столько же, у Жака столько же, у Гильціана, Козьмы, Людовика и Граціо — по двѣсти пятьдесятъ у каждого, у меня, Хитофера, Вомона, Бенціо по двѣсти пятьдесятъ. Такимъ образомъ, все войско, считая здоровыхъ и больныхъ, не превосходитъ, клянусь честью, и пятнадцати тысячъ человѣкъ. Да и изъ нихъ половина не посмѣетъ стряхнуть снѣга съ своихъ кафтановъ, изъ боязни не растрепать вмѣстѣ съ тѣмъ и самые кафтаны.

Бертрамъ. Что же съ нимъ теперь сдѣлаютъ?

1-й дворянинъ. Ничего; только поблагодарятъ. (*Солдату*). Спроси у него, что я за человѣкъ и на какомъ счету у герцога?

1-й солдатъ. И это у меня записано. (*Читаетъ*). „Спросить его, служить ли въ войскѣ капитанъ Дюмень, французъ? На какомъ счету онъ у герцога? на сколько онъ храбръ, честенъ, опытенъ въ военномъ дѣлѣ, и есть ли возможность за хорошія деньги подкупить его?“ Что вы скажете на это? что вы объ этомъ знаете?

Пароль. Умоляю васъ, позвольте мнѣ отвѣчать на каждый изъ этихъ вопросовъ отдѣльно. Задавайте ихъ по одиночкѣ.

1-й солдатъ. Знаете вы этого капитана Дюменя?

Пароль. Знаю. Въ Парижѣ онъ былъ подмастерьемъ у одного бѣднаго портного, откуда его выгнали палками за то, что сдѣлалъ ребенка нѣмой дурочкѣ шерифа, которая не могла сказать ему: „нѣтъ“.

Бертрамъ (1-му дворянину, замахивающемуся на Пароля). Пожалуйста, сдержите ваши руки, хотя я знаю, что его черепъ обреченъ первой черепицѣ, какая свалится съ крыши.

1-й солдатъ. Этотъ капитанъ находится теперь въ войскѣ флорентинскаго герцога?

Пароль. Сколько мнѣ извѣстно, онъ тамъ — и покрытъ вшами.

1-й дворянинъ (Бертраму). Не смотрите на меня такъ иронически: скоро мы услышимъ и о вашемъ сіятельствѣ.

1-й солдатъ. На какомъ счету онъ у герцога?

Пароль. Герцогъ знаетъ его только, какъ дурного офицера изъ моего отряда, и на-дняхъ писалъ мнѣ, чтобъ я исключилъ его изъ службы. Письмо, кажется, у меня въ карманѣ.

1-й солдатъ. Поищемъ.

Пароль. Навѣрное, впрочемъ, не знаю: или оно при мнѣ, или осталось въ моей палаткѣ въ одной связкѣ съ прочими письмами герцога.

1-й солдатъ. Вотъ какая-то бумага. Прочестъ ее?

Пароль. Не знаю — то ли это письмо, или другое.

Бертрамъ. Нашъ переводчикъ дѣйствуетъ славно.

1-й дворянинъ. Превосходно.

1-й солдатъ (читаетъ). „Діана! Графъ дуракъ, набитый золотомъ...”

Пароль. Это письмо не отъ герцога. Это предостереженіе одной честной флорентинской дѣвушкѣ, Діанѣ, чтобы она береглась преслѣдованій нѣкоего графа Руссильона, вѣтренаго и глупаго мальчишки, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень развратнаго. Пожалуйста, положите это письмо снова ко мнѣ въ карманъ.

1-й солдатъ. Нѣтъ, съ вашего позволенія я прежде прочту его.

Пароль. Увѣряю васъ, что я писалъ это только изъ желанія добра этой дѣвушкѣ, потому что зналъ графа, какъ опаснаго и развратнаго юношу. Онъ для дѣвушекъ — китъ, пожирающій всякую мелкую рыбу, какая только ему попадется.

Бертрамъ. Проклятый, двуличный бездѣльникъ!

1-й солдатъ (читаетъ).

„Когда онъ клянется, ты денегъ проси у него и бери:

Долговъ онъ не платитъ, когда ужъ покончится дѣло.

Торгъ прибыленъ только съ задаткомъ — торгуйся жъ толково, смотри:

300

Онъ послѣ не платитъ — впередъ запасайся ты смѣло.

И эти совѣты, Діана, тебѣ посылаетъ солдатъ.

Смотри ты на взрослыхъ, бѣги поцѣлуевъ ребятъ;

Вѣдь, графа я знаю отлично: повѣрь, онъ глупецъ;

Впередъ не заплатитъ — такъ послѣ и дѣлу конецъ.

Весь твой, какъ и клялся тебѣ на ушко.

Пароль”.

Бертрамъ. Надо прогнать его сквозь строй съ этими стихами на лбу.

2-й дворянинъ. Это, вѣдь, вашъ преданный другъ, отличный лингвистъ и опытный воинъ.

Бертрамъ. До сихъ поръ я могъ переносить все, кромѣ кошки, а онъ теперь для меня — кошка.

1-й солдатъ. По взглядамъ нашего генерала я заключаю, что намъ нужно васъ повѣсить.

Пароль. Жизнь во чтобы то ни стало сохраните мнѣ! Умоляю васъ! Не то, чтобы я боялся умереть; но у меня столько грѣховъ, что на покаяніе я употребилъ бы весь остатокъ моихъ дней. Позвольте мнѣ жить — въ тюрьмѣ ли, въ колодкѣ ли, въ другомъ ли какомъ-нибудь мѣстѣ — но только позвольте жить!

1-й солдатъ. Ну, мы еще посмотримъ, что для васъ можно будетъ сдѣлать, лишь бы откровенно говорили. Итакъ, вернемся снова къ капитану Дюмену. Вы отвѣчали на вопросы о его положеніи при герцогѣ и о его храбрости. Что же вы скажете насчетъ его честности?

Пароль. Онъ не откажется украсть яйцо изъ монастыря, а въ грабежахъ и обманахъ можетъ сравниться съ самимъ Нессомъ. Держать клятвы онъ считаетъ ненужнымъ, но въ нарушеніи ихъ онъ сильнѣе Геркулеса. Вретъ онъ съ такою легкостью, что слушая его, вы и истину примете за сумасшедшую. Пьянство — его главная добродѣтель, потому что онъ напивается, какъ свинья, и уже во снѣ не вредитъ никому, кромѣ своей простыни; всѣ это знаютъ и оттого кладутъ его на солому. Кромѣ этого, мнѣ почти нечего сказать о его честности, такъ какъ онъ имѣетъ все, чего честный человѣкъ не долженъ имѣть, а изъ того, что должно быть у честнаго человѣка, у него нѣтъ ничего.

1-й дворянинъ. Я начинаю его любить за этотъ отзывъ.

Бертрамъ. За это описаніе вашей честности? Я съ своей стороны желаю ему издохнуть. Для меня онъ все болѣе и болѣе кошка.

1-й солдатъ. Что вы скажете о его опытности въ военномъ дѣлѣ?

Пароль. Сказать вамъ правду, онъ игралъ на барабанѣ въ труппѣ англійскихъ актеровъ. Лгать на него я не хочу, а больше о его воинственности ничего не знаю, за исключеніемъ того, что въ Англіи онъ имѣлъ честь служить офицеромъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Майль-Эндъ, гдѣ занимался удвоеніемъ рядовъ. Я желалъ бы воздать ему возможно-большую честь, но въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ не увѣренъ.

1-й дворянинъ. Онъ такъ далеко выступилъ за предѣлы гнусности, что самая эта оригинальность выкупаетъ его.

Бертрамъ. Чтобъ ему околѣть! Онъ все-таки кошка.

1-й солдатъ. Если онъ такъ бѣденъ достоинствами, то мнѣ нечего спрашивать — можно ли его деньгами подкупить на возмущеніе?

Пароль. За четверть червонца онъ продастъ спасеніе своей души, свое наследственное право на него, лишитъ его своихъ потомковъ и отречется отъ него на вѣки вѣчные.

1-й солдатъ. А что вы скажете о его братѣ, другомъ капитанѣ Дюменѣ?

2-й дворянинъ. Для чего онъ спрашиваетъ обо мнѣ?

1-й солдатъ. Каковъ онъ?

Пароль. Ворона изъ того же самага гнѣзда; не такъ великъ, какъ старшій братъ, въ хорошихъ качествахъ, но гораздо болѣе великъ въ дурныхъ. Онъ

превосходитъ брата трусостью, хоть тотъ славится, какъ самый лучшій трусъ, какой только есть на свѣтѣ. Во время отступленія онъ бѣжитъ шибче всякаго лакея, а при нападеніи у него дѣлаются спазмы.

1-й солдатъ. Если васъ оставятъ въ живыхъ, согласитесь вы измѣнить герцогу флорентинскому?

Пароль. И ему, и начальнику его кавалеріи, графу Руссильону.

1-й солдатъ. Я поговорю съ генераломъ и узнаю его рѣшеніе.

Пароль (*въ сторону*). Не стану больше барабанить. Чортъ побери всѣ барабаны! Только изъ желанія показаться доблестнымъ и не возбудить подозрѣнія въ этомъ распутномъ мальчишкѣ — графѣ, я влѣзь въ такую опасность. Но кто бы могъ

302

предположить существованіе западни тамъ, гдѣ я попался?

1-й солдатъ. Нѣтъ, все напрасно — вы должны умереть. Генераль говоритъ, что человѣкъ, такъ измѣннически раскрывшій тайны своей арміи и давшій такіе ядовитые отзывы о людяхъ, пользующихся общимъ уваженіемъ, не можетъ принести міру никакой честной пользы, а поэтому и долженъ умереть. Ну, палачъ, руби ему голову!

Пароль. О, Господи! пощадите меня, или хоть позвольте мнѣ увидѣть мою смерть.

1-й солдатъ. Это можно. Проститесь со всѣми своими друзьями. (*Снимаетъ съ глазъ его повязку*). Взгляните вокругъ себя — не найдете ли своихъ знакомыхъ?

Бертрамъ. Здравствуйте, благородный капитанъ!

2-й дворянинъ. Да благословитъ васъ Богъ, капитанъ Пароль!

1-й дворянинъ. Да сохранитъ васъ Господь, благородный капитанъ!

2-й дворянинъ. Капитанъ, какое порученіе дадите вы мнѣ къ мессеру Лафэ? Я ѣду во Францію.

1-й дворянинъ. Добрый капитанъ, не дадите ли вы мнѣ списать вашъ сонетъ къ Діанѣ, по поводу графа Руссильона? Если бы я не былъ страшнымъ трусомъ, я бы отнялъ его у васъ силою. Однако, прощайте! (*Оба дворянина и Бертрамъ уходятъ*).

1-й солдатъ. Вы погибли, капитанъ, цѣликомъ; уцѣлѣлъ одинъ только узелъ на вашемъ шарфѣ.

Пароль. Кто можетъ устоять противъ заговора!

1-й солдатъ. Если бы вы могли найти страну, гдѣ женщины были бы обезчещены такъ, какъ вы теперь — вамъ можно было бы сдѣлаться родоначальникомъ безстыдной націи. Прощайте. Я тоже ѣду во Францію: мы тамъ поговоримъ о васъ. (*Уходитъ съ другими солдатами*).

Пароль.

И все-таки я благодаренъ. Если бъ
Я былъ гордецъ, все сердце у меня
Разбилось бы. Теперь ужъ капитаномъ
Не буду я; но стану ѣсть и пить,
И почивать такъ сладко и свободно,

Какъ капитанъ. Мое простое „я“
 Мнѣ дастъ, чѣмъ жить. Кто ясно понимаетъ,
 Что онъ хвастунъ — такого же конца
 Пусть ждетъ. Одна всегда развязка съ хвастунами:
 Въ концѣ концовъ они являются ослами.
 Ну, ржавѣй, мечъ! лицо, переставай краснѣть!
 А ты, Пароль, живи: чего на стыдъ смотрѣть!
 Ты одураченъ; что жъ, живи и самъ обманомъ:
 Есть въ мірѣ пища всѣмъ и людямъ, и карманамъ.
 Пойду ее искать! (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Флоренція. Домъ вдовы.

Входятъ Елена, вдова и Діана.

Елена.

Чтобъ вы могли яснѣе убѣдиться,
 Что васъ ни въ чемъ не обманула я,
 Одинъ изъ первыхъ въ царствахъ христіанскихъ
 Поручкою моею будетъ; я
 Должна склонить предъ нимъ колѣни прежде,
 Чѣмъ до конца осуществить свой планъ.
 Въ былые дни ему я оказала
 Важнѣйшую услугу, дорогую
 Какъ жизнь его — услугу, что и въ грудь
 Кремнистую татарина проникла бѣ
 И изъ нея признательный отвѣтъ
 Исторгнула-бѣ. Я достовѣрно знаю,
 Что государь въ Марсели. Мы туда,
 Въ сообществѣ приличныхъ провожатыхъ,
 Отправимся. Вамъ надо знать, что я
 Умершею считаюсь. Такъ какъ войско
 Распущено, то мужъ мой поспѣшитъ
 На родину; но, съ помощію Божьей
 И съ добраго согласья короля,
 Мы тамъ его опередить успѣемъ.

Вдова.

Почтенная графиня, ни одна
 Изъ вашихъ слугъ не принимала къ сердцу
 Всѣхъ вашихъ дѣлъ такъ горячо, какъ я.

Елена.

И ни одинъ вашъ другъ не такъ усердно,
 Какъ я, желалъ за благосклонность васъ
 Вознаградить. Не сомнѣвайтесь — Небо
 Меня въ вашъ домъ за тѣмъ лишь привело,
 Чтобъ ваша дочь обзавелась приданымъ;

А ей оно судило быть моей
 Помощницей, опорой въ возвращеньи
 Супруга мнѣ. Какъ странно созданы
 Мужчины! Имъ возможно наслаждаться
 И тѣмъ, къ чему въ нихъ ненависть, когда
 Ночную тьму грязнятъ они, безстыдно
 Повѣривши обманутымъ мечтамъ.
 Такъ тѣшится развратъ и ненавистнымъ,
 Принявъ его за то, что далеко.
 Но мы потомъ поговоримъ объ этомъ.
 Діана, вамъ придется для меня,
 И слѣдуя моимъ совѣтамъ слабымъ,
 Помучиться еще не много.

303

Діана.

Я

Вся ваша, все снести для васъ готова,
 Хотя бы то, что захотите вы
 Мнѣ приказать, влекло бы за собою
 Смерть честную.

Елена.

Да, я васъ попрошу...

Но принесетъ намъ время скоро лѣто,
 И не одни шипы покроютъ стволъ
 Шиповника; одѣнется онъ въ листья,
 И станетъ онъ не только что колючъ,
 Но и красивъ. Пора намъ отправляться;
 Карета ждетъ — и мѣшкать намъ нельзя.
Конецъ всему вѣнецъ: онъ все всегда вѣнчается;
 Какъ дѣло бы ни шло, конецъ вознаграждаетъ.
 (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Руссильонъ. Комната въ замкѣ графини.

Входятъ Графиня, Лафэ и шутъ.

Лафэ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вашего сына сбилъ съ толку тафтяной бездѣльникъ, мерзкій шафранъ котораго могъ бы окрасить въ свой цвѣтъ всю недопеченую, мягкую, какъ тѣсто, молодежь цѣлаго народа. Если бы не онъ, ваша невѣстка была бы жива, а вашъ сынъ жилъ бы во Франціи, и милость короля принесла бы ему больше пользы, чѣмъ сообщество этого шмеля съ краснымъ хвостомъ, о которомъ я говорю.

Графиня. О, если бы я никогда не знала его! Онъ убилъ добродѣтельнѣйшую дѣвушку, созданіе которой приносило самую большую

честь природѣ. Если бѣ она даже была моей плотью и стоила мнѣ нѣжнѣйшихъ стоновъ матери — я не могла бы питать къ ней болѣе глубокой любви, чѣмъ теперь.

Лафэ. Да, она была хорошая женщина, хорошая женщина. Тысячу кустиковъ салату сорвешь прежде, чѣмъ найдешь другую такую траву.

Шутъ. Да, это правда: она была то же, что сладкій майоранъ въ салатѣ, или, лучше сказать, травка благодати.

Лафэ. Дуракъ, это не салатныя травы, а травы для носа.

Шутъ. Я не великій Навуходоносоръ — я не большой знатокъ въ травахъ.

Лафэ. А чѣмъ ты себя считаешь: плутомъ или дуракомъ?

Шутъ. Дуракомъ, мессеръ, на службѣ у жены и плутомъ на службѣ у мужа.

Лафэ. Что означаетъ это различіе?

Шутъ. Я стибрилъ бы у мужа жену и исполнялъ бы его обязанности.

Лафэ. Да, въ этомъ случаѣ ты дѣйствительно былъ бы плутомъ на службѣ у мужа.

Шутъ. А женѣ отдалъ бы мою дурацкую палочку, чтобъ и она исполняла свою обязанность.

Лафэ. Я могу засвидѣтельствовать, что ты и плутъ, и дуракъ.

Шутъ. Къ вашимъ услугамъ.

Лафэ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Шутъ. Ну, если я не буду служить вамъ, то могу служить князю, который не ниже васъ.

Лафэ. Какому же это? французскому?

Шутъ. Сказать правду, у него имя англійское, но фізіономія его во Франціи горячѣе, чѣмъ въ Англіи.

Лафэ. Какой же это князь?

Шутъ. Черный князь, мессеръ; alias — князь тьмы, alias — дьяволъ.

Лафэ. Ну, довольно; вотъ тебѣ мой кошелекъ. Я даю тебѣ его не для того, чтобы переманить отъ господина, о которомъ ты только что говорилъ; нѣтъ, продолжай ему служить.

Шутъ. Я родомъ изъ лѣсистой стороны и всегда любилъ большой огонь; а у господина, о которомъ я говорю, постоянно хорошій огонь. Но такъ какъ несомнѣнно, что онъ князь міра, то пусть его дворянство остается при его дворѣ. Я предпочитаю домикъ съ узенькою дверью, которая, по моему мнѣнію, слишкомъ мала для того, чтобы знать могла пройти въ нее. Тѣ немногіе, которые предаются смиренію, войти могутъ, но большая часть, уже слишкомъ зябкая и нѣжная, конечно, выберетъ покрытую цвѣтами дорогу, которая ведетъ къ главнымъ воротамъ и къ главному огню.

Лафэ. Ступай себѣ: ты начинаешь надоѣдать мнѣ, и я впередъ говорю тебѣ объ этомъ, потому что не хотѣлъ бы ссориться съ тобою. Ступай своей дорогой и распорядись, чтобы о моихъ лошадяхъ хорошенько позаботились — только не наплети чего-нибудь по своему.

Шутъ. Если я и наплету имъ что-нибудь, то только плетью, которая принадлежитъ имъ по закону природы. (*Уходитъ*).

Лафэ. Хитрый и вредный плутъ!

Графиня. Это правда. Мой покойный мужъ очень потѣшался имъ, и только ради его онъ остается здѣсь, вслѣдствіе чего и

304

считаетъ себя вправѣ быть нахальнымъ. Онъ никогда нейдетъ прямой дорогой, а бѣгаетъ, гдѣ ему вздумается.

Лафэ. Онъ мнѣ нравится, потому что не глупъ. Я хотѣлъ вамъ сказать, что когда я услышалъ о смерти этой милой женщины и о скоромъ возвращеніи вашего сына, то просилъ моего государя быть у графа адвокатомъ моей дочери; его величество былъ такъ добръ, что самъ предложилъ мнѣ это еще въ то время, когда вашъ сынъ и моя дочь были дѣтьми. Государь обѣщалъ исполнить мою просьбу — и мнѣ кажется, что для уничтоженія неудовольствія, которое возбудилъ въ немъ вашъ сынъ, нѣтъ лучшаго средства. Какъ вамъ нравится этотъ планъ, графиня?

Графиня. Я его совершенно одобряю — и желала бы, чтобъ онъ благополучно осуществился.

Лафэ. Его величество ѣдетъ на почтовыхъ изъ Марсея и здоровъ, какъ въ то время, когда ему было тридцать лѣтъ. Завтра онъ будетъ здѣсь, если меня не обманулъ человѣкъ, который рѣдко говоритъ неправду въ такихъ случаяхъ.

Графиня. Меня очень радуетъ надежда увидѣть его прежде, чѣмъ я умру. Я получила письмо, что сынъ мой пріѣдетъ сюда сегодня ночью — и убѣдительнѣйше прошу васъ не уѣзжать отсюда до тѣхъ поръ, пока они не встрѣтятся.

Лафэ. Графиня, я въ эту минуту думалъ — какимъ бы способомъ мнѣ получить доступъ къ королю.

Графиня. Вамъ стоитъ только предъявить ваши почтенныя права.

Лафэ. Я уже не разъ дерзко пользовался ими, но, благодаря Бога, они еще не утратили своего значенія.

Входитъ шутъ.

Шутъ. Графиня, графиня, тамъ мой господинъ, а вашъ сынъ — съ кусочкомъ бархата на лицѣ: есть ли подъ нимъ шрамъ, или нѣтъ — знаетъ бархатъ, а бархатъ весьма недурень. Его лѣвая щека — первый сортъ; но правая — вся голая.

Лафэ. Почетно-пріобрѣтенный шрамъ — благородный шрамъ, прекрасная одежда чести. Вѣроятно, что и этотъ такого же рода.

Шутъ. Но, вѣдь его лицо изрублено какъ котлета.

Лафэ. Пойдемте, пожалуйста, на встрѣчу вашему сыну: мнѣ очень хочется поговорить съ молодымъ и благороднымъ воиномъ.

Шутъ. Да ихъ тамъ цѣлая дюжина, и всѣ въ отличныхъ шляпахъ съ чрезвычайно вѣжливыми перьями, которыя кланяются и киваютъ всякому человѣку. (*Уходятъ*).

305

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Марсель. Улица.

Входятъ Елена, вдова, Діана и двое слугъ.

Елена.

Конечно, вы совсѣмъ изнурены
 Ъздой и днемъ, и ночью; да иначе
 Намъ быть нельзя. Но такъ-какъ день и ночь
 Для васъ одно съ тѣхъ поръ, какъ ваши члены,
 Столь нѣжные, вы стали утомлять
 Въ моихъ дѣлахъ, то до того глубоко
 Въ признательность мою врослися вы,
 Что изъ нея ничто васъ не исторгнетъ
 Въ другіе дни счастливые.

Входитъ дворянинъ.

Елена.

Вотъ онъ,

Когда свое значеніе захочетъ
 Употребить, то доступъ къ королю
 Доставитъ мнѣ, быть можетъ. Богъ вамъ въ помощь,
 Мессеръ.

Дворянинъ.

И вамъ.

Елена.

Я при дворѣ французскомъ
 Встрѣчала васъ.

Дворянинъ.

Я тамъ не разъ бывалъ.

Елена.

Надѣюсь я, что вы не перестали
 Всеобщій слухъ о вашей добротѣ
 Оправдывать — и такъ какъ я нуждаю
 Страшнѣйшею принуждена теперь
 Всѣ свѣтскія условія откинуть,
 То прямо васъ прошу дать ходъ своимъ
 Достоинствамъ душевнымъ — и за это
 Признательна я буду вѣчно вамъ.

Дворянинъ.

Чего же вамъ угодно?

Елена.

Чтобы эту

Смирненную записку королю
 Вы отдали и помогли мнѣ вашимъ
 Вліяніемъ имѣть свиданье съ нимъ.

Дворянинъ.

Король не здѣсь.

Елена.

Не здѣсь?

Дворянинъ.

Да, нынче ночью

Уѣхалъ онъ отсюда и быстрѣй,

Чѣмъ ѣздитъ онъ обыкновенно.

Вдова.

Боже,

Пропали всѣ старанья наши!

Елена.

Нѣтъ;

Конецъ всему дѣлу вѣнецъ, какъ бы

Ни шла судьба всему наперекоръ

И какъ бы всѣ ни были слабы средства.

Пожалуйста, скажите мнѣ, куда

Поѣхалъ онъ?

Дворянинъ.

Да, сколько мнѣ извѣстно,

Онъ въ Руссильонъ отправился, куда

И я спѣшу.

Елена.

Вы, значить, государя

Скорѣй, чѣмъ я, увидите, мессеръ,

И потому мою записку въ руки

Монаршія молю васъ передать.

Надѣюсь я, что васъ никто за это

Не упрекнетъ; скорѣе будутъ вамъ

Признательны за трудъ. А я за вами

Пріѣду вслѣдъ со всею быстротой,

Возможною для насъ.

Дворянинъ.

Готовъ я этимъ

Васъ обязать.

Елена.

И сами вы потомъ

Увидите, что васъ за это будутъ

Благодарить, какъ слѣдуетъ. Теперь

На лошадей! Идемъ, идемъ скорѣе!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Руссильонъ. Мѣсто передъ замкомъ графини.

Входятъ шутъ и Пароль.

Пароль. Добрѣйшій monsieur Лавашъ, передайте это письмо господину Лафэ. Прежде, когда я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ свѣжимъ туалетомъ, вы не брезгали моимъ знакомствомъ; но теперь я выпачкался во рву фортуны и сильненько пахну ея сильною немилостью.

Шутъ. Значить, немилость фортуны очень нечистоплотна, если воняетъ такъ сильно, какъ ты говоришь. Съ этихъ поръ я не стану ѣсть рыбы, подмасленной фортуной. Пожалуйста, стань на ту сторону, откуда нѣтъ вѣтра.

Пароль. Вамъ незачѣмъ зажимать носъ: я говорю только метафорически.

Шутъ. Если ваша метафора воняетъ, я зажму носъ; то же сдѣлаю я и передъ метафорой всякаго другого. Сдѣлай милость, отойди подальше.

Пароль. Прошу васъ — передайте эту бумагу.

Шутъ. Пожалуйста, отойди! Развѣ возможно бумагу изъ отхожаго мѣста фортуны вручить дворянину! Да вотъ онъ самъ.

Входитъ Лафэ.

Шутъ. Вотъ мессеръ, котъ фортуны или кошка фортуны — только не мускусная кошка. Онъ упалъ въ грязную канаву немилостей фортуны и, какъ онъ самъ говоритъ, выпачкался въ ней. Прошу васъ, мессеръ, распорядиться съ этимъ животнымъ, какъ вамъ угодно, потому что онъ похожъ на бѣднаго, разорившагося, хитраго, сумасшедшаго и плутоватаго негодяя. Я сочувствую его несчастіямъ. Будучи самъ обласканъ судьбою, я и предоставляю его на ваше благоусмотрѣніе. (*Уходитъ*).

Пароль. Высокопочтенный мессеръ, я человѣкъ, котораго фортуна жестоко исцарапала.

Лафэ. Чѣмъ же я могу помочь этому? Теперь уже поздно обрѣзывать ей ногти. Чѣмъ же это вы напакостили фортунѣ, что она такъ исцарапала васъ? Вѣдь, сама по себѣ, она добрая женщина, которая не позволяетъ, чтобы плуты долго благоденствовали при ней. Вотъ вамъ четверть червонца. Пусть судьи мирять васъ съ фортуной — у меня есть другія дѣла.

Пароль. Умоляю васъ позволить мнѣ сказать вамъ хоть одно слово.

Лафэ. Вы желаете получить еще одинъ пенсъ? Хорошо, я вамъ дамъ его: спрячьте только свое слово.

Пароль. Мое имя, добрѣйшій мессеръ, — Пароль.

Лафэ. Такъ вы хотите сказать больше, чѣмъ одно слово? Чортъ побери мой гнѣвъ! Дайте мнѣ вашу руку. Какъ поживаетъ вашъ барабанъ?

307

Пароль. Ахъ мой добрый мессеръ, вы первый разоблачили меня.

Лафэ. Будто я? И я первый потерялъ тебя.

Пароль. Отъ васъ зависитъ ввести меня хоть въ небольшую милость, потому что вы же выгнали меня изъ нея.

Лафэ. Убирайся прочь, негодяй! Тебѣ хочется возложить на меня въ одно и то же время обязанность Бога и дьявола, чтобы одинъ тебя вводилъ въ милость, а другой выталкивалъ изъ нея? (*Трубы*). Это король — я узнаю его по этимъ

трубамъ. Навѣдайся ко мнѣ послѣ. Я вчера вечеромъ говорилъ о тебѣ. Хотя ты дуракъ и плутъ, но не будешь голодать. Иди за мной!

Пароль. Благословляю Бога за васъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Руссильонъ. Комната въ замкѣ графини.

Входятъ король, графиня, Лафэ, два французскихъ дворянина и свита.

Король.

Сокровище мы потеряли въ ней,
И сдѣлалась бѣднѣе наша слава
Отъ этого. Но вашъ безумный сынъ
На столько былъ безъ смысла, что не понялъ
Ея цѣны.

Графиня.

Все это, государь,
Уже прошло, и я васъ умоляю
Считать его поступокъ возмущеньемъ
Естественнымъ, содѣяннымъ въ пылу
Тѣхъ юныхъ лѣтъ, когда съ огнемъ и масломъ,
Не можетъ нашъ разсудокъ совладѣть
И удержать горѣнье ихъ.

Король.

Графиня

Почтенная, я все ему простилъ
И все забылъ, хотя мой гнѣвъ былъ сильно
Вооружень и времени лишь ждалъ
Чтобъ поразить.

Лафэ.

Прошу я извиненья,
Но высказать обязанъ вотъ что: графъ
Жестокою обиду государю,
Женѣ своей и матери нанесъ,
Но никому не повредилъ такъ сильно,
Какъ самому себѣ. Лишился онъ
Своей жены, что красотой дивила
И самые богатые глаза,
Что голосомъ поработчала чудно
Слухъ каждаго, что свойствами души
Высокими сердца людей надменныхъ
Смирненно заставляла звать ее
Владычицей и быть ея слугами.

Король.

Хвала тому, чего ужъ нѣтъ — даетъ
Высокую цѣну воспоминанью.

Пускай войдетъ: мы примирились съ нимъ,
 И первый взглядъ убьетъ во мнѣ навѣки
 Прошедшее. Прощенія просить
 Не долженъ онъ: исчезнула причина
 Его грѣха великаго, и мы
 Послѣдніе остатки гнѣва глубже,
 Чѣмъ самое забвеніе, схоронимъ.
 Пусть онъ придетъ, какъ незнакомецъ, къ намъ,
 Но не какъ врагъ-обидчикъ. Объясните
 Ему, что мы желаемъ такъ.

Дворянинъ.

Сейчасъ,

Мой государь.

(Уходитъ).

Король.

Ну, что же, вы имѣли

Съ нимъ разговоръ о дочери? Что онъ

Сказалъ о ней?

Лафэ.

Монаршей вашей волѣ

Всецѣло онъ отдался.

Король.

Если такъ,

Отпразднуемъ мы свадьбу. Мною письма

Получены, въ которыхъ высоко

Прославленъ онъ.

Входитъ Бертрамъ.

Лафэ.

О, съ радостью великой

Ждетъ свадьбы онъ.

Король.

Я не осенній день:

Въ одно и то же время можешь видѣть

Ты на моемъ лицѣ и солнца свѣтъ,

И мракъ. Теперь разсѣянные тучи

Даютъ просторъ блистательнымъ лучамъ —

И потому приблизься: вновь погода

Прекрасная.

Бертрамъ.

Поступокъ тяжкій мой,

Искупленный раскаяньемъ глубокимъ,

Простите мнѣ великій государь.

Король.

Забыто все. Ни слова о прошедшемъ.
 Должны схватить мы настоящій мигъ
 За волоса, затѣмъ что мы ужъ стары,
 И времени неслышная стопа
 Быстрѣйшія рѣшенія наши, прежде
 Чѣмъ можемъ мы исполнить ихъ, сметаеть.
 Ты помнишь ли дочь этого вельможи?

Бертрамъ.

Да, государь, — и ею восхищенъ
 До этихъ поръ. На ней я выборъ сердца
 Остановилъ, когда еще оно
 Языкъ избрать герольдомъ не дерзало;
 И врѣзалась глубоко такъ она
 Въ мои глаза, что свой лорнетъ надменный
 Презрѣніе ссудило мнѣ — и въ немъ
 Черты другихъ красавицъ представлялись
 Ужасными, и блескъ румянца ихъ
 Иль меркъ совсѣмъ, или чужимъ казался,
 И формы всѣ, то уже становясь,
 То вдругъ опять расширясь, превращались
 Въ противнѣйшихъ уродовъ. Оттого
 И женщина, которую высоко
 Цѣнили всѣ, которую и я
 Любилъ, когда утратилъ — представлялась
 Въ моихъ глазахъ соринкой, бывшей имъ
 Помѣхою.

Король.

Ты славно извинился.

Сознаніе, что ты любилъ ее,
 Твой длинный счетъ немного сокращаетъ.
 Но та любовь, что слишкомъ поздно въ насъ
 Рождается, похожа на прощанье,
 Не во-время пришедшее, когда
 Все кончено; язвительнымъ упрекомъ
 Оно судьѣ становится, крича:
 „Прекрасное погибло!“ Въ заблужденіи
 Порывистомъ ничтожную цѣну
 Даемъ мы лучшему, чѣмъ только обладаемъ,
 И, только гробъ его увидя, начинаемъ
 Цѣнить, какъ слѣдуетъ. Губя друзей своихъ
 Несправедливостью, потомъ на трупы ихъ
 Мы слезы льемъ. Любовь проснется и рыдаетъ,
 Межъ тѣмъ какъ ненависть постыдно засыпаетъ.
 Пусть прозвучатъ, какъ погребальный звонъ,
 Мои слова Еленѣ нашей милой —
 И съ этихъ поръ забудь ее. Пошли

Залогъ любви прекрасной Магдалинѣ.
 Препятствій главныхъ нѣтъ. Уѣду я домой
 Вторичный бракъ вдовца отпраздновать съ тобой.

Графиня.

О, Боже, этотъ бракъ благослови сильнѣе,
 Чѣмъ первый! Если жъ нѣтъ — зову я смерть скорѣе!

Лафэ.

Ну, сынъ мой, ты, съ чѣмъ именемъ теперь
 И имя моего сольется рода,
 Дай мнѣ залогъ любви, чтобъ блескъ его
 Въ духъ дочери моей проникъ и ѣхать
 Сюда ее скорѣе побудиль.

(Бертрамъ даетъ кольцо).

Клянусь моей сѣдою бородою
 И волоскомъ малѣйшимъ изъ нея,
 Умершую Елену украшали
 Всѣ качества прекрасныя. У ней
 На пальцѣ я такой же перстень видѣлъ
 Въ послѣднее свиданье при дворѣ.

Бертрамъ.

Нѣтъ, не было его у ней.

Король.

Позвольте

Мнѣ посмотрѣть. Онъ нѣсколько ужъ разъ
 Приковывалъ глаза мои въ то время,
 Какъ говорилъ я съ вами. Прежде онъ
 Былъ мой. Его я подарилъ Еленѣ,
 Сказавши ей, что если какъ-нибудь
 Нужда ее заставить обратиться
 За помощью — пусть этотъ перстень мнѣ
 Пришлетъ, и я ей помогу тотчасъ же.
 Такъ неужель обманомъ ты ее
 Лишилъ того, что ей такую пользу
 Могло принести?

Бертрамъ.

Мой добрый государь,
 Вы думать такъ вольны, но этотъ перстень
 Ей никогда принадлежать не могъ.

Графиня.

Сынъ, жизнь моя порукой, что носила
 Она его — я видѣла сама —
 И, по ея словамъ, дороже жизни
 Онъ былъ для ней.

Лафэ.

Я твердо убѣжденъ,

Что на ея рукѣ его я видѣлъ.

Бертрамъ.

Ошиблись вы — и видѣть не могла
Она его. Мнѣ брошень этотъ перстень
Въ Флоренціи изъ одного окна,
Завернутымъ въ бумажку, на которой
И имя той, что бросила его,

309

Я прочиталъ. Фамильи благородной
Она была. Вообразилось ей,
Что, давши мнѣ кольцо, она связала
Меня съ собой. Когда же извѣстилъ
Я женщину, плѣнившуюся мною,
Что не могу я честно отвѣчать
На вызовы ея — съ глубокой грустью
Она со мной разсталась, но кольца
Обратно взять не захотѣла.

Король.

Самъ Плутусъ — онъ, открывшій вещество,
Что въ золото всѣ вещи превращаетъ —
Съ секретами природы не знакомъ
Такъ хорошо, какъ этотъ самый перстень
Извѣстенъ мнѣ. Кто бъ вамъ ни далъ его,
Но былъ онъ мой и перешелъ къ Еленѣ.
Поэтому — когда еще себя
Вы помните, какъ слѣдуетъ — сознайтесь,
Что правы мы: скажите намъ, какимъ
Насиліемъ грубѣйшимъ вы успѣли
Взять у нея кольцо? Она святыхъ
Въ свидѣтели призвала, что не сниметъ
Его съ руки, пока ей не удастся
Тебѣ его на брачномъ ложѣ дать —
А ложа ты не раздѣлялъ, вѣдь, съ нею —
Или пока великая бѣда
Не вынудить ее къ намъ этотъ перстень
Послать.

Бертрамъ.

Она не видѣла его

Ни разу.

Король.

Лжешь — и это вѣрно такъ же,
Какъ то, что честь свою люблю я. Ты
Въ моей душѣ рождаешь подозрѣнья,
Которыя хотѣлось бы убить;
Но если ты былъ такъ безчеловѣченъ...

Нѣтъ, это быть не можетъ. А межъ тѣмъ —
 Я знаю — ты смертельно ненавиждѣлъ
 Покойницу — и умерла она:
 А смерть ея ничто не доказало бѣ
 Такъ сильно мнѣ, какъ это вотъ кольцо,
 Ужъ развѣ я ей самъ глаза закрылъ бы.
 Эй! взять его!

(Стража схватываетъ Бертрама).

Что бѣ ни было потомъ,

Но все, въ чемъ я до этихъ поръ успѣлъ
 Увѣриться, съ меня упрекъ снимаетъ
 Въ напрасномъ подозрѣннѣ, потому
 Что, кажется, сперва я слишкомъ мало
 Подозрѣвалъ. *(Стражѣ).* Ведите прочь его!
 Обслѣдуемъ мы послѣ это дѣло.

Бертрамъ.

Пусть доказать удастся, что она
 Когда-нибудь владѣла этимъ перстнемъ —
 Докажете вы, значить, также то,
 Что ложе съ ней дѣлилъ я во Флоренціи,
 Гдѣ не была она ни разу.

(Бертрама уводятъ).

Король.

Я

Охваченъ весь мучительнымъ сомнѣннѣмъ.

Входитъ дворянинъ.

Дворянинъ.

Не знаю самъ, великій государь,
 Я, хорошо иль дурно сдѣлалъ: это
 Прошеніе одною флорентинкой
 Мнѣ вручено; на станцій пять иль шесть
 Отставъ отъ васъ, не успѣвала лично
 Она его представить. Взялся я
 Ей услужить; меня къ тому склонили
 И грація, и милыя слова
 Просительницы бѣдной. Въ эту пору
 Она ужъ здѣсь, какъ мнѣ извѣстно. Я
 Въ ея глазахъ увидѣлъ важность дѣла,
 Которое — какъ въ нѣсколькихъ словахъ
 Она мнѣ объяснила задушевно —
 Касается и васъ, мой государь.

Король *(читаетъ)*. „Съ помощью многихъ обѣщаній жениться на мнѣ
 послѣ смерти своей жены, онъ — я краснѣю сознаться въ этомъ — завладѣлъ
 мною. Теперь графъ Руссильонъ — вдовецъ, онъ клятвенно отдался мнѣ, и за это
 я заплатила своею честью. Онъ тайно уѣхалъ изъ Флоренціи, не простившись, и я
 послѣдовала за нимъ на его родину, чтобы искать правосудія. Окажите мнѣ его, о

государь, такъ какъ оно совершенно въ вашей власти; иначе обольститель восторжествуетъ, а бѣдная дѣвушка погибнетъ. Діана Капилетъ”.

Лафэ. Я куплю себѣ зятя на ярмаркѣ и заплачу за него пошлину — а этого совсѣмъ не хочу.

Король.

Господь хранить тебя, Лафэ, открывъ
Передъ тобою это дѣло. Гдѣ же
Несчастная? Скорѣй найти ее
И графа воротить сюда! Графиня,
Сдается мнѣ, что у Елены жизнь
Похищена насильемъ гнуснымъ.

Графиня.

Пусть же
Преступниковъ караетъ правый судъ!

310

Входитъ Бертрамъ подъ стражею.

Король.

Дивлюсь я, графъ: вы женщинъ за чудовищъ
Считаете, вы бѣгаете ихъ,
Поклявшись имъ жениться, а жениться
Желаете.

Входятъ вдова и Діана.

Король.

Кто это?

Діана.

Государь,

Я флорентинка бѣдная, изъ рода
Старинныхъ Капилетовъ. Вамъ уже —
Я слышала — моя извѣстна просьба,
И потому вы можете понять,
На сколько я достойна состраданья.

Вдова.

Я, государь великій, мать ея,
Которой честь и возрастъ тѣмъ, на что мы
Къ вамъ съ жалобой пришли, поражены
И пропадутъ безъ вашего лѣкарства.

Король.

Приблизьтесь, графъ. Знакомы вамъ онѣ?

Бертрамъ.

Я не могу, монархъ, и не хочу
Скрывать, что ихъ я знаю. Въ чемъ меня
Онѣ винятъ?

Діана.

Графъ, отчего такъ странно

Вы на жену глядите?

Бертрамъ.

Государь,

Она совсѣмъ чужая мнѣ.

Діана.

Женившись,

Вы отдадите руку, а она —

Моя рука; вы отдадите клятвы

Священныя, а клятвы тѣ — мои,

И самое меня вы отдадите,

А я — моя. Вы клятвами меня

Связали такъ съ собой, что та, кто выйдетъ

За васъ, должна и за меня пойти,

Или за насъ обоихъ вмѣстѣ, или

Ни за кого изъ насъ.

Лафэ. Ваша репутація становится слишкомъ невзрачною для моей дочери.

Вы мужъ не для нея.

Бертрамъ.

Мой государь, повѣрьте мнѣ, она —

Лишь жалкое, безумное созданье,

Съ которымъ мнѣ случалось иногда

Дурачиться. На честь мою смотрите,

Мой государь, вы съ лучшей стороны,

Не думая, что могъ ее такъ низко

Я уронить.

Король.

Графъ, мнѣніе мое

Не будетъ къ вамъ пріязненно, покамѣстъ

Вы дѣйствіемъ не привлечете вновь

Его къ себѣ. На дѣлѣ докажете,

Что ваша честь свѣтлѣе, чѣмъ о ней

Я думаю.

Діана.

Мой добрый повелитель,

Пусть клятвенно онъ подтвердитъ при васъ

Увѣренность, что дѣвственность не отнялъ

Онъ у меня.

Король.

Что ты отвѣтишь ей?

Бертрамъ.

Монархъ, она безстыдное созданье,

И въ лагерѣ всѣ пользовались ею.

Діана.

Онъ на меня клевететь, государь:

Будь это такъ — цѣной обыкновенной

Купить меня онъ могъ бы. Нѣтъ, ему

Не вѣрьте. О, взгляните: этотъ перстень
По цѣнности и блеску не найдетъ
Подобнаго, а между тѣмъ онъ графомъ
Данъ лагерной развратницѣ, когда
Я такова.

Графиня.

Онъ покраснѣлъ, и это —
Его кольцо. Шесть цѣлыхъ поколѣній
Завѣщаннымъ сокровищемъ оно
Изъ рода въ родъ идетъ, и каждый свято
Его хранилъ. Она — его жена;
Миліоны доказательствъ въ этомъ перстнѣ

Король.

Вы, кажется, сказали мнѣ, что здѣсь
Есть человѣкъ, который можетъ это
Все подтвердить?

Діана.

Такъ точно, государь;

Но стыдно мнѣ свидѣтеля такого
Представить вамъ: его зовутъ Пароль.

Лафэ.

Я съ этимъ человѣкомъ, если только
Онъ человѣкъ, здѣсь видѣлся сегодня

311

Король.

Найти его и привести сюда.

(Одинъ изъ свиты уходитъ).

Бертрамъ.

Къ чему онъ вамъ? Извѣстенъ онъ за плута
Безчестнаго, запачканнаго всѣмъ,
Что въ мірѣ есть гнуснѣйшаго; натура
Ужъ такова его, что слово правды
Противно ей. Ужели вы меня
Сочтете тѣмъ или инымъ по слову
Того, кто все отвѣтитъ, что хотятъ?

Король.

Твое кольцо у ней.

Бертрамъ.

Я соглашаюсь,
Что это такъ. Не скрою, что она
Когда-то мнѣ понравилась и началъ
Я съ вѣтренностью юноши за ней
Ухаживать. Она себя умѣла
Держать въ дали и, подхвативъ меня

На удочку, своимъ сопротивленьемъ
 Усиливала страсть мою: всегда
 Препятствія въ любовныхъ увлеченьяхъ
 Ихъ только разжигаютъ. Наконецъ,
 Уловками хитрѣйшими добилась
 Она цѣны, которую себѣ
 Назначила: я отдалъ этотъ перстень
 И получилъ то, что простой солдатъ
 Могъ пріобрѣсть за рыночную цѣну.

Діана.

Приходится терпѣть мнѣ. Вы ужъ разъ
 Отвергнули прекрасную супругу,
 Такъ можете, конечно, и меня
 Лишить всѣхъ правъ. Я васъ прошу, однако —
 Вы отреклись отъ благородства: мнѣ
 Не нуженъ мужъ — я васъ прошу, возьмите
 Свое кольцо и дайте мнѣ мое.

Бертрамъ.

Нѣтъ у меня его.

Король.

Какое было

У васъ кольцо?

Діана.

Точь въ точь, мой государь,
 Какъ то, что я у васъ на пальцѣ вижу.

Король.

Знакомо вамъ оно? Недавно графъ
 Его имѣлъ.

Діана.

И на постели графу

Его дала я.

Король.

Значить, онъ солгалъ,
 Что изъ окна былъ брошенъ этотъ перстень?

Діана.

Я правду вамъ сказала.

Бертрамъ.

Государь,

Я сознаюсь, что это прежде было
 Ея кольцо.

Входитъ Пароль.

Король.

Какъ странно вы въ словахъ
 Сбиваетесь! Малѣйшая пушинка
 Пугаетъ васъ. (*Діанѣ*). Объ этомъ человѣкѣ
 Вы говорили мнѣ?

Діана.

Да, государь.

Король (*Паролю*).

Скажи-ка мнѣ; но только долженъ правду

Ты всю сказать. Пусть не страшитъ тебя

Гнѣвъ графа: я тебѣ защитой буду,

Коль не солжешь. Скажи, что знаешь ты

О женщинѣ, стоящей здѣсь, и графѣ?

Пароль. Смѣю доложить вашему величеству, что мой господинъ былъ всегда почтеннымъ дворяниномъ и иногда дѣлалъ только шалости, которыя позволяютъ себѣ всѣ дворяне.

Король. Дальше, дальше — къ дѣлу! Любилъ ли онъ эту женщину?

Пароль. Да, государь, любилъ; но какъ?

Король. Какъ же?

Пароль. Онъ любилъ ее, государь, какъ дворянинъ любитъ женщину.

Король. Это что же значитъ?

Пароль. Онъ любилъ ее, государь — и не любилъ.

Король. Точно такъ же, какъ ты плутъ и не плутъ? Что это за двусмысленный шутъ?

Пароль. Я бѣдный человѣкъ, государь, послушный приказаніямъ вашего величества.

Лафэ. Государь, онъ хорошій барабанщикъ, но скверный ораторъ.

Діана. Вамъ извѣстно, что графъ обѣщалъ на мнѣ жениться?

Пароль. Мнѣ извѣстно больше, чѣмъ я хочу сказать.

Король. Развѣ ты не скажешь всего, что знаешь?

Пароль. Все скажу, если это угодно вашему величеству. Я уже доложилъ вамъ, что свелъ ихъ между собою; но независимо

312

отъ этого, онъ любилъ ее, потому что дѣйствительно сходилъ по ней съ ума, говорилъ о сатанѣ и духахъ, о фуріяхъ и Богъ вѣсть о чемъ. Въ то время я пользовался у него такимъ довѣріемъ, что зналъ, когда они отправлялись спать и разныя другія подробности, какъ напримѣръ: обѣщаніе его жениться на ней и еще кое-что, за разсказъ о чемъ мнѣ пришлось бы плохо. Вотъ почему я не скажу всего, что знаю.

Король. Ты уже сказалъ все, если только не можешь еще объявить, что они обвѣнчаны. Но ты слишкомъ хитеръ въ твоихъ показаніяхъ: поэтому, можешь отойти. (*Діанѣ*). Итакъ, кольцо, вы говорите, ваше?

Діана.

Да, государь мой добрый.

Король.

Гдѣ его

Купили вы, иль кѣмъ оно вамъ было

Подарено?

Діана.

Никто мнѣ не дарилъ,
Нигдѣ его я не купила.

Король.

Кто же
Вамъ далъ его на время?

Діана.

Не давалъ
Никто его на время.

Король.

Ну, такъ гдѣ вы
Нашли его?

Діана.

Я не нашла его.

Король.

Но если ни однимъ изъ средствъ всѣхъ этихъ
Его вы не добыли — какъ могли
Его отдать вы графу?

Діана.

Не давала

Его я графу никогда.

Лафэ. Эта женщина, государь, то же, что свободная перчатка: ее можно
надѣвать и снимать, когда хочешь.

Король.

Принадлежалъ мнѣ этотъ перстень; первой
Его женѣ я далъ его.

Діана.

Онъ могъ

И ей, и вамъ принадлежать — не спорю.

Король.

Возьмите прочь ее; она ужъ мнѣ
Не нравится. Въ тюрьму ее сведите,
Да и его туда же. Если ты
Не скажешь мнѣ, гдѣ взять тобою перстень —
Ты черезъ часъ умрешь.

Діана.

Я никогда

Вамъ не скажу.

Король.

Въ тюрьму ее!

Діана.

Представлю

Я за себя поруку, государь.

Король.

Теперь и я тебя считаю просто
Публичною развратницей.

Діана.

Клянусь

Юпитеромъ, коль знала я мужчину
До сей поры — такъ это только васъ.

Король.

Но почему жъ все это время графа
Винила ты?

Діана.

Да потому, что онъ
И виноватъ, и не виновенъ. Знаетъ
Онъ хорошо и клятвой подтвердить,
Что я уже не дѣвственница; я же
Вамъ поклянусь, что дѣвственница я,
И этого не знаетъ онъ. Великій
Мой государь, я не развратна — нѣтъ,
Клянусь вамъ жизнью, я иль дѣвственница, или
Съ нимъ (*указывая на Лафэ*) узы брачныя меня соединили.

Король.

Нашъ слухъ она во зло употребляетъ;
Въ тюрьму ее!

Діана.

Теперь я попрошу

Васъ, матушка, ввести мою поруку.

(*Вдова уходитъ*).

Минуточку терпѣнья, государь.
Послала я ее за ювелиромъ,

314

Хозяиномъ кольца; онъ за меня
Поручится. Отъ этого жъ вельможи,
Что обольстилъ меня, какъ въ этомъ онъ
Самъ убѣжденъ, хотя на самомъ дѣлѣ
Онъ мнѣ ни въ чемъ вреда не наносилъ,
Я отрекаюсь. Онъ самъ знаетъ, что на ложе
Ко мнѣ онъ восходилъ, и въ это время тоже
Отъ графа понесла дитя его жена.
Теперь хотъ мертвая, но чувствуетъ она
Движеніе плода. Такъ вотъ моя загадка;
Умершее живетъ — а вотъ вамъ и разгадка.

Входятъ Елена и вдова.

Король.

Не чародѣй ли напустилъ обманъ
Въ мои глаза? Ужели въ самомъ дѣлѣ
Я вижу то, что есть?

Елена.

Нѣтъ, государь,
Вы видите лишь тѣнь жены, лишь имя,
А не предметъ.

Бертрамъ.
И имя, и предметъ!
Прости, прости!

Елена.
О, господинъ мой добрый!
Въ тотъ часъ, когда похожа я была
На эту дѣвушку — такъ чудно нѣжнымъ
Я васъ нашла! Вотъ перстень вашъ, а вотъ
И то письмо, въ которомъ вы писали:
„Когда кольцо съ руки моей добыть
Удастся вамъ; когда дитя зачнете
Вы отъ меня... и прочее...” Я все
Исполнила — и вы два раза взяты мною:
Угодно ль вамъ теперь назвать меня женою?

Бертрамъ.
Коль можетъ это все она мнѣ разъяснить,
Клянусь ее, король, всегда, всегда любить!

Елена.
Коль я не разъясню и лгуньей окажуся —
Пушай убійственнымъ разводомъ васъ лишуся!
О, дорогая матушка, въ живыхъ
Я вижу васъ!

Лафэ.
Глаза мои ужъ чуютъ
Чеснокъ: сейчасъ заплачу.

(Паролу). Добрый Томъ,
Дай мнѣ платокъ, пожалуйста. Спасибо!
Ступай ко мнѣ и подожди меня —
Потѣхнусь я тобою. Да поклоны
Свои оставь: на что мнѣ эта дрянь?

Король.
Во всей подробности мы это приключенье
Хотимъ узнать теперь, чтобъ въ правдѣ убѣждение
Въ восторгъ насъ привело.

(Дианнъ). Коль вижу я въ тебѣ
Цвѣтокъ не сорванный и свѣжій, то себѣ
Супруга избери, а я не пожалѣю
Приданого, затѣмъ, что помощью своею,
Какъ догадался я, столь честной и прямой,
Оставшись дѣвушкой, ты сдѣлала женой
Другую женщину. Пусть о твоей услугѣ
И, вообще о всемъ, что было — на досугъ,
Разскажутъ намъ. Пока все хорошо идетъ,

И если насъ конецъ такой же славный ждётъ,
То всѣ прошедшія печали и страданья
Усилятъ лишь всю сладость окончанья!

ЭПИЛОГЪ.

Король (*къ публикѣ*).

Пьеса кончена — и государь тотчасъ
Выходитъ нищимъ къ вамъ. Все хорошо для насъ
Окончится, когда добьемся мы отвѣта,
Что вы довольны; мы оплатимъ вамъ за это
Стараньемъ съ каждымъ днемъ все угождать сильнѣй.
Такъ не лишайте же насъ доброты своей,
И, пьесу выслушавъ, любезно одолжите
Намъ руки, а у насъ за то сердца возьмите.

П. Вейнбергъ.

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ.
Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

КОНЕЦЪ ВСЕМУ ДѢЛУ ВѢНЕЦЪ.

(All's well that ends well).

Стр. 255. *Онъ теперь опекунъ мой* — англійскіе короли (до Карла II) были опекунами всѣхъ богатыхъ сиротъ. Англійскій обычай Шекспиръ переноситъ и во Францію, хотя онъ существовалъ только въ Нормандіи. Эта подробность есть и въ пьесѣ, служившей Шекспиру первообразомъ.

Стр. 257. *И вась, монархъ*.

Можетъ быть, намекъ на чудака, итальянца Монархо, придворного, о которомъ говорится въ «Бесплодныхъ Усил. Любви» (IV, 1). Монархо жилъ въ Лондонѣ около 1580 г. и воображалъ себя властелиномъ всего міра.

Стр. 261. *Молодой пуританинъ Чарбонъ и старый папистъ Пойзамъ*.

Имена эти выдуманы, но въ «Чарбонъ» (Charbon — уголь) есть намекъ на религіозный пылъ пуританъ, а въ Пойзамъ (Poysam или Poison — ядъ) — инсинуація на преступность католическаго духовенства.

566

Стр. 261.

Ш у т ъ . *Я пророкъ, графиня...*

Намекъ на весьма распространенный предрасудокъ, существовавшій во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, по которому юродивые и безумные обладаютъ даромъ прорицанія.

Стр. 262. *Хотя честность не пуританка, но она согласится надѣтъ стихарь смиренія на черную рясу своею гордаго сердца*.

Намекъ на протестъ пуританъ противъ бѣлаго стихаря, употребляемаго англиканской церковью при богослуженіи; они предпочитали для пасторовъ черный скюртукъ кальвинистовъ.

Стр. 262. *Барышнѣ*, — т.-е. Еленѣ.

Имя Елены напоминаетъ шуту балладу о греческой Еленѣ и о разрушеніи Трои, и онъ поетъ нѣсколько строфъ изъ этой баллады, коверкая и измѣняя стихи, чтобы перевести на Елену то, что говорится о Парисѣ. По предположенію Малона эта, недошедшая до насъ баллада — та, которая

занесена въ книжные реэстры 1585 г. подъ заглавіемъ: «The Lamentation of Hecuba and the Ladyes of Troy».

Стр 262. Тамъ же.

Г Р А Ф И Н Я. *Какъ, одна на десять?*

Ты перевираешь пѣсню.

Имя Елены приводитъ шуту на память старинную балладу о разореніи Трои, въ которой, между прочимъ, говорится, что у Пріама было десять взрослыхъ сыновей и изъ нихъ только одинъ Парисъ некрасивъ собою.

Стр. 268. *Пропляшите вы канарію намъ* — канарія (canary) — очень быстрый и живой танецъ.

Стр. 268.

Какъ дядюшка Крессиды, я вдвоемъ

Рѣшаюсь васъ оставить.

Лафэ, сводящій короля съ Еленой, сравниваетъ себя въ шутку съ Пандаромъ, который сблизилъ Троила съ Крессидой (см. въ III т. «Троила и Крессиду») и слылъ образцомъ сводничества.

Стр. 271. *Какъ французская крона къ дѣвкѣ въ шелковомъ платьѣ.* Въ ориг.: as your French crown for your taffeta punk. Непереводаемая игра словъ: french crown — французская монета, а также — французская болѣзнь. Шелковая матерія (taffeta) — обычный костюмъ женщинъ легкаго поведенія во времена Шекспира.

Стр. 271.

Вы и подъ розгами кричите: «о, Господи,

сэръ -

Насмѣшка надъ обычнымъ въ то время возгласомъ пуританъ: «O Lord, Sir».

Стр. 271. *Какъ тростниковое кольцо Тибби* — *указательному пальцу Тома* (as Tib's rush for Tom's forefinger) — кольца изъ тростника часто употреблялись въ сельскомъ быту при заключеніи легкомысленныхъ сожительствахъ.

Стр. 271. *Какъ мавританская пляска* — *первому маю.*

Мавританская пляска (morris-dance) — процессія изъ героевъ старо-англійскихъ балладъ и легендъ, проходящая по улицамъ Лондона въ день 1-го мая; старинный обычай.

Стр. 272. «*Проявленіе небесной силы въ земномъ существѣ*» («A showing of a heavenly effect in an earthly actor») — пародія на заглавіе дѣйствительно существовавшей брошюры.

Стр. 272. *Lustick! какъ говорятъ голландцы* —

Намекъ на старую пьесу, «The Weakest goes to the wall», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Яковъ ванъ Смелтъ говорить на смѣшанномъ англо-голландскомъ нарѣчій, и часто говоритъ «lustick» вмѣсто англ. Lusty — весело.

Стр. 280. *Какъ тотъ, который вскакиваетъ*

въ пирогъ —

Во время городскихъ праздничныхъ обѣдовъ подавался пастетъ, столь гигантскій, что въ него для увеселенія гостей, вскакивалъ домашній шутъ лордъ-мэра.

Стр. 286.

У П Р А В И Т Е Л Ъ (читаетъ)... *сдѣлавшись его*

Юноной пагубной...

Юнона преслѣдовала Геркулеса, ревнуя Зевса къ матери Геркулеса, Алкменѣ, супругѣ Фивскаго царя Амфитріона. Алкмена имѣла любовную связь съ Юпитеромъ, и плодомъ этой связи былъ Геркулесъ.

Стр. 290.

П А Р О Л Ъ ... *Я возвратилъ бы или этотъ барабанъ или другой, или hic jacet* — латинскія слова надгробныхъ надписей, означающія: здѣсь лежитъ (или покоится) и т. д. Пароль этимъ хочетъ сказать, что онъ или добудетъ барабанъ или умереть.

Стр. 290. *Вы не угостите его какъ Джона*

Друма —

Джонъ Друмъ — арлекинъ изъ одного англійскаго фарса; ему всегда достаются колотушки. Въ имени Друма (Drum — барабанъ) — заключенъ также намекъ на барабанъ, который Пароль опять собирается отнять у врага.

Стр. 300. Пароль... онъ имѣлъ честь служить офицеромъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Майнъ-Эндъ, гдѣ обучалъ построенію двойныхъ рядовъ.

Такъ назывался лугъ, на которомъ въ Шекспирово время производились военныя ученья горожанъ, часто подвергавшіяся въ это время осмѣянію.

Стр. 302. Лафе... Бездѣльникъ, мерзкій шафранъ котораго могъ бы окрасить въ свой цвѣтъ всю недопеченую, мягкую какъ тѣсто молодежь... Насмѣшка надъ модой того времени крахмалить воротники и брыжи желтымъ крахмаломъ.

Стр 303. Ш у т ъ . А жень отдалъ бы мою
дурацкую палочку.

Bauble (шутовскій жезлъ) коротенькая палочка съ головой шута на одномъ концѣ: была непременной принадлежностью каждаго шута того времени, съ которою онъ не разставался, такъ какъ она составляла принадлежность его шутовской одежды. Звонкіе удары, наносимые этой палочкой, составляли одну изъ самыхъ обычныхъ продѣлокъ шута.
